

БИБЛИОТЕКА

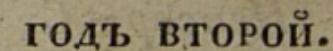
для

ВОСПИТАНИЯ.

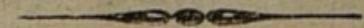

ОТДЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ЧАСТЬ II.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Издание А. Семёна.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЁНА.

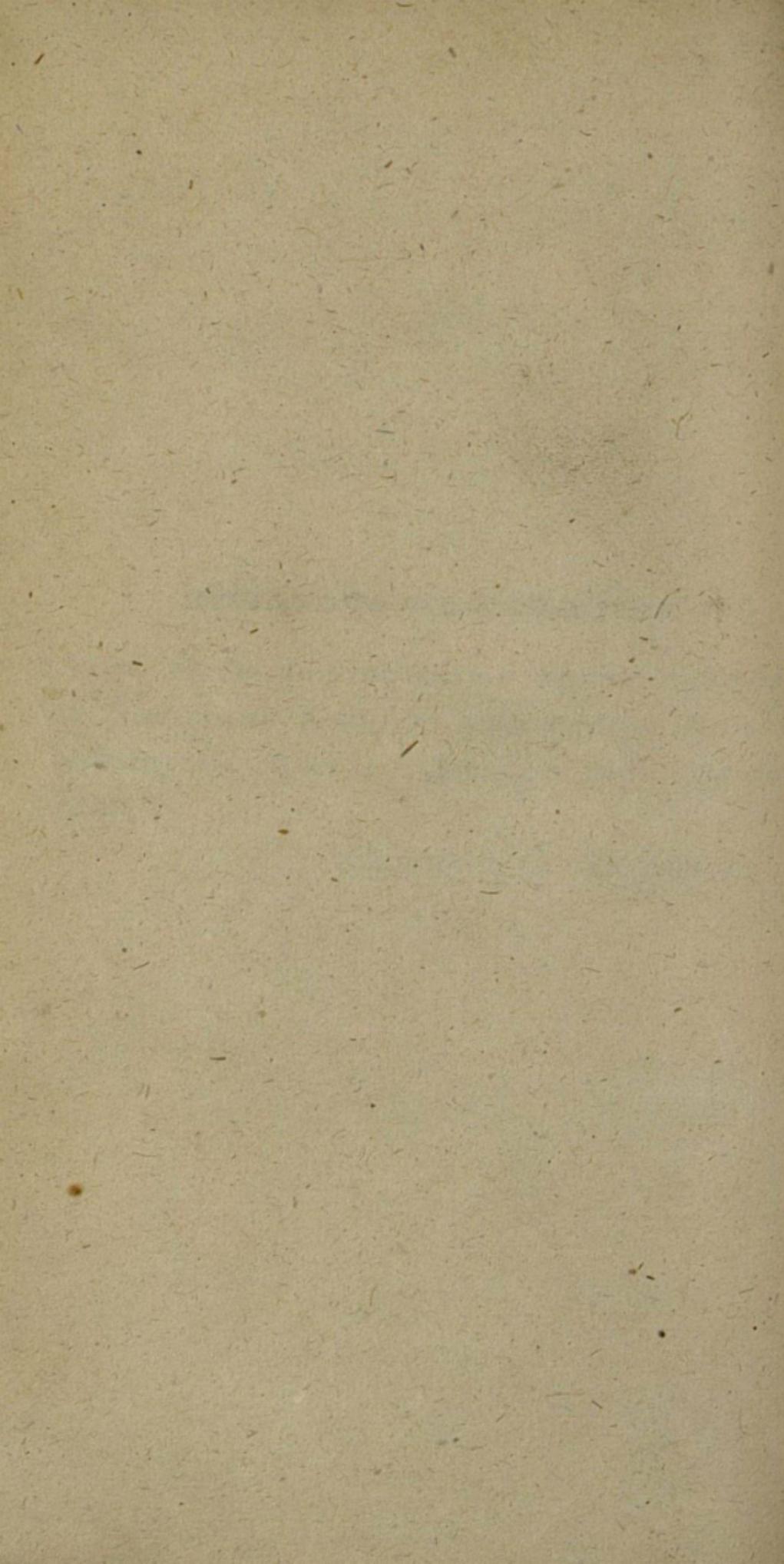
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

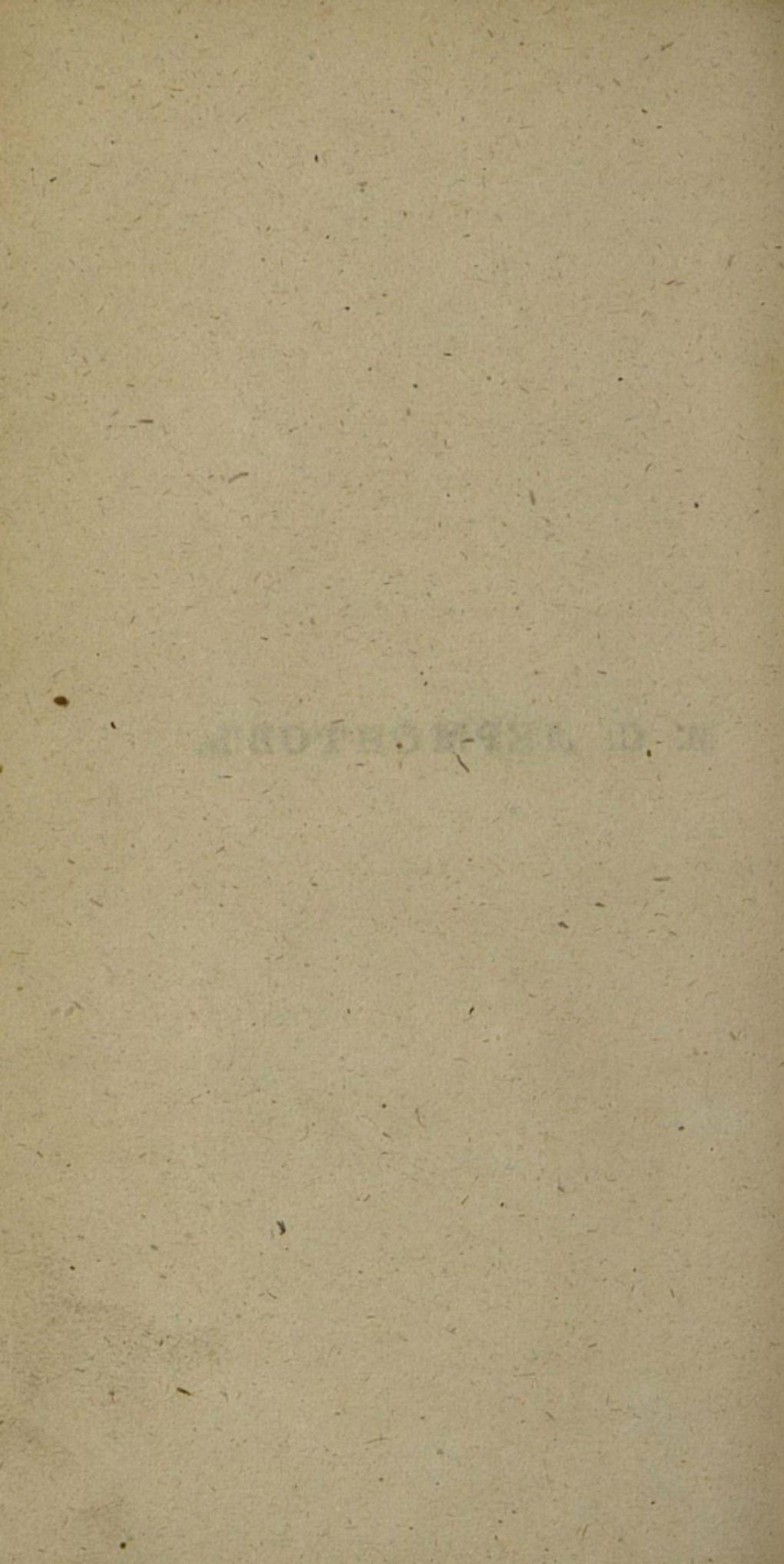
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число эк-
земпляровъ. Москва , Декабря 9-го дня 1844
года.

Цензоръ С. Баршевъ.

М. С. ЛЕРМОНТОВЪ.

Передъ стихотвореніями Лермонтова слѣдовалъ краткій очеркъ его жизни; но, въ ожиданіи болѣе полныхъ свѣдѣній, которыя въ скромъ времени должны быть доставлены, редакція отложила его до слѣдующей книжки. Отдельный счетъ страницъ позволитъ присоединить его, въ послѣдствіи, къ этой книжкѣ.

Собрать хотя нѣкоторыя свѣдѣнія для будущей бiографiи Лермонтова (которой, при цѣли, предполагаемой нашимъ изданіемъ, редакція и не могла имѣть въ виду)

II

будетъ, можетъ быть, не безполезно и для
Исторіи нашей литературы , такъ какъ до
сихъ поръ онѣ еще никѣмъ не были пе-
чатно собраны.

КАЗАЧЬЯ

Колыбельная Пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный ,
Баюшки--баю.

Тихо смотрить мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою,

Стану сказывать я сказки ,
Пѣсенку спою ;
Ты-жь дремли, закрывши глазки ,
Баюшки – баю.

По камнямъ струится Терекъ ,
Плещеть мутный валъ ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ ,
Точить свой кинжалъ.

Но отецъ твой, старый воинъ,
Закалёнъ въ бою:
Спи малютка, будь спокоенъ ,
Баюшки—баю.

Самъ узнаешь,—будетъ время , —
Бранное житье ;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возмешь ружье.

Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью....
Спи, дитя мое родное,
Баюшки—баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой ,
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...

Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангель, тихо, сладко,
Баюшки— баю.

Стану я тоской томиться ,
Безутѣшино ждать;

Стану цѣлый день молиться ,
По ночамъ гадать ;

Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жь, пока заботъ не знаешь ,
Баюшки—баю.

Дамъ тебъ я на дорогу
Образокъ святой :
Ты его, моляся Богу ,
Ставь передъ собой ;

Да готовясь въ бой опасный ,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный ,
Баюшки—баю.

СПОРЪ.

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великий споръ.
«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь
Ужь проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.

Люди хитры! Хоть и трудея
 Первый былъ скакечъ,
 Берегитесь! многолюденъ
 И могучъ Востокъ!»
 «Не боюся я Востока!»
 Отвѣчалъ Казбекъ:
 Родъ людской тамъ спить глубоко
 Ужь девятый вѣкъ.
 Посмотри: въ тѣни чинары,
 Пѣну сладкихъ винъ
 На узорные шальвары
 Сонный льетъ Грузинъ;
 И, склоняясь въ дыму кальяна
 На цвѣтной диванъ,
 У жемчужнаго фонтана
 Дремлетъ Тегеранъ.
 Вотъ у ногъ Ерусалима,
 Богомъ сожжена,
 Безблагольна, недвижима
 Мертвая страна;
 Да́льше, вѣчно чуждый тѣни,
 Моетъ желтый Нилъ
 Раскаленныя ступени
 Царственныхъ могиль.
 Бедуинъ забылъ поѣзды,
 Для цвѣтныхъ шатровъ,
 И поеть, считая звѣзды,

Про дѣла отцовъ.

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣна.

Нѣтъ, не дряхлому Востоку
Покорить меня ! »

— «Не хвались еще заранѣ ! »

Молвилъ старый Шать :
« Вотъ на Сѣверъ въ туманѣ
Чтѣ-то видно, братъ ! »

Тайно былъ Казбекъ огромный
Бѣстю той смущонъ ;
И, смутился, на Сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ ;
И туда въ недоумѣнїи
Смотрѣть, полный думъ :
Видитъ странное движенье ,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки ,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки ;
Вѣютъ бѣлые сultаны ,
Какъ степной ковылъ .
Мчатся пестрые уланы ,
Подымая пыль ;

Боевые батальоны

Тѣсно въ рядъ идутъ,
 Впереди несутъ знамёны ,
 Въ барабаны бьютъ;
 Гатареи мѣднымъ строемъ
 Скачутъ и гремятъ ,
 И, дымясь, какъ передъ боемъ ,
 Фитили горятъ.

И испытанный трудами

Бури боевой ,
 Ихъ ведеть, грозя очами,
 Генералъ сѣдой.
 Идутъ всѣ полки могучи ,
 Шумны какъ потокъ ,
 Страшно-медленны какъ тучи ,
 Прямо на Востокъ.

И, томимъ зловѣщѣй думой,
 Полный черныхъ сновъ ,
 Сталъ считать Казбекъ угрюмый
 И не счелъ враговъ.

Грустнымъ взоромъ онъ окинуль
 Племя горъ своихъ ,
 Шапку на брови надвинулъ —
 И навѣкъ затихъ.

ИЗЪ ГЕТЕ.

Горныя вершины
Спять во тьмѣ ночной ;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой ;

Не пылить дорога ,
Не дрожать листы...
Подожди немнога ,
Отдохнешь и ты .

ВЪТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины :
 Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла ?
 Какихъ холмовъ, какой долины
 Ты украшеніемъ была ?

У водъ ли чистыхъ Йордана
 Востока лучъ тебя ласкалъ ,
 Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
 Тебя сердито колыхалъ ?

Молитвуль тихую читали ,
 Иль пѣли пѣсни старины,
 Когда листы твои сплетали
 Солима бѣдные сыны ?

И пальма та живаль понынѣ ?
 Все такжель манить въ лѣтній зной
 Она прохожаго въ пустынѣ
 Широколиственной главой ?

Или, въ разлукѣ безотрадной,
 Она увяла, какъ и ты,
 И дольній прахъ ложится жадно
 На пожелтѣвшіе листы ?..

Повѣдай : набожной рукою
 Кто въ этотъ край тебя занесъ ?
 Грустилъ онъ часто надъ тобою ?
 Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ ?

Иль Божьей рати лучшій воинъ
 Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
 Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
 Передъ людьми и Божествомъ ?..

Заботой тайною хранима,
 Передъ иконой золотой
 Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима ,
 Святыни вѣрный часовой !

Прозрачный сумракъ , лучь лампады ,
 Кивотъ и крестъ, символъ святой...
 Все полно мира и отрады
 Вокругъ тебя и надъ тобой.

ТРИ ПАЛМЫ.

(Восточное сказание).

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
 Три гордяя пальмы высоко росли.
 Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
 Журча, пробивался волною холодной ,
 Хранимый , подъ сѣнью зеленыхъ листовъ ,
 Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли ;
 Но странникъ усталый изъ чуждой земли
 Пылающей грудью ко влагѣ студеной
 Еще не склонялся подъ кущей зеленої ,
 И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
 Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
 « На толь мы родились, чтобы здѣсь увядать ?
 Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы ,

Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы.
Ни чей благосклонный не радуя взоръ ?...
Не правъ твой, о Небо, святой приговоръ !⁴

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужь крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки ,
Пестрѣли коврами покрытые выюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ членокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали ,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой ,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой ;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ беспорядкѣ ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку ,
Бросаль и ловиль онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя караванъ ;
Въ тѣни ихъ веселой раскинулся станъ ,

Кувшины, звука, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою ,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей ,
И щедро поить ихъ студеный ручей.

Но только—что сумракъ на землю упалъ ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ ,
И пали безъ жизни питомцы столѣтій !
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти ,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на Западъ умчался туманъ ,
Урочный свой путь свершалъ караванъ ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной :
И солнце остатки сухie дожгло ,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло .

И нынѣ все дико и пусто кругомъ —
Не шепчатся листья съ гремучимъ ключомъ ;
Напрасно пророка о тѣни онъ просить
Его лишь песокъ раскаленный заносить ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ .

МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную
 Тѣснитсяль въ сердце грусть :
 Одну молитву чудную
 Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
 Въ созвучи словъ живыхъ,
 И дышетъ непонятная,
 Святая прелесть въ нихъ.

Съ души , какъ бремя, скатится
 Сомнѣніе далеко —
 И вѣрится, и плачется ,
 И такъ легко, легко...

ПАРУСЪ.

Бѣлѣтъ парусъ одинокій
 Въ туманѣ моря голубомъ.....
 Чтѣ ищетъ онъ въ странѣ далекой ?
 Чтѣ кинулъ онъ въ краю родномъ ?

Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ ,
 И мачта гнется и скрипить.....
 Увы, онъ счастія не ищетъ ,
 И не отъ счастія бѣжитъ !

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
 Надъ нимъ лучъ солнца золотой ;
 А онъ, мятежный, просить бури ,
 Какъ-будто въ буряхъ есть покой !

НА СМЕРТЬ

I.

Я зналъ его : мы странствовали съ нимъ
 Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
 Дѣлили дружно ; но къ полямъ роднымъ
 Вернулся я, и время испытанья
 Промчалося законной чередой ;
 А онъ не дождался минуты сладкой :
 Подъ бѣдною походною палаткой
 Болѣзнь его сразила, и съ собой
 Въ могилу онъ унесъ летучій рой
 Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
 Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній !

II.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ
 Поэзіи и счастья.... Но, безумный —
 Изъ дѣтскихъ рано вырвался одѣждъ
 И сердце бросилъ въ море жизни шумной ,
 И светъ не пощадилъ, и рокъ не спасъ !
 Но до конца, среди волненій трудныхъ,
 Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ

Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ :
 Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ ,
 И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчъ живую ,
 И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

III.

Но онъ погибъ далеко отъ друзей....
 Миръ сердцу твоему, мой милый Саша !
 Покрытое землей чужихъ полей ,
 Пусть тихо спить оно, какъ дружба наша,
 Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей !
 Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума ,
 Но съ твердостью. Таинственная дума
 Еще блуждала на челѣ твоемъ,
 Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ ;
 И тѣ, что ты сказалъ передъ кончиной,
 Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единій...

IV.

И былъ то привѣтъ странѣ родной ,
 Названье ли оставленнаго друга ,
 Или тоска по жизни молодой ,
 Иль просто крикъ послѣднаго недуга ,
 Кто скажетъ намъ ?... Твоихъ послѣднихъ словъ
 Глубокое и горькое значеніе
 Потеряно. Дѣла твои и мнѣнья ,

И думы,— все исчезло безъ слѣдовъ,
 Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ :
 Едва блеснуть, ихъ вѣтеръ вновь уносить —
 Куда онъ? за чѣмъ? откуда? — кто ихъ спроситъ?...

V.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
 Какъ отъ любви ребенка безнадежной ,
 Какъ отъ мечты, которой никогда
 Онъ не вѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
 Чѣдъ за нужда ? Пускай забудетъ свѣтъ
 Столь чуждое ему существованье:
 За чѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
 И тернія пустыхъ его клеветъ?
 Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
 Коварная его отвергнула цѣпи :
 Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи—

VI.

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
 И, вкругъ твоей могилы неизвѣстной ,
 Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
 Судьба соединила такъ чудесно :
 Нѣмая степь синѣеть, и вѣнцомъ
 Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ ;
 Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ ,

Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
 Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
 А море черное шумить, не умолкая.

СОСѢДЪ.

Ктобъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
 Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,—
 Тебя, товарищъ мой случайный,
 Хотя судьбы коварною игрой
 На вѣки мы разлучены съ тобой,
 Стѣной теперь—а послѣ тайной.

Когда зари румяный полусвѣтъ
 Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
 Мнѣ, умирая, посыпаетъ,
 И, опервшись на звучное ружье,
 Нашъ часовой про старое житьё
 Мечтая, стоя засыпаетъ, —

Тогда, чело склонивъ къ сырой стѣнѣ ,
 Я слушаю— и въ мрачной тишинѣ
 Твои напѣвы раздаются.
 О чѣмъ они?— не знаю; но тоской
 Исполнены, и звуки чередой ,
 Какъ слезы, тихо льются ..

И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь
 Въ груди моей все оживаетъ вновь,
 И мысли далеко несутся,
 И полонъ умъ желаній и страстей ,
 И кровь кипитъ— и слезы изъ очей ,
 Какъ звуки , другъ за другомъ льются.

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ ,
 И тихую пѣсню онъ пѣлъ,
 И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
 Внимали той пѣсни святой

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ,
 Подъ кущами райскихъ садовъ,
 О Богѣ Великомъ онъ пѣлъ, и хвала
 Его не притворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
 Для міра печали и слезъ,
 И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой·
 Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
 Желаніемъ чуднымъ полна ,
 И звуки небесъ замѣнить не могли
 Ей скучныя пѣсни земли.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка ,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка ;

Когда росой обрызганный душистый ,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой ,
Изъ—подъ куста мнѣ ландышъ серебристой
Привѣтливо киваетъ головой ;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу ,
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ ,
Лепечеть мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ ,—

Тогда смиряется души моей тревога ,
Тогда расходятся морщины на челѣ , —
И счастье я могу постигнуть на землѣ ,
И въ небесахъ явижу Бога..

ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ-поръ, какъ Вѣчный Судія
 Мнѣ далъ всевѣденье пророка ,
 Въ очахъ людей читаю я
 Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
 И правды чистыя ученья :
 Въ меня всѣ ближніе мои
 Бросали бѣшено каменъя.

Посыпалъ пепломъ я главу ,
 Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,—
 И вотъ въ пустынѣ я живу ,
 Какъ птицы, даромъ Божьей пиши.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня ,
 Мнѣ тварь покорна тамъ земная ,
 И звѣзды слушаютъ меня ,
 Лучами радостно играя.

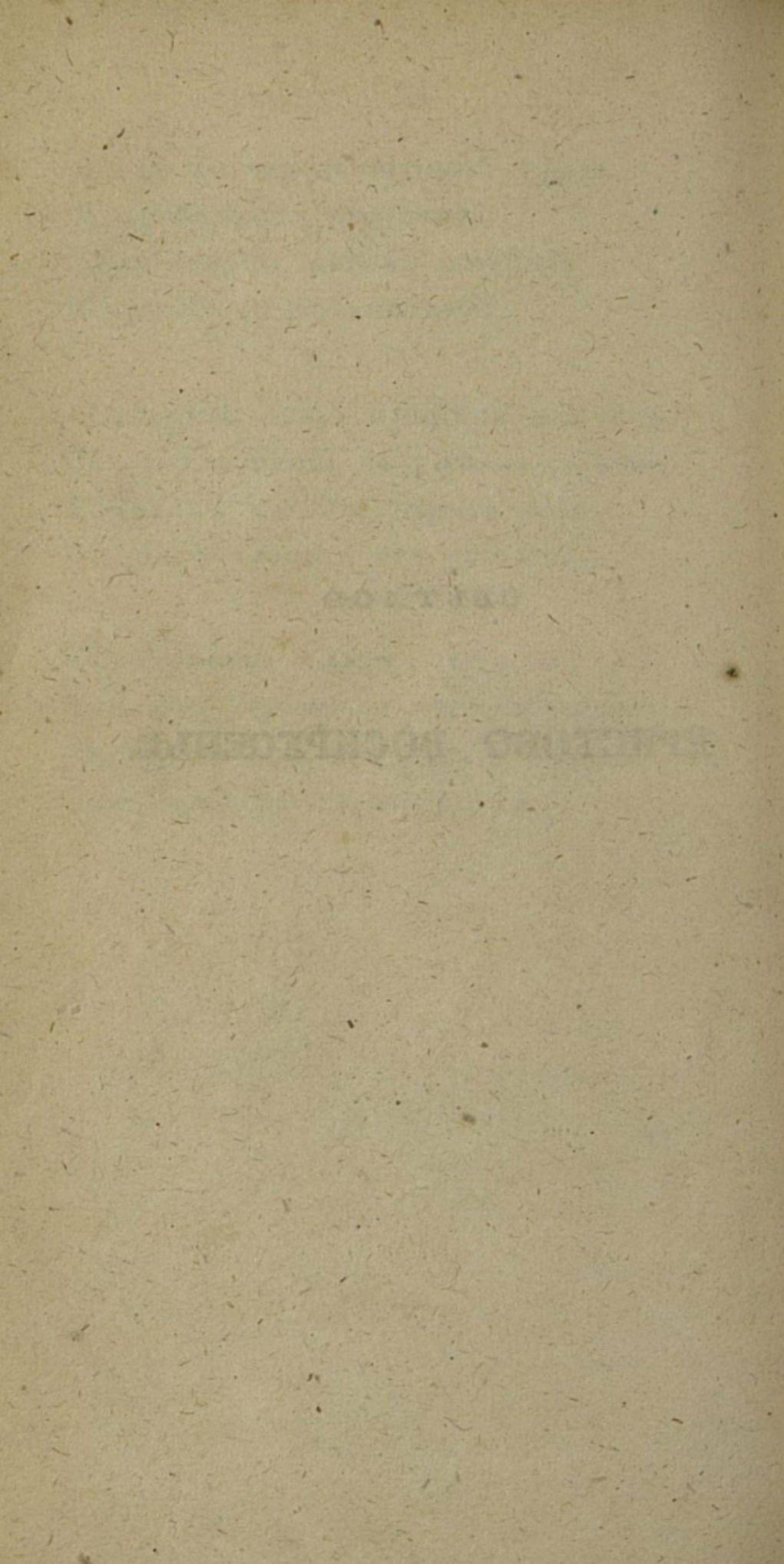
Когда же черезъ шумный градъ
 Я пробираюсь торопливо ,
 Тамъ старцы дѣтямъ говорять
 Съ улыбкою самолюбивой :

« Смотрите : вотъ примѣръ для васъ !
 Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами ;
 Глупецъ , хотѣлъ увѣрить насть ,
 Что Богъ гласить его устами ! »

« Смотрите же , дѣти , на него ,
 Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ !
 Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ ,
 Какъ презираютъ всѣ его ! »

СВѢТЛОЕ

ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Мы увѣрены , что повѣсть эта не будеть найдена неумѣстной въ книгѣ для *Воспитанія* , хотя и скажутъ , можетъ быть , иные , что , не смотря на передѣлку для дѣтей , она все таки не совсѣмъ дѣтская ; что ею оставляемое впечатлѣніе слишкомъ сплошно для молодаго воображенія и т . п .

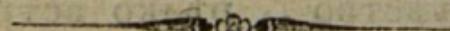
Отвѣтомъ на такія возраженія считаемъ мы тѣ истинное и живое нравственное чувство , которымъ проникнута вся повѣсть Диккенса , чувство , рѣдко встрѣчаемое въ книгахъ вообще , и еще рѣже въ книгахъ для дѣтей . — Глубокое впечатлѣніе есть неизбѣжная принадлежность всего , что носить

на себѣ печать живаго таланта и согрѣто искреннимъ чувствомъ и убѣжденіемъ, каковы всѣ произведенія Диккінса. Назначаемое же для дѣтей должно воспитывать въ нихъ ихъ нравственное существо, а не забавлять только легкими и скользящими образами.

Мы сожалѣемъ только, что разсказъ Диккінса долженъ былъ, разумѣется, много потерять въ такой передѣлкѣ для дѣтей.

Многое было по необходимости опущено, другое измѣнено. Мѣстный яркій колоритъ, которымъ особенно отличается Диккінсъ не могъ также быть переданъ дѣтямъ, безъ комментарія почти на каждое слово, и потому, чтобы избѣжать такихъ комментарій и толкованій, сочли мы за лучшее измѣнить самую сцену дѣйствія.

M...

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ПОВѢСТЬ,

(посвящена Д. Н. С.)

ГЛАВА I.

Проходя по №... улицѣ, нельзя не замѣтить большой вывески, съ полуистертою надписью : « Контора Маклера Скруга и Марлева. » Хотя Марлевъ уже семь лѣтъ какъ не было на свѣтѣ, но его товарищъ забывалъ до сихъ поръ стереть имя покойнаго съ вывески, и контора была известна, по прежнему, подъ именами обоихъ. Самъ Скругъ даже нерѣдко откликался на то и на другое имя. — То былъ старый,

жадный, ненасытный скряга ; неумолимъ какъ камень, молчаливъ какъ рыба, скрытень и нелюдимъ какъ улитка. Отсутствие всякой теплоты душевной отражалось во всемъ его существѣ, и, казалось, оледѣнило его старое вытянутое лицо, провело раннія морщины по впалымъ щекамъ, сдѣлало его походку неповоротливой и тяжелой. Маленькие красноватые глаза , тонкія синія губы, сиплый и грубый голосъ дополняли портретъ нашего скупаго. Его волоса и брови были сѣды , словно ихъ занесло снѣгомъ ; и гдѣ бы онъ ни былъ, куда бы ни шолъ, всюду отъ него такъ и вѣяло холодомъ.

Никто никогда не останавливалъ его по улицѣ веселымъ вопросомъ : «здѣровы ли вы , г. Скругъ ? когда же вы ко мнѣ ? » Никогда ницій не подходилъ къ нему, никогда ребенокъ не осмѣливался спросить у него : « который часъ, сударь ? » Никто и никогда не попросилъ

его указать себѣ дорогу; даже собака слѣпаго сторонилась отъ него, отводила къ уголку своего хозяина, и махая хвостомъ, казалось, хотѣла сказать: никогда не видывала я такого сердитаго господина и съ такимъ дурнымъ глазомъ. Но что за дѣло было до всего этого нашему маклеру? — Онъ умѣль жить только про себя и для одного себя.... —

Однажды, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья, онъ сидѣлъ за счетами въ своей конторѣ. Святая была ранняя; было холодно и туманно, и самъ Скругъ часто прислушивался, какъ прохожіе хлопали руками и топали о тротуары, чтобы согрѣть ноги. На башнѣ только что пробило шесть часовъ, и уже становилось темно. Скругъ сидѣлъ за большимъ столомъ, возлѣ печки, и нерѣдко приподнимался, чтобъ отогрѣться у догоравшаго огня; а бѣдный писарь, сидѣвшій у окна за большими конторскими книгами и не смѣвшій сойти съ мѣста, отогревалъ

или, скорѣе, обжигалъ свои окостенѣлые пальцы на стоявшемъ передъ нимъ сальномъ огаркѣ.

— «Поздравляю васъ съ завтрашнимъ праздникомъ, дядюшка!» — воскликнулъ вдругъ веселый голосъ. То былъ его племянникъ.

— «А!» сказалъ маклеръ: «Все пустое, что за праздникъ?»

— «Свѣтлое Воскресенье пустое, дядюшка? — вы вѣрно сказали, не подумавши,» отвѣчалъ племянникъ.

— «Не мое дѣло,» сказалъ Скругъ. «Праздникъ! да какое право ты имѣешь праздновать? развѣ ты такъ разбогатѣлъ?»

— «Ну, а вы какое имѣете право быть такимъ сердитымъ; вы развѣ обѣдили?»

На это Скругъ не нашелся ничего отвѣтить и повторилъ свое: *a!*

— «Будьте повеселѣе, дядюшка!»

— « Да съ чего мнѣ быть веселымъ ? развѣ съ того, что живу въ такомъ мірѣ дураковъ ? празднуютъ праздники , когда къ этимъ праздникамъ подходятъ всѣ денежные расчеты, и на повѣрку выходитъ, что человѣкъ годомъ сталъ старше , а въ карманѣ у него ни копѣйки не прибыло. — Если бы у меня была своя воля » продолжалъ онъ съ не-годованіемъ, » я бы всѣхъ васъ гулякъ и празднующихъ шутовъ повѣсили на одну осину ! »

— « Дядюшка ! »

— « Племянникъ ! »

— « По крайней мѣрѣ оставьте другихъ въ покоѣ , если сами не хотите знать никакихъ праздниковъ , и даже Свѣтлаго Воскресенья. »

— « А много хорошаго въ этомъ празднованьи и много оно принесло тебѣ пользы ? »

— « Приноситъ оно пользу или нѣть ,

но нельзя не любить это веселое время, уже не говоря, что оно связано со всемъ, чтò есть самого святаго въ нашей вѣрѣ; это одно время въ кругломъ году, когда каждый готовъ открыть другому всю свою душу,—когда другъ и недругъ готовы снова подать другъ другу руку и забыть все прошлое, и когда всѣ люди, высшіе и низшіе, равно чувствуютъ себя братьями въ одномъ общемъ свѣтломъ торжествѣ. И потому, дядюшка, думаю, что и я имѣлъ отъ Свѣтлаго Христова Воскресенія свою выгоду и пользу, если и не денежную! »

—«Вы, сударь, славный разсказщикъ!»

—« Ну, дядюшка, не сердитесь, а приходите-ка къ намъ завтра отобѣдать? »

—« Я , къ тебѣ ?

—« А почему нѣтъ? »

—« А зачѣмъ ты женился ?

—« Потому что я люблю свою жену. »

—« Ну, довольно ! Покойной ночи! »

— « Я отъ васъ ничего не прошу и ничего не требую ; почему же бы не быть намъ добрыми пріятелями ? Ми отъ всей души больно... »

— « Покойной ночи ! » повторилъ Скругъ !

— « Такъ весело попраздновать, дядюшка ! » сказалъ, уходя, племянникъ, и дружески пожалъ руку писаря.

— « А вотъ тутъ еще другой молодецъ , » пробоморталъ Скругъ . « Съ пятнадцатью рублями въ недѣлю , — съ женой и дѣтьми , туда же будетъ отправлять празднікъ . »

Въ это время вошло двое довольно видныхъ господъ , съ бумагами подъ мышкой .

— « Скругъ и Марлевъ , если не ошибаюсь ? » сказалъ одинъ изъ нихъ . « Съ которыми изъ этихъ господъ я имѣю удовольствіе говорить ? »

— « Г-нъ Марлевъ вотъ уже семь лѣтъ какъ скончался , и именно въ эту самую ночь . »

— « Мы увѣрены, что вы наслѣдовали отъ вашего покойнаго товарища всю его благотворительность... »

При словѣ : благотворительность, Скругъ насунулъ брови, покачалъ головой и подалъ назадъ бумаги.

— « Послѣ дороговизны этой зимы, столько есть нуждающихся , не имѣющихъ никакихъ средствъ къ пропитанію , и особенно столько семействъ, обремененныхъ дѣтьми, что для Свѣтлаго Воскресенья... »

— « А развѣ нѣть рабочихъ домовъ и сотней дураковъ ; которые подаютъ милостыни всякому встрѣчному ?» прервалъ Скругъ.

« Всего этого мало, и потому мы рѣшились собрать извѣстный капиталъ , составить комитетъ для раздачи вспоможенія родителямъ, а для дѣтей устроить приюты.» При этомъ видный господинъ взглянулъ значительно на Скруга.

— «Чтò прикажите записать отъ ва-
шего имени для праздника?»

— «Ничего.»

— «То-есть, вѣроятно, вы не желаете,
чтобы подъ вашимъ именемъ.»

— «Я желаю одного, чтобы меня оста-
вили въ покоѣ. Я боюсь всякихъ коми-
тетовъ, и не люблю ихъ,—также какъ и-
дѣтей; притомъ у каждого, кажется, до-
вольно своихъ дѣлъ и не для чего мѣ-
шаться въ чужія. Я же постоянно за-
нятъ одними своими дѣлами. Покойной
ночи , господа!»

Видя ясно , что имъ ничего не до-
биться , посѣтители обернулись и вы-
шли, а Скругъ принялся снова за свои
книги.

Время было самое неблагопріятное ;
вѣтеръ вѣль и крутилъ снѣгомъ ; ночь
была такая темная , что зги не видать ;
кое-гдѣ дрожалъ слабый свѣтъ въ по-
гасающемъ фонарѣ, или блестящія окна

магазина кидали длинную свѣтящуюся полосу поперегъ улицы. Наконецъ, пришло время затворять контору и лавки.

Скругъ слѣзъ важно съ высокаго конторскаго стула, а писарь немедля [за]дулъ свѣчку и надѣлъ шапку.

— «Вы вѣрно уже напередъ считаете весь завтрашній день своимъ?»

— «Если позволите, сударь!»

— «Да, я съ радостью бы позволялъ, если бы за то вычитывался хотя полтинникъ изъ жалованья. Но вы себя сочтете обиженнымъ? — а!»

Писарь улыбнулся.

— «А меня вы не считаете обиженнымъ, что плачу вамъ жалованье за такие дни, въ которые вы ровно ничего на меня не дѣлаете?.. За то прошу быть пораньше на слѣдующій день.»

Писарь обѣщалъ, и затѣмъ бросился со всѣхъ ногъ бѣжать домой, чтобы нѣсколько отогрѣть окостенѣлые руки.

ноги, и застать жену и дѣтей еще не спящими передъ заутреней. Скругъ же застегнулъ на всѣ пуговицы свой длинный сюртукъ и тихимъ мѣрнымъ шагомъ отправился домой, раздумывая объ ужинѣ и мягкой постель, — когда всѣ добрые люди съ нетерпѣniемъ ожидали радостнаго благовѣста къ заутренѣ.

Онъ занималъ комнаты своего покойнаго товарища. То былъ темный, низкій рядъ комнатъ, съ разными закаулками, такъ что иной бы подумалъ, что онъ нарочно выстроены, чтобы играть въ гулючки.

Когда Скругъ подходилъ къ двери, онъ невольно пріостановился и сталъ вглядываться, хотя впрочемъ на дверяхъ, казалось, ничего особеннаго не было; но не знаю почему, старинный рѣзной замокъ показался ему не замкомъ, а старымъ сморщенны�ъ лицемъ его старого товарища, Марлева; впрочемъ, въ лицѣ ничего не было страшнаго. Онъ

снова сталъ вглядываться, и снова — тотъ же замокъ, который онъ отпиралъ и запиралъ каждый день уже двадцать лѣтъ сряду.

Я не скажу, чтобъ онъ испугался, но ему стало какъ-то не ловко. Наконецъ онъ храбро повернулъ ключемъ, ^{взо}шелъ и зажегъ свѣчку.

Прежде чѣмъ заперъ дверь, онъ сно-
ва заглянулъ, но ничего особенного не
было, и онъ съ досадой хлопнулъ дверью,
такъ что громкое эхо раздалось по все-
му длинному ряду пустыхъ комнатъ.

Проходя мимо, онъ заглядывалъ въ
каждый уголъ, подъ диваны, въ шкафы,
за ширмы..., но нигдѣ и никого не бы-
ло; наконецъ, онъ дошелъ до своей спаль-
ни. Старый каминъ, изношенныя туфли,
умывальникъ на трехъ ножкахъ и ко-
черга, — все было по старому и на сво-
емъ мѣстѣ.

Успокоенный, онъ надѣлъ халатъ,

колпакъ и туфли, повернулъ, противъ своего обыкновенія, два раза ключемъ въ замкъ, и преснокойно сѣль у огня; но огонь былъ разведенъ такъ скучно, что Скругъ едва самъ не вмѣзъ въ каминъ, чтобы почувствовать на себѣ хотя малое-толико отрадной теплоты. Догоравшій огарокъ также едва освещалъ почернѣвшіе своды комнаты. . . Впрочемъ, Скругъ любилъ темноту: она вѣдь даровая, — ничего не стоитъ.

Каминъ былъ сложенъ изъ старинныхъ кафель съ выпуклыми фигурами. Когда онъ случайно поднялъ глаза, ему показалось, что изъ каждой кафли выглядываетъ старое лицо Марлева.

Скругъ плонулъ и отвернулся.

Вдругъ громко зазвенѣлъ колокольчикъ, и, казалось, будто всѣ другіе колокольчикисосѣднихъ квартиръ и домовъ также зазвенѣли въ одинъ громкій набатъ; потомъ послышалось ему, что кто-то волочитъ цѣпями въ нижнемъ

этажъ, и вотъ слышно какъ цѣпи брякаютъ по лѣстницѣ, наконецъ вотъ и самъ Марлевъ передъ нимъ. Лице все то же, и тотъ же парикъ съ хвостикомъ, сюртукъ, манжеты и длинный жилетъ, но за нимъ тащилась хвостомъ длинная цѣпь изъ разныхъ стальныхъ кошельковъ, кованыхъ ящиковъ, замковъ, ключей и пр.

Тѣло его было прозрачно, такъ что Скругъ, всматриваясь, замѣтилъ, что сквозь жилетъ видны двѣ заднія пуговицы на сюртукѣ.

Скругъ все еще не вѣрилъ своимъ глазамъ, хотя и чувствовалъ даже холодное дыханіе своего пріятеля; наконецъ, прихрабрившись, онъ рѣшился спросить у него, полу-шутя:

«Что вамъ угодно, сударь?»

«Очень многое.»

«Не угодно ли присѣсть?» сказалъ Скругъ, посматривая на него сомнѣ-

тельно; ему казалось очень мудрено, чтобы такое прозрачное существо могло садиться; но несмотря на это, оно преспокойно усѣлось противъ него и продолжало:

«Ты все еще не вѣришь въ меня и не вѣришь своимъ чувствамъ?»

— «Потому, отвѣчалъ Скругъ, не всегда я вѣрю имъ, что всякая дрянь можетъ сбить ихъ съ пути; вы, можетъ быть, ничто иное, какъ недоваренный кусокъ говядины или сыру, или попавшійся дурной картофель, и потомъ, мало ли чего не увидишь, если случайно забьется какой нибудь вздоръ въ голову.»

Скругъ нарочно храбрился, чтобы сохранить свое хладнокровіе.

Но когда пріятель его вдругъ пронзительно и съ сердцемъ вскрикнулъ и зазвенѣлъ цѣпями, онъ ухватился за кресла, чтобы не упасть со страху.

Когда же привидѣніе развязало свой широкій галстукъ, и нижняя челюсть упала на грудь..., Скругъ въ ужасѣ упалъ на колѣна и закрылъ глаза руками.

— «Помилуй, пришлецъ изъ того міра, зачѣмъ ты тревожиши меня?»

— «Ты, который служиши лишь міру и его золоту, теперь вѣриши ли, что я духъ и твой старый товарищъ?»

— «Вѣрю, вѣрю, но зачѣмъ ты пришелъ сюда и откуда эти цѣпи?»

— «Я несу цѣпь, которую самъ сковалъ себѣ во время жизни; я самъ надѣнею трудился, надѣ каждымъ кольцомъ и вершкомъ ея, и заковалъ ею свою волю и совѣсть. Тебѣ это странно?»

Скругъ затрясся еще больше.

— «А знаешь ли ты вѣсъ и длину той цѣпи, которую ты самъ ежечасно куешь себѣ. Семь лѣтъ тому назадъ, она была не меньше моей, а съ той поры

ты не переставалъ надъ нею работать. — То-то будетъ цѣпочка! »

Скругъ оглянулся назадъ со страхомъ и сказалъ почти со слезами: « Яковъ Ивановичъ! — скажи хоть словечко въ утѣшніе. »

— « Не мнѣ приносить утѣшеніе людямъ: оно висходитъ съ другаго вышняго міра, и для него есть свои посланнія. »

Скругъ призадумался надъ слышаннымъ, и по старой привычкѣ, съ важностью положилъ руки въ карманъ, но не подымая глазъ и не вставая съ колѣнъ.

— « Но гдѣ же искать и найти утѣшенье? » наконецъ сказалъ онъ.

— « О жалкая, заключенная, скованная душа! — сказалъ Марлевъ.

— « Не знать, что для каждой Христіанской души, со смиреніемъ творящей свое дѣло въ своемъ тѣсномъ кругу,

каковъ бы онъ ни былъ, нѣтъ минуты въ ея смертной жизни, которая бы не была одинаково благословлена! Но я былъ ли таковъ? Увы! нѣтъ, нѣтъ!»

— «Но вы были всегда хороший дѣлецъ, Яковъ Иванович!» пробормоталъ Скругъ.

— «Дѣлецъ!» вскрикнулъ его старый товарищъ и началъ съ отчаяніемъ ломать себѣ руки. «А много я сдѣлалъ для своихъ близкихъ? Часто ли зналъ милость, бывалъ снисходителенъ къ брату!..» Съ этими словами, онъ вытянуль свою цѣпь и въ неописанномъ горѣ ударилъ ею о землю.

Послѣднія слова товарища еще больше огорчили Скруга.

— «Слушай меня,» продолжалъ Марлевъ, «мнѣ не долго оставаться съ тобою; я пришелъ сегодня предостеречь тебя и вмѣстѣ дать тебѣ, по старой дружбѣ, надежду и возможность избѣ-

жать моей участи. Помни,—что я тебѣ даю ее.....»

—«Вы всегда были моимъ добрымъ пріятелемъ; благодарю васть. »

—«Къ тебѣ придутъ три духа. »

При этихъ словахъ, Скругъ повѣсилъ носъ и сказалъ слабьющимъ голосомъ: «такову-то надежду вы мнѣ обѣщали. »

—«Да ! »

—«Нельзя ли обойтись безъ нихъ ? »

—«Безъ нихъ..... тебѣ не избѣжать моей судьбы. Ожидай первого завтра, когда колоколъ пробьетъ часъ. »

—«Но нельзя ли бы было ихъ принять всѣхъ заразъ , какъ я дѣлаю съ пилолями или микстурой ,» намекнулъ Скругъ.

—«Жди втораго на слѣдующую ночь, въ тотъ же часъ , и третьяго—на третью ночь,» продолжалъ Марлевъ, не обращая вниманія на его слова.

— «Прощай же, и не забывай меня.»

Съ этими словами Марлевъ взялъ галстухъ и началъ его подвязывать. — Скругъ замѣтилъ это по щелканью зубовъ, когда челюсти стали снова приходить на свое мѣсто, поддерживаемыя толстымъ жабо.

По мѣрѣ того, какъ призракъ отходилъ отъ него, окошко само собой поднималось, и онъ исчезъ въ сумракѣ ночи. Улетая, онъ, казалось, подзывалъ своего товарища.

Скругъ подошелъ къ окошку. Небо было по прежнему сумрачно, но въ воздухѣ ему слышались странные звуки плача и стенанья; и каждый голосъ, казалось, стоналъ себѣ и ему въ обиженіе; — и тотъ же воздухъ, когда онъ сталъ всматриваться, казалось ему, былъ полонъ тѣней, летавшихъ туда и сюда со стономъ и плачемъ; и каждая тѣнь гремѣла своею цѣпью; и каждая цѣпь — своимъ особымъ звукомъ.

Ему помнилось, что многихъ онъ зналъ въ старые годы. Между прочимъ, онъ узнавъ, по его манжетамъ и толстому жабо, одного своего старого хорошаго пріятеля, разумѣется такого же скрягу и бездушнаго, какъ онъ самъ.— Страшная тяжелая цѣпь гремѣла и волоклась за нимъ,— и казалось, заставляла кружиться на одномъ мѣстѣ, гдѣ внизу на приступкѣ сидѣла оборванная старуха, съ плакавшимъ отъ голода и холода ребенкомъ;— и прежній скряга не могъ свести глазъ съ зрелица нищеты, котораго онъ прежде такъ бѣгалъ; то протягивалъ руки, то рвался подать что-то,— но все безуспѣшно.... и тѣнь его продолжала плакать, какъ дитя, томиться и стонать надъ своимъ безсиліемъ.

Въ этомъ, казалось, и состояло ихъ общее несчастіе,— какъ то замѣчалъ Скругъ не на одномъ своемъ пріятелѣ, но и на прочихъ тѣняхъ,— что передъ ними раскрыты были всѣ горести людей, ихъ

прежнихъ братій , и дано было все же-
ланіе горячей Христіанской души по-
мочь ближнему, и казалось, даны были
всѣ средства ; — но невозможность низой-
ти въ прежній міръ и загладить преж-
нія дѣла возвращала ихъ къ чувству
своего безсилія и вѣчному плачу надъ
собою и невозвратимымъ прошедшемъ.
— Послѣдняя встреча заставила Скруга
еще болѣе задуматься, и на эту минуту
ему невольно представилось, что и его
ожидаетъ впереди такая же участъ....
Онъ самъ не зналъ, было ли то какая-
то странная дремота или сонъ, или все
это видѣлось ему на яву. Наконецъ, стран-
ные звуки и блѣдныя тѣни мало по-
малу стали теряться въ воздухѣ..., все
стѣхло и по прежнему накрылось сѣ-
рымъ, густымъ туманомъ. Скругъ опу-
стилъ окошко , бросился, не раздѣваясь,
на постель и заснулъ какъ убитый.

ГЛАВА II.

Когда Скругъ проснулся, было такъ темно, что онъ едва могъ разглядѣть гдѣ окошко. Начали бить городскіе часы, и къ его крайнему удивленію, толстый колоколъ ударилъ семь, восемь и наконецъ остановился на двѣнадцати! Двѣнадцать ночи, а онъ легъ въ два!

— «Вѣрно часы испортились..., ледяная сосулька попала въ колесы.»

Онъ подавилъ пружину у своего репетитора, и звонкій молоточикъ также пробилъ двѣнадцать.

— «Не можетъ же быть, чтобы я проспалъ цѣлый день и захватилъ еще ночь; развѣ съ солнцемъ случилось какое приключеніе, и теперь еще полдень?»

Съ этими словами, онъ всталъ и проторъ рукавомъ замерзшее окно.

На небѣ было также темно, и никого на улицѣ.

Скругъ снова легъ въ постель. Онъ думалъ и передумывалъ, но беспокойство все болѣе и болѣе овладѣвало имъ. Наконецъ, онъ было уже убѣдилъ себя, что все это былъ сонъ, какъ вдругъ часы пробили три четверти, и онъ вспомнилъ, что ему обѣщанъ новый гость въ часъ по полуночи. Эта четверть часа показалась ему необыкновенно длинна и мучительна; --наконецъ, куранты запели: бимъ, бомъ, бомъ, динь, донь, донь. Скругъ едва переводилъ дыханіе, когда мгновенно колоколъ ударилъ свой однокій, громкій одинъ. Комната освѣтилась и что-то отдернуло занавѣсь постели.

Скругъ вскочилъ и увидаль себя лицемъ къ лицу съ страннымъ образомъ. То было, казалось, лицо ребенка, но съ

такимъ строгимъ , спокойнымъ взоромъ и глубокою мыслью на челѣ, что, казалось, судьба сохранила зрѣлому мужу всю свѣжесть его дѣтства. Бѣлые, какъ лунь, волосы падали кудрями по плечамъ ; казалось, что не одинъ вѣкъ уже прожить этой маленькой головкой , а между тѣмъ яркій румянецъ игралъ на щекахъ и оттѣнялъ нѣжныя черты. Во всѣхъ членахъ была какая-то нѣжность и дѣтская гибкость, и вмѣстѣ съ тѣмъ сила мужескаго возраста. Его покрывала ярко-бѣлая туника, собранная посерединѣ поясомъ, блестящимъ всѣми цвѣтами радуги; въ рукахъ у него была пальмовая вѣтка ; яркій свѣтъ блесталъ діадемой на челѣ ; а подъ мышкой опѣ держалъ шляпу, которая, вѣроятно, служила ему вмѣсто мѣднаго колпачка, которымъ мы гасимъ на ночь свѣчку.

— « Не вы ли та особа, которой посѣщеніе возвѣстилъ мнѣ мой пріятель ? »

— « Да » отвѣчалъ иѣжный, звонкій го-
лосъ. »

— « Не церемоньтесь у меня ! не угод-
но ли накрыться, — здѣсь холодно. » Ему
очень захотѣлось видѣть своего гостя
въ шляпѣ.

— « Какъ ! » — и при этомъ маленький
духъ поднялъ голосъ — « ты уже заранѣ
хочешь погасить тотъ свѣтъ , который
освѣтить тебѣ твоё прошедшее и бу-
дущее.

Скругъ почтительно извинился, что
можетъ быть , его обидѣлъ , и затѣмъ
осмѣлился спросить : чему обязанъ онъ
честью такого посѣщенія ?

— « Заботъ о вашемъ благоенствіи . »

Скругъ выразилъ всю свою благо-
дарность , но вмѣстѣ съ тѣмъ подумалъ
про себя , что если бы его оставили
хоть на одну ночь въ покой , то сдѣла-
ли бы гораздо больше для его настоя-
щаго благоенствія .

Видно, что гость прочелъ въ глазахъ Скруга тайную мысль его, и взявъ за руку, громко сказалъ: « не противорѣчть! встать и идти за мной! »

Скругу было бы совершенно бесполезно отговариваться, — что онъ совсѣмъ не привыкъ къ ночныхъ прогулкамъ, что постель тепла, а термометръ ниже точки замерзанія, что онъ и одѣтъ неприлично: въ туфляхъ, халатъ и колпакъ.... противиться было нечего ; его держала рука, нѣжная какъ рука ребенка, но въ которой онъ чувствовалъ всю силу Геркулеса. Онъ всталъ ; но когда замѣтилъ, что его вожатый отправляется прямо къ окну, въ отчаяніи ухватился за полу его бѣлой туники. « Вспомните, что я смертный, могу упасть и разшибиться. »

— « Не бойся , моя рука поддержитъ тебя и не на такой высотѣ. »

Съ этими словами, они были уже далеко, и очутились среди полей, на открытой проселочной дорогѣ. Ни малъй-

шаго слѣда большаго шумнаго города; туманъ и мракъ ночи исчезли; былъ свѣтлый, холодный весенний день, снѣгъ порошилъ на землю.

— «Боже мой!» сказалъ Скругъ, всплеснувъ руками, когда онъ осмотрѣлся кругомъ, « я здѣсь родился; здѣсь былъ ребенкомъ! »

Тысяча надеждъ, сочувствій, радостей и заботъ, давно забытыхъ, одни за другими грознымъ призракомъ вставали передъ нимъ и словно носились въ воздухѣ, напѣвая душъ про все ея давно-попрившее, ею отверженное прошедшее. Казалось, новая свѣжая жизнь пробѣгала по всѣмъ жиламъ.

« У васъ дрожать губы и румянецъ выступилъ на щекахъ? » сказалъ, съ дѣтскою нѣжностію, его вожатый; « но пойдемте; вы я думаю помните дорогу. »

« Какъ не помнить! » вскрикнулъ Скругъ съ небывалымъ жаромъ; « я бы нашелъ ее ощупью. »

«Странно же; въ столько лѣтъ ни разу не вспомнить..... но идемте.»

Они пошли по дорогѣ. Скругъ узнавалъ каждое дерево, каждую тропинку... наконецъ, показался предъ ними небольшой уѣздный городокъ, съ нѣсколькими торчащими колокольнями, соборнымъ куполомъ, выющеюся рѣкою и деревяннымъ мостомъ. Вотъ ѿдутъ къ нимъ на встречу, крупною рысью, нѣсколько тѣлѣгъ, усаженныхъ молодыми курчавыми головками. Молодые парни побольше сидѣли на облучкѣ и погоняли по всѣмъ по тремъ, затягивая веселую пѣсню. Вся эта молодежь, казалось, была въ большой радости, хохотала, кричала, хлопала въ ладоши; другие, съ тѣмъ же хохотомъ, пѣснями и криками, шли гурьбой пѣшкомъ.

Скругъ вспомнилъ, что то было Свѣтлое Воскресеніе и что многіе изъ его товарищей отправлялись тогда въ со-

съдній, богатый пригородъ къ своимъ отцамъ и матерямъ.

Опъ могъ назвать почти каждого по имени; но странно, чemu онъ такъ обрадовался, когда увидалъ ихъ, такъ что сердце, казалось, готово было выпрыгнуть? отчего такъ засверкали давно потухшіе глаза? отчего съ такою радостью онъ вслушивался въ радостное — Христосъ Воскресъ, Воистину Воскресъ — которымъ они мѣнялись съ каждымъ встрѣчнымъ? Какое, казалось, было дѣло ему до Свѣтлаго Христова Воскресеня? развѣ оно доставило ему, когда нибудь лишнюю копѣйку?

«Школа однакожъ не совсѣмъ пуста,» замѣтилъ его вожатый; «въ ней остался одинъ сирота, заброшенный и забытый всѣми.

«Да, я знаю,» отвѣчалъ Скругъ, закрылъ глаза руками.

Они повернули въ переулокъ и становились передъ небольшимъ, сѣрымъ скосившимся на бокъ домомъ. Миновавъ

первую большую класную, уставленную засаленными столами и лавками, они взошли въ другую небольшую комнату позади дома, гдѣ, возлѣ топившейся печки, размыкивалъ свое горе бѣдный сирота, котораго учитель оставилъ стеречь школу, пока онъ самъ и всѣ его товарищи весело встрѣчали Свѣтлое Воскресенье.

Скругъ присѣлъ на одну изъ лавокъ и невольно едва не заплакалъ надъ прежнимъ самимъ собою, котораго всѣ забыли....

Ни одинъ звукъ въ пустомъ домѣ — было-ли то мяуканье кошки за пѣчкой, или стонъ вѣтра въ голыхъ вѣтвяхъ плакучей березы, скрытъ далекой двери на дворѣ, или трескъ и щелканіе огня въ печкѣ — не пропадалъ даромъ для Скруга. Все говорило его душѣ о ея прежней дѣтской свѣтлой жизни; — съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ вслушивался онъ въ каждый бѣглый от-

звукъ, и каждый звукъ, казалось, какоюто неземною отрадою ложился въ его опустѣлую, черствую душу.

Онъ сталъ пристальнѣе вглядываться въ своего прежняго себя, и невольно вырвалось у него: «бѣдный ребенокъ!...

«Я бы хотѣлъ...» и съ этими словами онъ судорожно опустилъ руку въ карманъ, но оглянувшись кругомъ и отревъ рукавомъ глаза, онъ продолжалъ въ полголоса: «теперь ужь поздно.»

«Въ чемъ дѣло?» спросилъ его вожатый.

«Ничего,» сказалъ Скругъ, «ничего. Вчера вечеромъ остановился у моей двери мальчикъ, такой же жалкій.... я бы съ радостью далъ ему что нибудь теперь; вотъ и все.»

Духъ грустно улыбнулся, махнулъ рукою и сказалъ: «впередъ.»

Съ этими словами, спѣвшій у огня мальчикъ вдругъ разодвинулъ въ пле-

чахъ и выросъ на нѣсколько вершковъ; въ комнатѣ стало темно; домъ вдругъ пошатнулся еще болѣе на бокъ, окошки разсѣли, штукатурка попадала въ разныхъ мѣстахъ. Снова стало свѣтло и все по прежнему; но какъ и что?—Скругъ ничего не могъ понять, — и прежній онъ снова одинъ, и по прежнему пусто, ибо также было Свѣтлое Воскресенье; но въ этотъ разъ онъ уже не спѣль, спокойно притаившись въ углу, а въ большомъ волненіи расхаживалъ по комнатѣ большими шагами.

Скругъ и вмѣстѣ съ нимъ его молодой двойникъ съ нетерпѣніемъ глядѣли на дверь. Дверь наконецъ отворилась, и маленькая дѣвочка, лѣтъ девяти, бросилась къ нему на шею, и повторяла, цѣлуя его: « милый, милый братецъ! »

— « Я пріѣхала за тобой, чтобы отвести тебя домой, братецъ, » говорило дитя, смѣючись отъ радости и хлопая ручenkами, — « домой, домой. »

— « И совсѣмъ домой , Катя ? »

— « Да, да ! » отвѣчало дитя, сверкая глазенками. « Домой и навсегда , такъ что тебѣ и не возвращаться больше въ эту скучную школу . Дядюшка столь гораздо добрѣе къ намъ , такъ что я разъ рѣшилась спросить у него : « пора бы домой братца , дядюшка ? » и онъ отвѣчалъ мнѣ : « да , пора ; поѣзжай сама за нимъ , Катя , съ старымъ Иваномъ . Ты однакожь уже совсѣмъ большой человѣкъ , Федя , » сказала она , призадумавшись немного , и вытаращила на него глазки ... « Но что за дѣло ! мы съ тобой вмѣстѣ всю Святую . . . О , если бы ты зналъ , какое у насъ веселое время ; другаго нѣть такого въ году ! »

« Да и ты совсѣмъ невѣста , Катя . »

Она прыгала и хлопала въ ладоши , то смѣялась , то плакала ; хотѣла разъ погладить его по головѣ , но недостала ; снова захочотала и встала на цыпочки , чтобы спера поцѣловать его . Потомъ , шу-

тащить его рученкой къ двери; а онъ, разумѣется, не противился.

Вдругъ раздался осиплый голосъ: «снести внизъ пожитки г. Скруга,» и вслѣдъ затѣмъ показался самъ учитель, длинный и худой; съ величественной, но вмѣстѣ благосклонной улыбкой онъ погладилъ дѣтей по головкамъ, взялъ ихъ за руки и повелъ въсосѣднюю комнату, гдѣ уже накрыть былъ на столѣ завтракъ: красныя яйца, куличи и пасха; дѣти поѣли, поблагодарили учителя и съ радостью распостились съ нимъ. Все было уложено; колокольчикъ зазвѣнѣлъ и кибитка покатилась.

— «Какое нѣжное созданіе! но ему связнуть отъ первого подувшаго вѣтра,» сказалъ призракъ, обратившись къ Скругу; «а какое было любящее сердце!»

— «Да, вы правы! Боже упаси, чтобы я сказалъ что нибудь противъ нее.»

— «Но она, кажется, умерла уже замужемъ и отъ нее остались дѣти.»

— « Да, одинъ сынъ. »

— « Вашъ племянникъ. »

Скругу стало какъ-то неловко, и онъ отвѣчалъ коротко: « да. »

Они вышли изъ школы; веселыя праздничныя толпы бродили по улицамъ; время уже клонилось къ вечеру. Они остановились предъ одной вывѣской; — призракъ спросилъ Скруга: знаетъ ли онъ ее.

— « Какъ же не знать! да я здѣсь былъ въ ученьи. »

Они вошли; за столомъ сидѣлъ старый господинъ, такой высокой, что если бы еще нѣсколько вершковъ, казалось, онъ досталъ бы до потолка.

— « Боже мой, мой старый добрый хозяинъ! »

Высокій господинъ всталъ изъ-за стола, посмотрѣлъ на часы и затѣмъ потеръ себѣ руки, поправилъ галстукъ, улыбнулся и вскрипчалъ густымъ веселымъ басомъ:

— « Эй ! Оома , Федя ! »

Прежній онъ Скруга , теперь уже молодой человѣкъ , взошелъ быстро въ комнату вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ .

— « Оома , Боже мой ! » сказалъ Скругъ . « Да , это онъ . Какъ онъ любилъ меня , бѣдный Оома ! »

— « Ну , дѣти , » сказалъ хозяинъ , « сего-дня не до работы , и пора подумать о вечерѣ , закрыть ставни , все убрать , вынести все лишнее » , и хлопнувъ въ ладоши , прибавилъ : « живо ! » .

Все было готово въ одно мгновеніе : столы вынесены , полъ подтертъ , свѣчки зажжены и ожидали гостей .

Вотъ вошла скрипка и начала настроивать ; за ней — дородная хозяйка съ добродушною улыбкой , и три хозяйскія дочки , цвѣтущи亞 здоровьемъ ; затѣмъ — дамы и кавалеры : башмачникъ со своей дочкой , портной со сво-

имъ сыномъ и еще пѣсколько го-
стей болѣе почетныхъ . . Гостей было
очень много; — всѣ они входили, кто смѣ-
ло, кто съ робостью, кто неловко , кто
жеманяясь, но для всѣхъ нашлось, одна-
ко жъ, мѣсто , хотя, можетъ быть, и не
совсѣмъ просторное. И вотъ пошли па-
ра за парой , взадъ и впередъ , вправо
и влево , кружатся и раскланиваются,
кто съ важностию , кто въ припрыжку.
Молодой Скругъ увивался около дамъ;
самъ старикъ — хозяинъ и хозяйка не
пропускали ни одного танца и неутоми-
мо выдѣлывали всѣ па. Казалось, всѣ
они разучились ходить попросту ,
только и умѣютъ, что прыгать. Все это
время безпрестанно разносились всяки
закуски и прохладительные: лимонад
и красная вода, конфекты, постила, при-
ники и орѣхи. Наконецъ, пробило двѣ
надцать ; скрипка заиграла польской,
гости начали расходиться. Хозяинъ
хозяйка стали у двери провожать го-

тей ; много было рукожатій , много — поцѣлованныхъ ручекъ и добродушныхъ желаній , чтобы также весело провести и остальные дни праздника . Наконецъ , все распрошалось , привѣтствія и чмоканья кончились , и въ комнатѣ остались только два молодыхъ человѣка .

Во все это время , Скругъ былъ какъ бы виѣ себя . Вся его душа была въ томъ , что онъ видѣлъ и съ своимъ прежнимъ собою . Все предъ нимъ ожило , и всѣмъ онъ наслаждался , какъ будто прежній , двадцатилѣтній юноша . Онъ былъ въ неописанномъ волненіи , и опомнился , когда они были уже одни , и вмѣсто свѣтлыхъ , улыбающихся лицъ молодыхъ людей , глазъ его встрѣтился съ прозрачнымъ взглядомъ призрака ; — свѣтящаяся діадема на его головкѣ блестала ярче , чѣмъ когда-либо .

— « А какъ малаго стоять , » сказалъ онъ , « сдѣлать весь этотъ пустой на-

родъ счастливымъ!» — «Малаго!» отвѣчалъ Скругъ, задумавшись.

Призракъ далъ ему знакъ, чтобы онъ вслушался въ разговоръ двухъ молодыхъ людей, которые вышли въ соседнюю комнату и разсыпались въ похвалахъ своему добромъ хозяину, и затѣмъ продолжалъ: «и онъ не истратилъ и сорока рублей; есть же изъ чего рассточать ему такія похвалы!» —

«Не въ томъ дѣло,» сказалъ Скругъ, разгоряченный замѣчаніемъ и забывшись, говоря совершенно какъ прежній, давно отжившій онъ. «Не въ деньгахъ дѣло; всякий человѣкъ можетъ дѣлать зависящихъ отъ него счастливыми и несчастными, сдѣлать для нихъ всякий трудъ, легкій или тяжелый, удовольствіемъ или тягостнымъ исполненіемъ долга. Скажи лучше, что эта власть его — въ каждомъ словѣ и взглядѣ, въ каждой бездѣлицѣ, которую сама жизнь развѣ можетъ замѣтить, а это счастье, которое онъ раз-

ливаетъ вокругъ , также драгоцѣнно ,
какъ еслибъ оно стоило ему половины
всего его состоянья. »

Онъ почувствовалъ на себѣ взглядъ
призрака и остановился. . .

« Въ чёмъ дѣло ? »

« Ничего особеннаго ; я сейчасъ поду-
малъ о своемъ секретарѣ и хотѣлъ бы
сказать ему нѣсколько словъ. »

Въ это время взошелъ его прежній
онъ и погасилъ свѣчи.—Стало темно, и
снова они очутились гдѣ-то, но гдѣ ?—
сначала Скругъ не могъ разобрать. « Мнѣ
остается не много времени » замѣтилъ его
вожатый ; « скорѣй ! » и съ этими словами
прежній Скругъ уже стоялъ передъ
ними. Онъ былъ теперь мужчина въ
зрѣломъ возрастѣ. Черты его лица еще
не огрубѣли, какъ въ позднѣйшіе годы,
но уже носили на себѣ печать заботы и
страсти къ золоту. Замѣтно было какое-
то беспокойное, нетерпѣливое движеніе

въ глазахъ, которое показывало, что сѣмя страсти уже брошено и будущее дерево скоро заглушить, подъ своею густою, мертвящею тѣнью, всякое другое человѣческое чувство.

Онъ не былъ одинъ; возлѣ него сидѣла молодая девушка, съ румянымъ, свѣжимъ лицомъ и въ траурномъ платьѣ. Въ глазахъ ея блестали слезы, точно росинки на восходѣ солнца. У окошка сидѣлъ старикъ—отецъ и, казалось, углубленъ въ чтеніе какой-то книги.

«Вы сами, можетъ быть, того еще не чувствуете, но другое земное божество вамъ замѣнило меня. Дай Богъ, чтобы оно дало вамъ тѣ же радости, какія мое сердце обѣщало» сказала она съ какою-то нѣжною грустью.

«Что за земное божество?» отвѣчалъ онъ.

«Золото» отвѣчала она.

«Таковъ всегда бываетъ свѣтъ!» продолжалъ онъ. «Ничто не бываетъ такъ за-

вистливо, какъ бѣдность, и ничего не обвиняетъ она такъ строго, какъ всякое исканіе богатства, особливо — когда оно успешно." Онъ уже не могъ понять, какъ эти слова раздирали сердце бѣдной девушки.

Но она отерла глаза и продолжала съ кротостью: « я знаю, теперь для васъ одна цѣль и надежда жизни: золото и поклоненіе людей предъ тѣмъ золотымъ кумиромъ, который вы создадите изъ себя. Я видѣла, какъ всѣ ваши лучшія внушенія души, благородные порывы мысли вяли и блекли, одинъ за другимъ, подъ холоднымъ дыханьемъ золотаго идола. »

« Такъ что же? если я и сталъ востолько благоразумнѣе, я, кажется, не перемѣнялся къ вамъ. » Она покачала головою.

« Такъ въ чемъ же? »

« Уже прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ мы обѣщаны другъ другу и

покойная мать моя благословила насть. Мы оба были одинаково бѣдны тогда, но довольны своей судьбой; вы съ тѣхъ поръ стали богаты, я — не такъ бѣдна какъ прежде, но осталась та же, а вы перемѣнились. Тогда вы были другой человѣкъ. »

« Я былъ тогда ребенокъ » сказаль онъ съ нетерпѣniемъ.

« Ваше собственное чувство говоритъ вамъ, что вы не то, что были, » продолжала она. « То, въ чемъ вы готовы были положить все блаженство вашей жизни, теперь уже далеко отъ васъ. Я долго думала объ этомъ, и не стану повторять, чего оно мнѣ стоило; но довольно, что я убѣдилась въ этомъ, — и готова возвратить вамъ ваше слово. »

« Но развѣ я показалъ вамъ въ чемъ-нибудь, что я?... »

« Въ словахъ? нѣтъ. »

Въ чемъ же? »

«Въ томъ, что для васъ другія надежды , другая цѣль и другое поприще жизни , а съ этимъ измѣнилось и все, что заставляло васъ дорожить моей любовью. Скажите откровенно: не будь ничего прежде между нами , не будь даннаго слова и родительского благословенія надъ нами , просили ли бы вы теперь моей руки ?»

Съ этими словами она поглядѣла на него съ такою грустью , но вмѣстѣ съ такимъ спокойнымъ, прозрачнымъ, пропивающимъ душу взглядомъ, что ложь была невозможна, и онъ замолчалъ.

«Чего бы я не дала, чтобы думать иначе,» продолжала она, «то Богъ одинъ вѣдаетъ; но я знаю свой долгъ. Будь вы свободны, и вы не отдали бы руку бѣдной девушки , которая не принесетъ вамъ ничего, кромѣ заботъ и лишнихъ издержекъ? и даже если бы вы уступили минутъ увлеченія , не принесъ ли бы вамъ слѣдующій же день раскаянья и

упреки въ вашей слабости? Богъ да благословить ваше будущее! Возвращаю вамъ ваше слово, и отъ чистаго полнаго сердца, во имя того, кого оно любило и кого уже нѣтъ болѣе. »

Онъ хотѣлъ говорить, но она продолжала, отвернувши голову, чтобы скрыть катившіяся слезы.

«Вы можете... Небо не оставляетъ искога своей благодатью, вы можете возвратиться... но нѣтъ, нѣтъ. Годъ, другой, и всякая память обо мнѣ исчезнетъ въ васъ, какъ докучливый сонъ, который, часто незваный, приходитъ возмущать наше спокойствіе. Дай Богъ вамъ счастья на пути, который избрали. »

Въ эту минуту старикъ-отецъ поднялъ глаза съ книги; она подошла къ нему, и показывая на Скруга, съ жаромъ говорила что-то... Вдругъ все исчезло. «Призракъ!» сказалъ Скругъ, я не хочу больше твоихъ видѣній; веди меня до-

мой ; что за радость тебѣ мучить мою
бѣдную душу ? »

« Еще одну тѣнь » сказалъ духъ.
« Будетъ , умоляю тебя ! »

Но противиться было нечего.

Призракъ схватилъ его за руку, и
они очутились въ комнатѣ , не очень
большой, не убраной съ особленною рос-
кошью , но все въ ней говорило о се-
мейной жизни , довольствѣ и счастії.
Подлѣ камина сидѣла молодая прекрас-
ная дѣвушка , едва вошедшая въ тотъ
счастливый возрастъ, гдѣ сходятся всѣ
свѣтлыя лучи нашей жизни въ одно ра-
дужное сіянье,—когда душа еще не раз-
ставалась съ благоухающей прелестью
и беззаботностью дѣтства , по уже ви-
дитъ передъ собою другое, болѣе зрѣ-
лые образы, и просится въ иной міръ,
къ инымъ радостямъ ,—и все ей такъ
свѣтло и радужно въ туманной дали...
Она до того была похожа на дѣвушку,

которую мы сей часъ только оставили, что Скругъ уже готовъ былъ принять ее за то же видѣніе, — только моложе и прекраснѣе; но вошла мать, и онъ узналъ въ ней свою бывшую невѣсту. Въ комнатѣ шумъ былъ страшный; въ ней было больше дѣтей, чѣмъ Скругъ могъ перечесть въ своемъ замѣшательствѣ, и каждый шумѣлъ и кричалъ по своему, но остановить было никому. Видно было, что, ради Свѣтлаго Воскресенія, мать оставляла ихъ веселиться и встрѣтить его по своему. Она весело улыбалась, слѣдя за ними глазами, а молодая дѣвушка, наконецъ, не высидѣла, встала и начала бѣгать вмѣстѣ съ дѣтьми. Но вотъ зазвенѣлъ колокольчикъ; вдругъ все бросилось къ двери, кто первый поцѣлууетъ воротившагося отца и скажетъ ему веселое: Христосъ воскресъ! За нимъ шелъ старый слуга, съ корзиной игрушекъ, фарфоровыхъ, восковыхъ, и всякихъ личекъ; пошли

новые радостные крики. Кто дергалъ отца за полы платья, кто карабкался къ нему на шею, кто тащилъ къ матери, чтобы показать, во всемъ торжествѣ, новую полученную игрушку. Наконецъ, всѣ эти маленькия курчавыя головки занялись каждая своимъ подаркомъ и притихли.

Скругъ, между тѣмъ, становился все внимательнѣе... Хозяинъ дома, перецѣловавъ и усадивъ всѣхъ дѣтей, обнялъ съ нѣжностію старшую дочь, и сѣль возлѣ нее и матери у камина.

И онъ подумалъ тогда,—что такое же созданье, такое же прелестное и полное надеждъ—могло бы также назвать его отцемъ и разцвѣсть весеннимъ благоухающимъ цвѣтомъ на зимнемъ полѣ его жизни... О, тогда онъ тяжело вздохнулъ и у него потемнѣло въ глазахъ. «Маша!» сказалъ мужъ, обращаясь къ женѣ съ улыбкой. «Я видѣлъ вч-

ра твоего старого пріятеля ; отгадай ,
кого ? »

« Кого же ? право не знаю . Развѣ » при-
бавила она , смѣючись , « г - на Скруга ? »

« Да , именно Скруга . Я проходилъ мимо
его конторы , когда выносили гробъ его
товарища . »

« Бѣдный ! Теперь онъ одинъ , совер-
шенно одинъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ ...
и невольная тѣнь набѣжала на ея лицѣ .

« Духъ ! » сказалъ Скругъ дрожащимъ
голосомъ . « Скорѣй веди меня отсюда !

« Вы сами знаете , что это лишь тѣни
всего давно - почившаго . — Чѣмъ же я ви-
новать , что оно было такъ , а не иначе ? »

« Уведи меня , » вскричалъ Скругъ въ
отчаяніи , « я не могу дольше вынести ... »

Онъ повернулся къ призраку , по виду ,
что тотъ стоитъ неподвижно и свѣтя-
щаяся діадема блестить ярче , чѣмъ ког-
да-либо , съ отчаяніемъ бросился на

него, вырваль шляпу и накинулъ ему на голову.—Но чудесный свѣтъ все ярче и ярче свѣтилъ изъ-подъ шляпы, и Скругъ, послѣ долгой, неравной борьбы, очутился на своей постелѣ. Онъ повернулся на бокъ и крѣпко заснулъ.

ГЛАВА III.

Когда онъ проснулся, снова было темно и было три четверти. Бой часовъ возвратилъ его къ ожиданью новаго гостя. Онъ собрался съ духомъ и рѣшился храбро выжидать будущаго посѣтителя, отдернулъ занавѣски и въ оба глаза смотрѣлъ передъ собою. Наконецъ, пробило часъ... странный красноватый свѣтъ показался изъ другой комнаты. Скругъ долго вглядывался и вслушивался, но ничего особеннаго слышно и видно не было. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданья, къ нему, очень естественно,

пришла другая, болѣе земная забота.
«Ужь не пожаръ ли въ домѣ?» Съ этимъ
вмѣстѣ онъ надѣлъ туфли и подошелъ
къ двери; но едва онъ дотронулся до
ручки, какъ громкій, странный голосъ
назвалъ его по имени.

«Добро пожаловать и съ нами поко-
роче познакомиться!»

Посреди комнаты стоялъ странный
свѣтящийся призракъ и протянулъ ему
руку.

Его накрывала простая бѣлая мантія,
но онъ весь былъ прозраченъ и озаренъ
какимъ-то страннымъ бѣглымъ огнемъ;
всѣ его черты безпрестанно мѣнялись;
каждый членъ и мускуль былъ въ це-
престанномъ движениі, такъ что глазъ
не могъ уловить ни одной черты и ни
одного движенія. Тысяча различныхъ не-
уловимыхъ образовъ отражались и про-
ходили, какъ тѣни, въ его прозрачномъ
обликѣ; но на всѣхъ этихъ образахъ

чувствовалась какая-то радость и что-то веселое въ каждой убѣгающей линіи.

« Я духъ настоящаго » сказалъ онъ; « каждое мгновеніе уносить меня въ вѣчность и снова возвращаетъ изъ нее ; во мнѣ проходитъ и отражается все мутное, неуловимое настоящее людей , со всѣмъ ихъ горемъ и ихъ радостями, чтобы послѣ застынуть въ вѣчность прошедшаго... Теперь ты видишь одни радостныя , привѣтливыя тѣни, но потому только, что нѣтъ той Христіанской души на землѣ, которая бы не радовалась и не привѣтствовала своего воскресшаго Спасителя. О, если бы всегда было такое ликующее настоящее и не мѣнялось ежеминутно свѣтомъ и тьмою!... »

« Духъ ! » сказалъ Скругъ, съ почтительнымъ поклономъ. « Ты, я знаю, не даромъ пришелъ ко мнѣ ; веди же меня, куда хочешь. Еще , прошлую ночь, я

слѣдовалъ за твоимъ товарищемъ изъ одного принужденья , но я получилъ вчера урокъ, которому не осталось втунѣ, и теперь всюду готовъ за тобою, чтобы воспользоваться новымъ урокомъ.»

Духъ взялъ его за руку, и они очутились на улицѣ. Длинные ряды вытянутыхъ во фронтъ домовъ смотрѣли еще скучнѣе и однообразнѣе , въ полу-свѣтѣ разсвѣтающаго утра , на широкія, пустыя, безконечно-длинныя улицы. Лишь изрѣдка гремѣла и прыгала по оледѣневшей мостовой пустая бочка , щавшая на рѣку за водою ; одинокая телѣга плелась на сосѣдній рынокъ, нагруженная разными неблаговидными, иногда хрюкавшими или жалостно мычавшими припасами , которые, еще за пѣсколько часовъ передъ тѣмъ , весело расхаживали на задахъ какого-нибудь бѣднаго крестьянскаго двора, и нимало не предвидѣли близкую грозившую имъ честь — явиться за роскошнымъ столомъ

какого-нибудь толстаго барина въ звѣздѣ; — или дребезжали извозчики дрожки, везшіе, изъ отдаленой части города, мелкаго чиновника, который спѣшилъ записаться первымъ въ лакейской своего грознаго начальника. Небо было сѣро; густой туманъ поднимался отъ болотистой почвы, которая уже начинала таять подъ лучами весеннаго солнца. Много они миновали красивыхъ решетокъ, кружевомъ тянувшихся вдоль садовъ, дворцовъ и каналовъ, много миновали затѣйливо перекинутыхъ мостиковъ, отдѣланныхъ какъ модная дорогая игрушка, которые прерывали скучное однообразіе улицъ, какъ красивыя виньетки или бордюры затѣйливо перерѣзываютъ чёрныя крупные строчки великолѣпныхъ полити-
пажныхъ изданій. Наконецъ, они вышли на большую набережную.— Заря багровѣла на небѣ и багровымъ румянцемъ покрывала ледяныя громады, которыя, съ трескомъ и громомъ, несъ на себѣ

широкій и могучій, какъ море, разливъ большой рѣки. Даль, и волны, и бависшіе надъ волнами дворцы и палаты—все виднѣлось въ томъ же странномъ красноватомъ полусвѣтѣ. Но вотъ, лучъ всходящаго солнца прорѣзаль туманъ, зажегъ блестящею искрой шумно-текущія волны и осыпалъ тысячами радугъ прозрачныя движущіяся громады, то съ громомъ разбивавшіяся другъ о друга и о гранитныя стѣны, то плавно и величественно уходившія въ туманную, безконечную даль... Но рѣже туманъ, свѣтлѣе небо, выше и выше солнце, и наконецъ, полными праздничными лучами озарило оно все поднебесье и никогда еще, казалось, такъ свѣтло и ярко не играло оно на небѣ, чтобы напомнить людямъ о ихъ свѣтломъ празднике.

Долго и въ странномъ раздумьѣ стоялъ Скругъ надъ рѣкою. Можетъ быть, впервые, послѣ столькихъ лѣтъ, взгля-

нуль онъ привѣтливо на Божій міръ, и можетъ быть, никогда еще не казался ему этотъ Божій міръ такъ чуденъ и свѣтель... Свѣтлѣй и благодатнѣе казалось солнце; прозрачнѣй, чище, благословеннѣй небеса... и какъ мелко, какъ ничтожно показалось ему тогда все богатство и все золото людей, въ которомъ, еще недавно, онъ полагалъ всю свою душу; какъ отворотился онъ тогда отъ этихъ пышныхъ палатъ, которыхъ, еще недавно, такъ завидовалъ..

Но солнце было уже высоко, и они пошли далѣе. Послышался благовѣсть рѣдкихъ, кое-гдѣ виднѣвшихся церквей, призывающей къ ранней обѣдиѣ все низшее населеніе обширнаго города: рабочаго, не поспѣвшаго къ заутренѣ за срочной дорогой работой; мелкаго чиновника, проспавшаго заутреню и недовольно-ревностнаго къ лакайской своего начальника; — дворника или служанку, которыхъ спѣшили помолиться Богу, пока

еще не вставалъ ихъ баринъ или барыня. По немногу улицы стали наполняться всякимъ, спѣшившимъ въ ту и другую сторону, за дѣломъ и бездѣльемъ, народомъ, и всюду, среди пестраго говора разноязычной толпы, раздавалось радостное—Христосъ воскресъ—и троекратное чмоканье въ губы. Наконецъ, мало по малу начали отворяться мелочныя лавочки; показались лотки съ куличами, пасхами и красными яйцами. А они, между тѣмъ, вышли почти къ заставѣ.—Вожатый Скруга остановился у небольшаго низенькаго флигеля. То было жилище Федора Ивановича Кричева, секретаря Скруга.

«Подумайте только о томъ, г-нъ Скругъ» замѣтилъ съ улыбкою призракъ, всходя на порогъ: «вашъ Секретарь получаетъ только 30 руб. въ мѣсяцъ, и мы удостоиваемъ его чести нашего посѣщенія?» И вотъ они невидимкою вошли въ переднюю большую комнату.

Хозяйка, чисто, но бѣдно одѣтая,— въ вывороченномъ и не разъ перешитомъ платьѣ и въ бѣломъ накрахмаленномъ чепчикѣ,— накрывала на столъ съ одною изъ своихъ старшихъ дочерей, а г-нъ Петръ Кричевъ преважно ловилъ зу-бами концы отцовскаго длиннаго ворот-ничка, въ который его нарядили для праздника; другіе два Кричевы, маль-чикъ и дѣвочка, прибѣжали въ попыхахъ съ важнымъ извѣстіемъ, что они видѣ-ли въ щелку, какъ на очагѣ въ кухнѣ жарится большой жирный гусь. Они кричали и прыгали около стола, и хло-пали въ ладони предъ Петрушѣй, ко-торый чистилъ и крошилъ яблоки подъ жаренаго гуся, и иногда съ важностью протягивалъ имъ какой-нибудь лишній обрѣзокъ, который не успѣлъ самъ ску-шать.

«Что же это сдѣталось съ нашими?» сказала Матрена Васильевна, «съ вашимъ отцомъ, мальчики Степой и Марфой?

«А вотъ и Марфа, матушка!» сказала , входя , дѣвушка постарше.

«Мама , Марфа пришла.»—«А ужь какой гусь, Марфуша!» кричали маленькия дѣти.

«Богъ съ тобой ! Чтожь ты такъ запоздала, Марфуша?» говорила мать, цѣлуя ее и снимая большой платокъ съ головы.

«Столько было дѣла, чтобъ очистить всю работу къ празднику, матушка.»

«Ну, Богъ съ тобой ; садись у печки и погрѣйся !»

«А вонъ и батюшка идетъ !» кричали маленькия дѣти. «Марфуша, спрячься , спрячься !»

Она спряталась, и вотъ вошелъ нашъ знакомый, Федоръ Ивановичъ. Когда-то синій, а теперь уже посѣдѣлый сертукъ былъ вычищенъ до невозможности ; на рукахъ онъ несъ маленькаго Степу, но увы, у бѣднаго , еще крошеч-

наго Степы, маленькая деревяшка моталась вмѣсто ноги.

« Но гдѣ же Марфа? » сказалъ отецъ, оглядываясь.

« Еще не приходила » кричало шесколько голосовъ.

« Какъ еще не приходила ? » и какъ бы тѣнь пробѣжала на его веселомъ, дотолѣ беззаботномъ лицѣ.

Марфуша это замѣтила, и ей стало больно, что, хотя въ шутку, огорчили отца ; и не дожидаясь больше, выскочила изъ-за двери и бросилась къ нему въ объятія ; а меньшая дѣти возились, между тѣмъ, около Степы и тащили его въ кухню, чтобы прислушаться, какъ шипѣло пирожкое въ горшкѣ.

« А какъ вель себя Степа въ церкви ? » спросила мать.

« Онъ былъ золото, а не ребенокъ ; какія странныя мысли иногда бродятъ у него въ головенкѣ ! . . . » « Шедши

домой, онъ мнѣ сказалъ, что, вѣрно, тѣмъ, кто былъ въ церкви весело было вспомнить, глядя на него, маленькаго калѣку, о томъ, кто возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, ноги и руки хромымъ и увѣчнымъ. »

Голосъ отца дрожалъ, когда онъ это рассказывалъ, и задрожалъ еще болѣе, когда послышался на полу частый стукъ маленькой деревяшки.

Кричевъ заворотилъ рукава, какъ будто эти рукава могли еще болѣе засалиться, и началъ мѣшать какую-то подливку къ жаркому; а Петруша, съ братомъ и сестрою, были посланы за гусемъ и похлебкой, и скоро торжественно воротились въ большой процессіи. Послѣ этого, такой поднялся шумъ, что вы могли бы подумать, что гусь какая-нибудь рѣдчайшая заморская птица; впрочемъ, дѣйствительно гусь былъ великою рѣдкостью въ ихъ бѣдномъ хозяйствѣ. Матрена Васильевна дѣлала соусъ,

Петруша чистилъ картофель, Марфа перетирала тарелки. Самъ Кричевъ взялъ къ себѣ маленькаго Степу и посадилъ рядомъ съ собой, на концѣ стола. Меньшія дѣти разставляли всѣмъ стулья, не забывая въ томъ числѣ и себя, и разсѣвшись по мѣстамъ, едва не проглотили ложки въ ожиданіи, когда имъ достанется тарелка горячей, вкусной похлебки. Наконецъ, все было готово; молитва прочтена и сѣли за столъ; когда похлебка была съѣдена, принялись, разумѣется, немѣшкай, за гуся. Каждый едва переводилъ дыханье, когда хозяйка готовилась воткнуть ножъ въ грудь чудовища, и невольная радостная улыбка показалась на всѣхъ лицахъ, когда вдругъ брызнула густой сокъ и начали отдѣляться на тарелку большие полно-вѣсные куски. Самъ маленький Степа, раззадоренный двумя меньшими, забилъ въ ладони и тоненькимъ голоскомъ закричалъ: « браво ! »

Всѣ дивились гусю ; его дешевизна и
огромность , нѣжность и сочность мяса
доставляли неисчерпаемый предметъ для
разговоровъ ; каждому достало вдоволь ;
всѣ наѣлись досыта и еще осталось ;—
должно же быть , что былъ ужъ гусь
на славу ! Меньшие Кричевы были по
уши всѣ въ жиру и яблокахъ , такъ что
насилиу могла ихъ оттереть старшая
сестра . Затѣмъ было еще какихъ-то
два блюда : одно , кажется , молочное , а
другое — сладкій пирогъ , а затѣмъ обѣдъ
и кончился . Всѣ были сыты до нель-
зя , и каждый былъ доволенъ и счаст-
ливъ , какъ только могутъ быть счаст-
ливы на этомъ свѣтѣ , и начиная съ
отца до самаго Степы , каждый по свое-
му благодариль мать и разсыпался въ
похвалахъ ея искусству : что никогда
еще и нигдѣ не бывало такой похлебки ,
такого гуся и такого пирога . Со стола
было убрано ; поданы пряники , изюмъ
и орѣхи , и Петруша поставилъ передъ
отцомъ сутылку наливки .

«Счастливо провести всѣмъ намъ праздникъ, мои дорогіе; да благословить Господь всѣхъ наасъ и каждого!»

Каждому была налита наливка, смотря по его лѣтамъ, и всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ на поздравленіе отца.

«Богъ да благословить каждого изъ наасъ, большаго и маленькаго!...» повторилъ маленький Степа послѣ всѣхъ.

Онъ сидѣлъ рядомъ съ отцомъ, на высокомъ маленькомъ стулѣ. Отецъ держалъ его за маленькую сухую ручонку, какъ будто боялся, что его скоро отнимутъ у него.

«Духъ!» сказалъ Скругъ съ участіемъ, котораго, можетъ быть, никогда еще не чувствовалъ, «скажи мнѣ, будетъ ли жить маленький Степа?»

«Видѣлъ ли ты, какъ чорный воронъ опустился на трубу, когда мы подходили, и жалобно прокаркалъ три раза? Если будущее не измѣнитъ тѣ, что при-

готовила неизмѣнно текущая рѣка жизни, этому ребенку не жить. »

« О, нѣтъ! Скажи, что его пощадить судьба! » —

« Говорю тебѣ, что если не измѣнить будущее... ему не видать больше ни одного изъ моихъ свѣтлыхъ братій. Да что же? » продолжалъ духъ, « если ему суждено умерѣть, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, — избавить общество отъ излишка народонаселенія и бѣдную семью отъ лишняго, бесполезнаго члена, котораго она должна кормить и содержать? »

Скругъ повѣсплъ голову, когда услыхалъ свои обычныя слова, повторенные духомъ. Онъ весь былъ полонъ раскаянія и горькаго чувства.

« Человѣкъ, » продолжалъ духъ, « если только въ тебѣ есть человѣческое сердце, а не камень, останови твою грѣшную мысль и грѣшное слово, пока ты не узналъ: гдѣ излишекъ? и въ чёмъ онъ? и есть ли что лишнее у Господа? Тебѣ

ли рѣшать, кому суждена жизнь и кому смерть? Можетъ быть, что самъ ты, въ виду вселюбящаго Неба, менѣе достопнъ жизни и менѣе имъ призванъ къ ней, чѣмъ миллионы такихъ же бѣдныхъ, бесполезныхъ твореній, какъ этотъ нищий и изувѣченный ребенокъ.—Слынать, какъ червякъ, уже всползшій на зеленый листокъ дерева, произносить смертный приговоръ надъ своими голодными братьями, еще пресмыкающимися въ пыли! . . . »

«Здоровье г-на Скруга!» сказалъ г-нъ Кричевъ; «все таки на повѣрку онъ виновникъ всего празднества.»

«Въ правду виновникъ праздника!» сказала жена его, вся покраснѣвші; развѣ потому, что онъ отсчитываетъ тебѣ твои трудовые тридцать рублей? да, кажется, они вовсе не даромъ тебѣ достаются; я бы желала, чтобы онъ былъ здѣсь; ужь я бы насказала ему.»

«Вспомни, душа моя...» сказалъ Кричевъ, покачавъ головой, «дѣти..., Свѣтлое Воскресенье...»

«Да, все въ Свѣтлое Воскресеніе пьють за здоровье такого противнаго, безчувственнаго человѣка, какъ г-нъ Скругъ. Ты знаешь, что онъ таковъ, и лучше чѣмъ кто-нибудь, мой бѣдный Ѹедя!»

— «Душа моя,» былъ тихій отвѣтъ Ѹеди, «помни, что Свѣтлое Воскресеніе!»

«Такъ пью же за его здоровье, но въ честь твою и Свѣтлаго Праздника, а совсѣмъ не его! Много лѣтъ ему здравствовать и во всякомъ благополучіи!»

Дѣти выпили также за его здоровье; тѣ была первая минута во всемъ дню, въ которую не было болѣе того радушнаго, веселаго вида на всѣхъ лицахъ. Степа выпилъ послѣдній, но и тотъ какъ-то съ неохотой, за здоровье такого неблагороднаго человѣка.

Имя Скруга было страшиломъ для всей семьи ; его достаточно было, чтобы каждый, отъ мала до велика, почувствовалъ себя въ дурномъ духѣ на цѣлыхъ десять минутъ. Но зато , послѣ этихъ десяти минутъ, они стали еще въ десятеро веселѣе отъ того только , что съ души отлегло противное имя Скруга. Потомъ, отецъ началъ разсказывать, что онъ имѣеть въ виду мѣсто для Петруши, которое будетъ ему приносить два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. При этомъ маленькие Кричевы подняли страшный хотъ отъ одной мысли, что Петруша скоро будетъ дѣловымъ человѣкомъ, и самъ Петруша, въ глубокомъ размышленіи , выглядывалъ изъ-за огромныхъ воротничковъ, расчитывая, какое сдѣлать употребленіе изъ такихъ огромныхъ доходовъ. Марфа, которая была въ учены въ швѣяхъ, также рассказала про свое житѣе-бытье , что она работаетъ , какія блестящія, раздушенныя дамы къ нимъ

пріѣзжаютъ въ магазинъ , и что еще недавно одна изъ такихъ дамъ привозила къ нимъ своихъ дѣтей , мальчика и дѣвочку , которые показались ей прелестными въ своихъ великолѣпныхъ нарядахъ,—такъ они были затянуты и такъ, казалось, было имъ неловко и душно... особенно маленький мальчикъ , которого головка и ручонки совсѣмъ уходили въ накрахмаленные манжеты изъ тонкаго батиста,—до того , что бѣдняжка не могъ или не смѣлъ повернуться . И потомъ прибавила , поглядѣвъ на сестеръ и братьевъ , что тогда еще она вспомнила о своемъ братѣ Петруше и сестрахъ , и нисколько не позавидовала за нихъ этимъ знатнымъ дѣтямъ , не смотря на всѣ ихъ кружева и дорогое платье . Петруша не утерпѣлъ , однakoжъ , при этомъ приохорошиться и вытянуть еще болыше свои длинные воротнички . Между тѣмъ , безпрестанно щелкали орехи , заѣдаемые пряниками , а иногда ма-

маленький Степа запевалъ тоненьkimъ голоскомъ про маленькаго мальчика, котораго занесло снѣгомъ; у него былъ маленький жалобный голосокъ, но право онъ пѣлъ совсѣмъ не дурно.

Во всемъ этомъ не было ничего особеннаго; семья эта не отличалась красотою; въ дѣтяхъ не было ничего особенно — миловиднаго; всѣ они были дурно одѣты; у кого на башмакахъ или на локтяхъ были заплаты; но они умѣли быть счастливыми, были довольны собой и другъ другомъ, и благодарны судьбѣ за то немногое, что она давала имъ, не завидя тѣмъ, кто имѣлъ больше. Казалось, что маленький кружокъ становился все веселѣе...

Наконецъ, Скругъ почувствовалъ на себѣ легкое прикосновеніе своего товарища. Уходя, онъ не разъ оглянулся и слѣдилъ глазами каждого, а особенно маленькаго Степу.

Когда они вышли, время уже клонилось къ вечеру; на улицѣ было все въ движениі. Стукъ каретъ и дрожекъ не умолкалъ; пѣшеходы отовсюду спѣшили туда и сюда; и чѣмъ бѣднѣе кто былъ одѣтъ, чѣмъ ближе казался къ тѣмъ, которые своимъ трудомъ и потомъ снискиваютъ свой хлѣбъ, тѣмъ, казалось, былъ счастливѣе, тѣмъ веселѣе, праздничнѣе было лице... ибо свѣтлый праздникъ для него былъ дѣйствительно днемъ отдыха и общей, давно-ожидалої радости, а не днемъ скучныхъ обязанностей, визитовъ и пр., — какъ то обыкновенно бываетъ для тѣхъ, которые могутъ всегда отдыхать и черпать полною чашей въ удовольствiяхъ жизни. На многихъ даже лицахъ, особенно разодѣтыхъ господъ и госпожъ, которые прохаживались по широкимъ тротуарамъ или выглядывали изъ великолѣпныхъ каретъ и колясокъ, видно было одно утомленіе и скуча. На каждомъ

лицъ можно было сосчитать , сколько визитовъ было сдѣлано или сколько еще остается сдѣлать.

«Взгляни,» сказалъ духъ, дернувъ Скруга за руку, « на эти усталыя лица, и пойми теперь, что не золото научаетъ людей пользоваться дарами Божиими, и что рука Божья , на перекоръ людямъ, проводить одинъ уровень надъ всѣмъ своимъ твореньемъ; что она сдѣлала богача, утонувшаго въ золотѣ, ту-
пымъ и безчувственнымъ къ радостямъ, которыя открыты каждому нищему, и обратила дни отдыха и общей Хри-
стіанской радости въ трудъ и скуку для тѣхъ, которые не знаютъ труда,— ты поймешь тогда, что въ бѣдномъ жи-
лищѣ, которое мы оставили, ты видѣлъ, можетъ быть, больше истиннаго доволь-
ства и счастія, чѣмъ сколько есть во
всѣхъ этихъ пышныхъ палатахъ... Въ
эту минуту они проходили мимо вели-
колѣпнаго дома, который цѣльными зер-

кальными окнами смотрѣлъ на широкую улицу. Мало по малу окна освѣтились, и они увидали передъ собой длинный рядъ вытянутыхъ фигуръ, сидѣвшихъ за пышнымъ, тяжело-нагруженнымъ столомъ; за ними тянулся такой же чинный рядъ прислуги;— было слышно плавное стуканье ножей и тарелокъ и важные чинные разговоры, но ни одного задушевнаго веселаго слова; виднѣлось много серебра, хрусталь и золота, но ни одного, вполнѣ веселаго, беззаботнаго лица, ни одной открытой, вполнѣ радушной улыбки...

Они пошли далѣе и повернули въ другую, менѣе великолѣпную улицу. Вездѣ проходили веселыя тѣни мимо окошекъ; всюду виднѣлись приготовленія принять гостей. Тамъ веселая толпа дѣтей выбѣгала на крыльцо, чтобы первымъ встрѣтить,—и поздороваться съ старшими братьями и сестрами, дядюшками и тетушками. Тамъ подходило къ двери,

вмѣстѣ съ своей гувернанткой или матерью, и взбѣгало, маленькими лѣтучими ножками на широкую лѣстницу, нѣсколько хорошенъкихъ дѣвушекъ.—Тамъ извощикъ, шагомъ возвращающійся съ дальней поѣздки, тихонько напѣвалъ веселую пѣсню; тамъ веселой гурьбой плелась по тротуару толпа учениковъ и подмастерій какого-нибудь шляпнаго или тому подобнаго заведенія;—и все это, что они миновали, казалось, становилось еще веселѣе и лица еще болѣе разцвѣтали съ приближеніемъ двухъ невидимыхъ, и даже будочникъ, бѣжавшій зажигать фонари, чему-то громко захохоталъ, когда они проходили мимо... Но вотъ,—вдругъ неожиданно все измѣнилось, и они очутились далеко отъ всего дольняго шума и блеску, въ пустынномъ дикомъ мѣстѣ, у подножія высокихъ гранитныхъ скалъ, изрытыхъ рукою времени и человѣка. Огромныя громады обломками были разсѣяны тамъ

и сямъ по печальной долинѣ; слышно было грустное журчанье ручьевъ и плескъ водопадовъ, которыхъ не могла сковать холодная рука Сѣвера; кое-гдѣ проглядывалъ ползущій мохъ или жалкій кустарникъ изъ-подъ тающаго снѣга.—Вдали садящеся солнце бросало отъ себя длинную красноватую полосу и, точно моргающій глазъ дремлющаго ребенка, дрожало на горизонтѣ, пока все меньше и меньше... его красивый зрачекъ, и наконецъ совсѣмъ исчезло за черной далекой окраиной.

«Что это за мѣсто?» спросилъ Скругъ въ страхѣ.—

«Здѣсь живутъ рудокопы, которые изъ глубокаго, сырого нѣдра земли приносятъ вамъ то золото, за которымъ вы столько гоняетесь, люди!»...

Слабый свѣтъ виднѣлся изъ небольшаго окна бѣдной хижины; они переступили порогъ и нашли въ ней боль-

шое веселое общество, собранное около пылающего огня. Подъ образами, на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ старикъ, бѣлы какъ лунь, и жена его, старуха старая какъ онъ ; около нихъ было собрано въ одну семейную картину все многочисленное поколѣніе дѣтей, внучатъ и правнучатъ,—и всѣ , какъ замѣтно было, въ своемъ праздничномъ нарядѣ. Старикъ сиплымъ голосомъ, который рѣдко подымался надъ завываньемъ вѣтра по голой долинѣ, пѣлъ какую-то старинную, дѣдовскую пѣсню про ихъ былое рудокопное дѣло. Время отъ времени, вся семья соединялась съ нимъ въ одинъ громкій густой хоръ, и голосъ старика становился крѣпче и чище, когда ему вторили другіе , молодые , свѣжіе голоса , и снова слабѣлъ и дрожалъ, когда они умолкали ; ибо спова онъ чувствовалъ себя какъ будто однимъ и всѣми брошеннымъ на всемъ великому бѣломъ свѣтѣ.

Духъ спѣшилъ далѣе и велѣлъ Скругу держаться крѣпче за его мантію ; и вотъ они понеслись вдоль долины, все дальше , дальше... и наконецъ завидѣлось море , и къ ужасу Скруга , пока онъ успѣлъ оглянуться , земля уже осталась за ними. Кругомъ видны были лишь темные ряды высокихъ скалъ , а страшный прибой волнъ бѣлыми валами крутилъ , билъ и ревѣлъ среди отмѣлей и подводныхъ пещеръ, вырытыхъ вѣками , и, казалось, оглушалъ громомъ небо и землю.

На одной изъ этихъ страшныхъ пустынныхъ скалъ и отмѣлей, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега , стоялъ одинокій маякъ. Кучи морской травы оплетали низъ его, и морскія птицы, съ громкимъ карканьемъ, то черными пятнами садились на его бѣлые стѣны , то вились и кружились вокругъ , относимыя вѣтромъ.—Казалось , ихъ вѣтеръ занесъ сюда и бури вскормили , также

какъ эту морскую траву вскормила и выrostила морская бездна.—И эта трава также вилась и кружилась, относимая вѣтромъ и бѣлыми гребнями скачущихъ волнъ, вокругъ одинокаго маяка, и покрывала его чорными клочьями, — какъ и эти сизыя птицы, одинокія жители нелюдимаго берега.

Но даже и здѣсь два сторожа, приставленные къ маяку, развели въ небольшой комнаткѣ, помѣщавшейся въ стѣнахъ его, огонь больше обыкновенаго, который бросалъ, сквозь узенькое окошко, свѣтлую длинную полосу вдоль скачущихъ волнъ и засвѣчалъ ихъ бѣлые гребни. Они сидѣли за большимъ столомъ, и пили за здоровье другъ друга и въ честь свѣтлаго праздника; а одинъ изъ нихъ, который казался по старше и котораго лицѣ зачерствѣло отъ бурь и непогодъ, какъ кора на стольтнемъ деревѣ, началъ ве-

селую громкую пѣсню, которая вторила
плескамъ волнъ и завыванью вѣтра...

Но вотъ они снова понеслись, все
дальше и дальше, вдоль темныхъ бу-
шующихъ волнъ, пока далеко, далеко...
отъ всякаго берега, они очутились на
палубѣ корабля, одиноко несущагося по
открытыму морю.

На палубѣ, на снастяхъ и мачтахъ-
всюду виднѣлись темныя фигуры, сто-
рожившія прихотливое море, но каждая
изъ нихъ напѣвала въ полголоса ве-
селую пѣсню, или рассказывала шопо-
томъ товарищу о своемъ далекомъ род-
номъ дому, о томъ, какъ этотъ день
хорошъ въ кругу семьи... И кто ни
былъ здѣсь, добрый или злой, бѣдный
матросъ или богатый милліонеръ-ку-
пецъ, каждый уберегъ на этотъ день
болѣе привѣтливое слово своему това-
рищу, и болѣе или менѣе принялъ
участіе въ общей радости всего Хри-
стіанскаго міра; вспомнилъ о тѣхъ, кого

любилъ и кѣмъ былъ любимъ, и кто былъ теперь далеко; — думалъ о томъ, какъ и о немъ теперь вспоминаютъ его далекіе друзья.

Но, къ великому удивленію Скруга, пока, прислушиваясь къ завыванью вѣтра, онъ вдумывался въ торжественность минуты, когда, одинъ и невидимый, онъ несся среди безмолвнаго мрака надъ зіяющей бездной, въ которой погребены ея тайны крѣпче, чѣмъ за печатью самой смерти, — вдругъ раздался рядомъ съ нимъ, веселый громкій хохотъ. И еще больше было его удивленіе, когда онъ узналъ въ немъ голосъ своего племянника и увидалъ себя въ теплой, ярко-освѣщенной комнатѣ. Духъ стоялъ рядомъ и насмѣшиливо улыбался ему, привѣтливо глядя на его племянника.

«Ха, ха, ха! ха, ха, ха!» смеялся племянникъ Скруга.

Мы увѣрены, что нѣть другаго человѣка въ мірѣ, съ такимъ радушнымъ звонкимъ смѣхомъ отъ всей души, какъ этотъ племянникъ г-на Скруга. Мы бы сами очень желали съ нимъ познакомиться, потому что и намъ случается быть не въ своей тарелкѣ, а нѣть ничего заразительнѣе, какъ свѣтлое открытое лицо и при немъ добрый громкій смѣхъ отъ всей души,—и ничто такъ не отталкиваетъ людей другъ отъ друга, какъ видѣть другаго насупившимся и въ дурномъ духѣ.

Пока племянникъ Скруга успѣль находоться досыта, держась за оба бока и мотая головой, молоденькая жена его, глядя на мужа, также заходотала, а за нею и вся честная компанія, такъ что подъ конецъ все обратилось въ одинъ громкій нескончаемый хохотъ.

«Ха, ха, ха! ха, ха, ха! ха, ха, ха!»

«Право, говорю вамъ,» кричалъ, запыхаясь, Скруговъ племянникъ, «право, онъ сказалъ мнѣ, что Свѣтлое Воскресеніе «все пустяки» и что онъ всѣхъ бы наасъ, кто его празднууетъ, повѣсилъ на одной осинѣ!»

«Тѣмъ хуже и стыднѣе для него, Дмитрій,» сказала, наконецъ, его жена съ негодованіемъ. Она была очень хороша собой, но еще болѣе мила, чѣмъ хороша небольшая круглая головка, густыя волнистые локоны и маленькая губки, точно двѣ спѣлые малины; когда она смеялась, ямочки одна за другою выступали на розовыхъ щечкахъ, а чорные быстрые глазки такъ и сверкали и прыгали кругомъ, словно зайчики, когда дѣти играютъ зеркаломъ. Она сама, казалась, только что не ребенкомъ, и въ каждомъ движеньи ея еще виднѣлась вся свѣжесть и игривость дѣтства, едва забывшаго свои куклы и свѣтлые, безпечныя забавы.

— «Одно только можно сказать про него, что онъ пресмѣшной брюзгливый старикашка ,» продолжалъ ея мужъ. «Впрочемъ онъ самъ себя довольно наказываетъ, такъ что мнѣ еще — говорить противъ него, право грѣшно.»

«Онъ долженъ быть очень богатъ, Дмитрій, по крайней мѣрѣ ты мнѣ всегда такъ говорилъ», замѣтила его жена.

«Что намъ за дѣло до этого, моя милая ? Его богатство при немъ и ему самому не въ прокъ ; онъ не дѣлаетъ съ нимъ добра ни себѣ ни другимъ, самъ живеть какъ послѣдній нищій и даже не имѣетъ утѣшенія думать, что это богатство когда-нибудь хотя другимъ пригодится — намъ съ тобой или нашимъ будущимъ дѣтямъ, потому что онъ никого не любить и нась не больше другихъ.»

— «Съ такимъ человѣкомъ нѣть никакого терпѣнія », замѣтили другія дамы.

«Напротивъ, у меня очень много. Мне только досадно за него же самаго; я бы не могъ на него сердиться, если бы и хотѣлъ; кто терпитъ отъ его дурнаго нрава, какъ не онъ же самъ? вотъ напримѣръ онъ взялъ себѣ въ голову сердиться на насть, Богъ вѣсть за что, и не захотѣлъ пожаловать къ намъ отобѣдать. Кто же въ убыткѣ? онъ же одинъ, что потерялъ вкусный обѣдъ.»

«Да ужь надѣемся, что много потерялъ съ вашимъ обѣдомъ, потому что обѣдъ вамъ дѣлаетъ большую честь, прервали гости, обратившись къ молодой хозяйкѣ.

«Я очень радъ, что слышу отъ васъ такія похвалы моей женѣ, а то, признаюсь, я не слишкомъ полагаюсь на этихъ молодыхъ хозяекъ.—А къ тому, что я уже сказалъ обѣ дядюшкѣ Скругѣ, прибавлю еще, что если онъ отказался отъ нашего общества, то потерялъ, кромѣ обѣда, еще нѣсколько веселыхъ часовъ,

которыхъ ему уже не возвратить,— и нѣсколько веселыхъ, добрыхъ товарищѣй для праздника, какихъ ему не отыскать съ фонаремъ на улицѣ, или въ своей пыльной норѣ. Впрочемъ, хочетъ онъ или не хочетъ, а я буду каждый годъ поздравлять его съ праздникомъ и приглашать къ себѣ, потому что онъ мнѣ просто жалокъ. Пусть онъ не жалуетъ Свѣтлое Воскресеніе и смеется надо мной, сколько душѣ угодно, но онъ не помѣшаетъ мнѣ годъ за годомъ, въ срокъ, являться къ нему и съ тѣмъ же веселымъ, радушнымъ лицемъ просить къ себѣ на Свѣтлое Воскресеніе. Хоть если бы удалось мнѣ когда-нибудь настроить его,—чтобъ онъ оставилъ послѣ себя какую-нибудь тысячу рублей своему бѣдному секретарю! Впрочемъ, кажется, что вчера мнѣ уже удалось разжалобить его почти до слезъ»..

При мысли о плачущемъ Скругѣ, онъ снова готовъ былъ хохотать по преж-

нему и вся веселая компания вслѣдъ за нимъ.

Между тѣмъ, былъ поданъ чай, а послѣ чаю была музыка, потому что всѣ они принадлежали къ такъ называемой музыкальной семье.— Молодая хозяйка играла очень недурно на фортепьянахъ, и между другими мотивами, съиграла одну простую небольшую арію (которую часто пѣвало когда-то дитя, которое прїѣзжало за молодымъ Скругомъ, чтобы взять его изъ школы). Пѣсенка эта, казалось, была такъ проста и такой бездѣлицей, что всякий могъ бы насвистать ее въ двѣ минуты; но когда зазвучали передъ Скругомъ эти родныя, такъ давно незвучавшія душъ его звуки, тогда все, что воскресили для него эти двѣ . ночи, снова проснулось передъ нимъ живѣе и ярче, чѣмъ когда-либо.— Слезы невольно навернулись на глаза, и ему стало такъ легко на душѣ... И онъ подумалъ тогда, что если бы въ

старые годы онъ чаше прислушивался къ этимъ звукамъ, то онъ иначе бы воспиталъ свою жизнь, для иного счастія и иныхъ радостей...

Не весь вечеръ былъ однако же посвященъ музикѣ; потомъ они играли въ фанты,—но позвольте, я было забыть, прежде фантовъ еще въ жмурки. Иногда хорошо бывать и большому немнога ребенкомъ, особенно въ дни, назначенные для отдыха и радости;—ибо для насъ, которыхъ уже коснулась забота и тяжесть мутнаго земнаго существованья, нѣтъ ужъ болѣе... той свѣтлой, чистой и полной радости, какую знавали такъ часто былыя дни нашего дѣтства;—той радости, которую уже знаетъ каждый, едва лепечущій младенецъ, когда онъ смеется глазками, и тянется ручонками къ своей счастливой матери, въ первомъ пробужденіи въ немъ—всечистой, свѣжей, всеблагословляющей любви!—

Мы никакъ не хотимъ вѣрить, чтобы Скруговъ племянникъ далъ себѣ заявить глаза, такъ чтобы не видать дальше своего носа ; но онъ однако безпрестанно цѣплялъ то за решетки камина , то за стулья , то падаль всею своею тяжестью на фортепіано , такъ что они издавали глухой и протяжный звукъ... то путался въ гардинкахъ. Всѣ бѣгали кругомъ и громко смѣялись ; иные посмѣлѣ даже дергали его за полы , но ему никого не удавалось поймать ;— пока, наконецъ, почти выбившись изъ силъ , онъ стащилъ длинную шаль съ плечъ старой тетушки своей жены , которая спокойно переходила съ одного кресла на другое, и тогда торжественно и съ громкимъ : браво ! бросилъ съ себя повязку... Общій хохотъ поднялся еще громче прежняго.

Потомъ пошли факты , игра въ вопросы, отвѣты , шарады , загадки и пр. и во всѣхъ этихъ играхъ , къ скрытой

радости ся мужа, всѣхъ милѣе загадывала и отвѣчала молодая хозяйка, хотя ея сестры и кузины были также очень остроумныя дѣвицы. Всѣхъ ихъ было человѣкъ двадцать, старыхъ и молодыхъ, считая въ томъ числѣ и Скруга п духа, который никогда не былъ ни старъ ни молодъ. И всѣ они, старый и малый, принимали живѣйшее участіе въ игрѣ, и даже Скругъ, самъ,—забываясь, что онъ тутъ невидимка и голосъ его не можетъ быть слышанъ,—до того увлекся общимъ весельемъ, что иногда самъ предлагалъ загадки и ждалъ очень простодушно отвѣта... или отгадывалъ за другихъ, и часто очень удачно.... По природѣ Скругъ былъ очень остроуменъ, и какъ видно было, еще не успѣлъ притупить всѣхъ своихъ общественныхъ способностей.

Его вожатый былъ очень доволенъ своимъ товарищемъ, видя его въ та-

комъ веселомъ расположениіи духа, и уже спѣшилъ далѣе. Но Скругъ, какъ ребенокъ, началъ упрашивать его еще погодить, хоть крошечку, пока не разъѣдутся гости. Но на это онъ получилъ строгій отвѣтъ: «нельзя.»

«Вотъ новая игра, еще хоть полчасочка — умоляю васъ.»

То была игра въ да и нѣть; его племянникъ долженъ былъ что-нибудь задумать, всѣ другіе отгадывали, а онъ отвѣчалъ да или нѣть. И вотъ посыпались на него отовсюду сотни вопросъ, положительно утверждавшихъ, что онъ теперь думалъ о звѣрѣ, и скорѣе обѣ лютомъ звѣрѣ, который иногда ворчалъ и огрызался, а иногда и говорилъ, и живетъ въ одномъ городѣ съ ними, но однакожъ не въ звѣринцѣ и никто его не показываетъ за деньги; ходить онъ иногда по улицамъ, но не то, чтобы на рынокъ или на бойню, и что то была ни лошадь, ни корова, ни

осель , ни быкъ , ни тигръ , ни собака ,
ни кошка , ни даже медвѣдь .

Съ каждымъ новымъ вопросомъ тако-
го рода , съ молодымъ хозяиномъ дѣлал-
ся новый припадокъ хохота , такъ что ,
наконецъ , онъ долженъ былъ лечь на
диванъ , чтобы отдыщаться немного . Наконецъ , одна изъ сестеръ его жены , ко-
торая была потолще и уже въ лѣтахъ ,
впала въ такой же припадокъ и закри-
чала сквозь слезы :

« Я нашла , Дмитрій ! я нашла ! »

« Что жъ такое ? »

« Твой дядюшка , Скру-у-у-у-угъ ! »

Дѣйствительно , это былъ онъ , но на
это справедливо замѣтили нѣкоторые ,
что на вопросъ : не медвѣдь ли ? слѣдо-
вало бы отвѣтить да , тѣмъ больше , что
слѣдующаго отвѣта : нѣтъ , было бы до-
статочно , чтобы отвратить мысль отъ
дядюшки Скруга , если положимъ , кто
и попалъ на нее .

«Онъ, однако же, доставилъ намъ случай не мало позабавиться сегодня, самъ не зная того,» сказалъ его племянникъ, «и было бы великой неблагодарностью съ нашей стороны, не выпить за его здоровье.»

Между тѣмъ, уже накрывали ужинать на маленькихъ столикахъ и вино было поставлено. «Вотъ рюмка старого рейнвейну за здоровье дядюшки Скруга!»

Всѣ рюмки были тотчасъ налиты и «за здоровье дядюшки Скруга!» раздалось отовсюду.—

«Весело ему отпраздновать и многія, многія лѣта»... продолжалъ его племянникъ; «онъ бы и не принялъ моего поздравленья, но мы все таки пьемъ за его здоровье!»—

А между тѣмъ, дядюшкѣ Скругу стало самому такъ весело и такъ легко на сердцѣ, что онъ уже готовъ былъ взять рюмку и поблагодарить ихъ громкимъ

тостомъ.... что вѣроятно ихъ не мало перепугало бы,—но духъ не далъ ему времени. Все исчезло съ послѣднимъ словомъ его племянника, и снова они очутились гдѣ-то...

Много они видѣли, далеко носились и много посѣтили всякихъ жилищъ, богатыхъ и бѣдныхъ:—роскошныхъ палатъ, гдѣ все говорило обѣ упоительныхъ радостяхъ молодой ликующей жизни,—такихъ, гдѣ все дышало тихимъ и безоблачнымъ семейнымъ счастіемъ, и такихъ, гдѣ томилась голодная нищета или нѣмое безслезное горе;—но самая радость и счастье казались для этого дня свѣтлѣ и чище отъ всего земнаго; горе видѣло передъ собою вдали улыбающуюся надежду, и самая нищета умѣла прикрыться и забыть себя до завтра. Они становились у постели умирающаго страдальца, но его глаза блестали свѣтлой надеждой, — рядомъ съ одинокимъ странникомъ, заброшеннымъ

судьбою далеко отъ родныхъ и друзей,
но онъ былъ близокъ въ мысли съ сво-
ими друзьями и роднымъ домомъ...

Они входили въ рабочіе дома и тюрь-
мы , гдѣ гнѣздится и черствѣеть пре-
ступленье , въ притоны развратной ни-
щеты и порока , но... и здѣсь душа ,
казалось , сбросила , хотя не надолгій
срокъ , черствую кору , въ которую ее
одѣла привычка порока.... Ибо каж-
дый изъ этихъ несчастныхъ вспомнилъ ,
хотя разъ , въ этомъ днѣ , о поцѣлуѣ
матери или благословенныи отца , давно
взятыхъ отъ него сырою землею и дав-
но имъ забытыхъ , или о свѣтлыхъ ра-
достяхъ дѣтства , которыя когда-то при-
носилъ ему этотъ день , — и каждое вос-
поминанье это ложилось свѣтлымъ , не-
беснымъ лучемъ въ его мутную душу ,
и дѣлало ее снова достойной лучшей
жизни и милости Божіей .

Долго и съ быстротою мысли они
носились по темной ночи и влажному

воздуху, и всюду духъ оставлялъ за собой привѣтъ и благословеніе. Но иногда онъ останавливался, въ какомъ-то грустномъ раздумьѣ, надъ преступникомъ, томившимся въ душной темницѣ, или передъ шайкой оборванныхъ бродягъ, дѣлившихъ между собой добычу послѣдняго дня, и дѣлалъ въ слухъ свои нравоучительныя замѣчанія,— которыя, казалось, не были обращены ни къ кому особенно, а относились вообще ко всемъ людямъ, а можетъ быть, и къ будущему, уже исправленному Скругу.—

И онъ говорилъ такъ: «не презирай, въ твоей слѣпой гордости, ни одного изъ этихъ несчастныхъ, какъ ни черно его преступленье и ни грязенъ его порокъ. Зналъ ли ты когда нужду и голодную нищету, и дышалъ ли издѣтства воздухомъ—уже зараженнымъ порокомъ? И знаешь ли ты,— сколько вситъ, въ этихъ порокахъ и преступ-

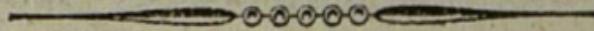
леньяхъ людей твоихъ братій, тотъ избытокъ земныхъ даровъ, которымъ тебя наградила прихотливая судьба;— сколько, ты самъ въ нихъ участникъ однимъ твоимъ богатствомъ, которое ты безумно копиши или расточаешь? Тамъ, гдѣ бы разцвѣсть всей свѣжей, благоухающей прелести дѣтства, тамъ голодная нужда и забота заранѣе превели свои тяжелыя борозды на нѣжныхъ чертахъ; дѣтскій лепетъ уже зараженъ хулою, которую онъ слышитъ ясные и свѣтлые образы уже заслонены на молодомъ челѣ грозными тучами будущаго и ядовитымъ прикосновеніемъ порока... А разъ первый шагъ въ немъ сдѣланъ, и душа получила свой сгібокъ злу, и нѣту любящаго сердца, чтобы уберечь и спасти ее,—тогда нѣтъ болѣе того униженья человѣческаго достоинства, до котораго бы она не могла низойти! (развѣ Господь надъ нею сжалится и пошлетъ своего Ангела-Хра-

нителя?...). И лукавый гнѣздится тогда въ душѣ, которая, казалось, сотворена была, чтобы пѣть, вмѣстѣ съ Ангелами, Божью хвалу... И что же ты, послѣ этого, если ты не зналъ нужды,—и любовь матери, и разумъ отца отъ колыбели стояли надъ тобой ангеломъ-хранителемъ, и ни одинъ нечистый образъ, ни одна нечистая мысль не смѣла коснуться и бросить тѣнь на твое свѣтлое, прозрачное, какъ свѣтлый Божій день, существованье?... а душа въ тебѣ черства къ добру и сердце порочно... А если бъ ты былъ и праведникъ, можешь ли еще гордиться собой и считать себя лучше другаго?»

Скругъ иногда вздрагивалъ, при такихъ словахъ, и пробовалъ сказать что-то, но слова замирали на устахъ.

Но вдругъ пробило двѣнадцать; духъ и все исчезло, и онъ снова очутился въ своей комнатѣ, и при послѣднемъ

ударъ колокола вспомнилъ о предсказаныи Марлева, и поднявъ глаза, увидѣлъ передъ собой торжественный прізракъ, окутанный съ ногъ до головы въ чорную мантію, и, какъ туманъ стелется по полю, несшийся къ нему на встрѣчу.

ГЛАВА IV.

Духъ приближался тихо, торжественно и безмолвно. Когда онъ подошелъ къ нему, Скругъ невольно упалъ на колѣни, ибо въ самомъ воздухѣ, ошь, казалось, разливавъ вокругъ себя мракъ и таинственность. Онъ весь былъ закрытъ чорною мантіею, которая скрывала отъ Скруга его голову, лицо и фигуру, такъ что видна была одна повелительно-распростертая рука,— и если бы не эта рука, то трудно, казалось, было бы отличить его отъ густаго мрака, въ которомъ онъ двигался.

Скругъ могъ разобрать только, что призракъ былъ высокаго, величествен-

наго стана. Онъ стоялъ молча и неподвижимъ, и его присутствіе невольно наполняло Скруга какимъ-то благовѣйнымъ страхомъ.

« Я передъ духомъ будущаго » сказалъ Скругъ ?

Духъ не отвѣчалъ, но указалъ рукою впередъ. —

« Ты мнѣ покажешь тѣни того, чмъ еще быть впереди ! такъ ли, духъ ? » продолжалъ Скругъ.

Верхняя часть его савана сжалась на минуту въ складки , какъ будто,— казалось , что духъ кивнулъ головой . Другого отвѣта не было.

Хотя Скругъ уже успѣлъ привыкнуть къ обществу духовъ, но имъ овладѣлъ такой страхъ передъ этой новой безмолвною тѣнью , что ноги дрожали подъ нимъ и онъ чувствовалъ себя едва въ состоянїи за нимъ слѣдоватъ. Духъ приостановился на минуту, какъ будто

замѣтилъ это и давая ему время опра-
виться; но Скругу вовсе не было легче
отъ такой благосклонности духа.—Его
проникалъ какой-то темный ужасъ при
одной мысли, что изъ-за чернаго савана
на него устремлены два блестящіе таин-
ственные глаза...

«Духъ будущаго!» вскрикнулъ Скругъ;
«я боюсь тебя больше обѣихъ тѣней, тво-
ихъ предшественницъ; но я знаю, ты
пришелъ ко мнѣ съ добрымъ намѣре-
niемъ, и самъ я надѣюсь быть скоро
другимъ человѣкомъ, и потому готовъ
всюду за тобой, — съ благодарнымъ и
легкимъ сердцемъ.»

Но отвѣта снова не было, и рука толь-
ко показала пальцемъ прямо впередъ.

«Веди же,» сказалъ Скругъ, «веди!
ночь коротка и время дорого, я знаю
это; веди же, призракъ!»

Духъ понесся, и за нимъ другая
невидимая сила схватила и повлекла
Скруга.

Нельзя сказать, чтобы они вошли въ городъ, потому что, казалось, дома и улицы сами собой выростали изъ земли вокругъ нихъ и снова исчезали въ слѣдъ за ними. Наконецъ, они очутились на биржѣ, среди купцовъ, которые спѣшили туда и отсюда, звенѣли золотомъ въ кошелькахъ, толковали кружками о дѣлахъ своихъ, или смотрѣли на часы, перебирая въ рукахъ толстые золотыя печати. И все также какъ и всегда... и какъ часто самъ Скругъ видаль такую сцену и бывалъ въ ней дѣйствующимъ лицемъ.

Духъ остановился предъ однимъ небольшимъ кружкомъ.

«Нѣтъ» говорилъ одинъ толстый господинъ съ выпятившимся подбородкомъ, «я хорошенъко не знаю этого, только знаю, что онъ умеръ.»

«Когда умеръ?» спросилъ другой.

«Въ эту ночь, кажется.»

«Что съ нимъ такое было?» спро-

силь третій , взявъ значительно щепоть табаку изъ толстой золотой табакерки.

« Я ужъ думалъ , что онъ никогда не умреть . »

« Богъ вѣсть что , » сказалъ первый , зѣвая .

« Чѣдѣлъ онъ съ своими деньгами ? » спросилъ подошедшій господинъ съ краснымъ лицемъ и толстымъ сизымъ , почти висѣвшимъ носомъ , точно у индѣйскаго пѣтуха .

« Я ничего не слыхалъ , » сказалъ , снова зѣвая , господинъ съ длиннымъ подбородкомъ , « знаю только , что мнѣ онъ не достанутся и что на похороны свои онъ , вѣроятно , тоже многаго не истратить , да и правда некому и пойти на нихъ . »

« А чтобы намъ всѣмъ отправиться компаніей » замѣтилъ другой , смѣючись .

« Я бы пошелъ , если бы зналъ , что будетъ хорошій завтракъ , » отвѣчалъ господинъ съ отвислымъ носомъ .

— «Да ему и въ гробу не соснется при одной мысли, что угощаются нась на его похоронахъ, когда и отъ живаго никто не видаль рюмки водки, или куска хлѣба, чтобы закусить по утру,» замѣтилъ кто-то.

Съ этими словами поднялся новый хохотъ.

«Видно, что я еще самый безкорыстный изо всѣхъ васъ,» продолжалъ первый, «потому что никогда не завтракаю, и я готовъ идти, если найду товарища.—Впрочемъ, когда хорошенъко подумаю, мнѣ кажется, у него и не было лучшаго друга, чѣмъ я, на свѣтѣ, потому что мы всегда очень дружески разговаривали, когда встрѣчались на улицѣ.»

Всѣ разговаривавшіе однакожь разошлись и смѣялись съ другими кружками. Тѣ были все знакомые Скруга, и онъ уже собирался спросить у духа объясненія, что значили эти толки, но

призракъ понесся далѣе вдоль улицы, указывая рукою на двѣ фигуры, разговаривавшія между собою. Тѣ были также его знакомые, люди очень богатые и съ большимъ вѣсомъ въ дѣловомъ мірѣ, около которыхъ онъ всегда очень ухаживалъ, и очень старался, чтобы стоять wysoko въ ихъ мнѣніи. Онъ сталъ прислушиваться.

«Каковы вы сегодня?» говорилъ одинъ.

«Слава Богу» отвѣчалъ другой.

«А знаете ли, что старая карга наконецъ доплела свой вѣкъ?»

«Да, я слышалъ,» отвѣчалъ тотъ, — «а не правда ли, холодно?»

«Да, порядочно.»

«Простите!» и они разошлись; больше ничего не было сказано. Скругъ сначала не могъ понять, какую важность могъ придавать духъ такимъ пустымъ, по видимому, разговорамъ; но подозрѣ-

вая въ нихъ другой скрытый смыслъ и тайный урокъ для себя, онъ не проронилъ ни одного слова и надѣялся, что появленіе его будущаго себя, какъ онъ того ожидалъ, по примѣру первыхъ двухъ ночей, дастъ скорую разгадку всему.

Они, въ это время, проходили мимо его конторы, и онъ заглянулъ въ оконшко, надѣясь тамъ увидать себя; но, къ его удивленію, за большимъ столомъ сидѣла какая-то другая фигура.

Онъ обернулся, какъ бы съ вопросомъ; но передъ нимъ, въ томъ же мрачномъ и спокойномъ положении, стоялъ призракъ съ распростертою рукою и ему казалось, что мрачные блестящіе глаза смотрѣли на него сквозь чорный саванъ. Онъ невольно вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, и почувствовалъ холодъ во всѣхъ жилахъ... а между тѣмъ, они очутились уже далеко въ отдаленной части

города, въ которой прежде этого никогда не бывалъ, и зналъ ее только по ея дурной славѣ. — То былъ рядъ низенькихъ, грязныхъ, полуразвалившихся домовъ, изъ которыхъ отовсюду выглядывали нищета и лохмотья; изъ низенькихъ оконъ раздавались громкие, пьяные крики и пѣсни; на улицахъ встрѣчались одни оборванныя фигуры и пьяные лица. Въ одномъ изъ закоулковъ глухаго переулка они остановились передъ полураствореною дверью, изъ-за которой выглядывала старая, оборванная фигура, сидѣвшая на прилавкѣ, а около нея были навалены цѣлые кучи всякихъ грязныхъ лохмотій, ломанаго желѣза, битаго стекла и всякой, тому подобной дряни.

Скругъ и призракъ остановились передъ дверью въ ту самую минуту, какъ въ нее прокрадывалась закутанная въ платокъ женщина съ толстымъ узломъ подъ мышкой. Но едва она взо-

шла, какъ другая женщина, съ такимъ же узломъ, тихонько прокралась вслѣдъ за нею. Казалось, онъ очень удивились, когда увидали другъ друга, — и кончили громкимъ хохотомъ, къ которому скоро присоединился и самъ хозяинъ.

«Надо же случай такой, чтобы мы сошлись обѣ здѣсь; вотъ ужь судьба такъ судьба!» говорила одна изъ нихъ.

— «Вы, кажется, не могли встрѣтиться въ лучшемъ мѣстѣ, » отвѣчалъ хозяинъ, « и всѣ мы, надѣюсь, старые знакомые; — но прошу пожаловать во внутренніе покоя, а между тѣмъ позвольте запереть дверь.» И онъ заперъ ее на замокъ. Эти внутренніе покоя были — гряная каморка, отдѣленная какою-то запачканою занавѣской въ лохмотьяхъ. Когда они вошли, одна изъ женщинъ обернулась и значительно посмотрѣла на другую.

«Что вы на меня такъ посматриваете?» сказала другая. «Надѣюсь, что мы не станемъ подмѣчать другъ за другомъ всякую соринку.»

«Надѣюсь, что нѣтъ» впутался тутъ старикъ въ лохмотьяхъ.

— «Да развѣ у кого-нибудь убыло этимъ добромъ,» кричала другая, указывая на свой узелъ. «Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что не у покойника.»

«Да ужь вправду» отвѣчала ея знакомая, смѣючись, «еслибъ онъ хотѣлъ уберечь за собою свое добро, старый скряга, — то зачѣмъ онъ не подумалъ объ этомъ при жизни и не умѣлъ никого привязать къ себѣ? Тогда бы кому посмотрѣть за нимъ, когда стукнуль послѣдній часъ, и онъ не умеръ бы на старости лѣтъ одинъ и всѣми заброшенный, какъ собака.»

«Можно было бы прибрать словцо еще потяжеле для него...»

— «По мнѣ» прервала другая — «я бы согласилась, чтобы слова были полегче, да узелокъ потяжеле, — и ужь признаюсь, если бы еще поналочтѣ-нибудь подъ руку, ужь не упустила бы.»

— «Ну, а теперь къ дѣлу. Развяжи-ка этотъ узелокъ, дядюшка Федорычъ, я говори прямо: что дашь?

Узель былъ развязанъ; въ немъ было полотенцы, салфетки, нѣсколько серебряныхъ ложекъ и старыхъ сапоговъ. Дѣдушка Федорычъ записалъ на стѣнкѣ, чего стоить каждая вещь, счелъ итогъ и объявилъ его. «И больше ни полушки, хоть лопнуть, и то еще я много передаю вамъ, изъ одной учтивости, а будете просить больше, такъ и этого не дамъ.»

Дѣло было тотчасъ уложено, безъ дальнѣйшихъ споровъ, и деньги отсчитаны.

«Ну, теперь мой узелокъ,» обратилась къ нему другая женщина.

И онъ вытащилъ изъ него какой-то толстый, тяжелый свитокъ.

«Чтò это? занавѣски съ кровати?»

«Да, занавѣски,» отвѣчала она со смѣхомъ.

«И ты стащила ихъ, пока еще онъ лежалъ на ней.»

«А почему же и нѣтъ?»

«Да я ужъ всегда говорилъ, что ты моло-дець-баба и вездѣ найдешь себѣ дорогу.»

«Ужъ надѣюсь, что я не выпущу изъ рукъ, что разъ пошло въ нихъ, да еще ради такого молодца, какъ онъ!...» отвѣчала она спокойно. «Да смотри, не закапай его одѣяло и рубашку.»

«Его одѣяло?»

«А чье же бы ты думалъ? онъ и безъ нихъ не простудится!...»

— «Да ужъ нечего перевертывать рубашку; не найти ни дырочки; это самая лучшая, какая была у него, да еще Голландская!...»

«Они бы ее совсѣмъ погубили, еслибы не я.»

«Какъ, погубили?»

— «Да, для похоронъ,» отвѣтала женщина со смѣхомъ, «кто-то уже было хотѣлъ надѣть на него, да я не дала. Для него хороша и бумажная....»

Скругъ съ ужасомъ вслушивался въ этотъ разговоръ, и когда они сидѣли надъ своей добычей, при пылающемъ свѣтѣ дрожавшей въ рукахъ старика свѣчи, — они казались больше злыми духами, слетѣвшимися на добычу, чѣмъ людьми.

Когда деньги были ей также отданы, — «ха, ха, ха,» продолжала она, «не даромъ же онъ разогналъ отъ себя всѣхъ родныхъ и друзей, пока былъ живъ; намъ же пригодилось, когда умеръ.»

«Духъ,» сказалъ Скругъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, «я хорошо вижу, что и меня ожидала та же судьба; моя жизнь

вела туды. Но Боже мой, что́ это еще?...» и онъ отошелъ въ сколько шаговъ назадъ въ ужасѣ. Сцена перемѣнилась; онъ стоялъ возлѣ постели, на которой лежало, подъ покрываломъ въ лохмотьяхъ, холодное, недвижимое что-то..., которое довольно говорило о себѣ, хотя и было безмолвно. Комната была очень темна, и какъ ни всматривался Скругъ, по какому-то странному влеченью любопытства, но не могъ разглядѣть ее. Слабый свѣтъ изъ окна падалъ прямо на постелю, и на ней лежалъ всѣми заброшенный, ограбленный, никѣмъ не оплаканный трупъ этого человѣка.... и никто, хотя бы изъ Христіанскаго милосердія, если не любви, не сторожилъ его, и никто не творилъ надъ нимъ молитвы....

Скругъ взглянулъ на призрака;—его неподвижная рука указывала на голову. Покрывало было такъ небрежно накинуто, что малѣйшимъ движенiemъ паль-

ца можно было поднять его и открыть лице. Онъ подумалъ объ этомъ, но рука была безсильна подняться.

О, холодная, строгая, тяжелая рука смерти! поставь здѣсь престолъ твой и убери его всѣми твоими ужасами, ибо здѣсь ты безпрекословно царствуешь! — Но ты не можешь властствовать, по своему, надъ любимой, всѣми благословляемой и чтимой головою, и не можешь обезобразить ни одной черты ея. — Рука также тяжела, и упадетъ съ тѣмъ же глухимъ и мертвымъ звукомъ, если приподнять ее; — сердце также недвижимо, кровь застыла и жилы не бьются; — но эта рука была всегда открыта бѣдному, щедра на милость и подаянья и всегда вѣрна себѣ, когда разъ дана была въ залогъ истины; — но это сердце не знало робкаго страха, оно не страшилось и не сжималось передъ тобой, оно было горячо и любяще, а эти жилы никогда не дрожали

для низкой страсти; а потому и сама смерть безвластна надъ вами и не смѣеть показать Божьяго лика тамъ, гдѣ сама душа не измѣняла ему!... Ударъ же его, смерть, твоей тяжелой косою, — но его чистыя дѣла живутъ за нимъ и разливаютъ благословеніе алчущимъ людямъ, и память его еще долго цвѣтеть и благоухаетъ въ мірѣ!...

Не было голоса, который бы шепнулъ на ухо эти слова Скругу, но онъ какъ-бы слышалъ ихъ въ самомъ воздухѣ, окружавшемъ покойника. И онъ подумалъ: если бы этотъ человѣкъ всталъ теперь, какая была бы его первая мысль и забота? — Деньги и опять деньги, и грызущая зависть къ другому, болѣе надѣленному. Но къ чему же вы привели его, — жадность богатства и отсутствіе всеблагословляющей любви?

И онъ лежитъ теперь одинъ въ пустомъ, мрачномъ домѣ, и нѣтъ никого, кто бы могъ помянуть его добромъ, и

хотя бы въ память одного доброго слова, принести ему свою любовь и участіе въ эту послѣднюю, торжественную минуту нашего мутнаго, скоропреходящаго вѣка. Слышно было только, какъ кошка мѣталась за запертою дверью, и жадныя крысы точили и грызли подъ поломъ. Чего они хотѣли въ жилищѣ смерти и отчего такъ жадно шумѣли? — обѣ этомъ Скругъ не смѣлъ и подумать.

«Духъ,» сказалъ онъ, «это мѣсто наводить ужасъ. Я не забуду его урока, вѣрь мнѣ. Идемъ же.» Но духъ продолжалъ указывать недвижимо пальцемъ.

«Я понимаю тебя,» отвѣчалъ Скругъ, «я давно думалъ... но рука не движется и не слушаетъ мысли.» Духъ снова какъ будто посмотрѣлъ на него.

— «Если есть въ мірѣ хотя одна добрая душа, на которую эта смерть произвела впечатлѣніе, то покажи мнѣ ее, я умоляю тебя.»

Призракъ махнулъ своей черной мантией, словно воронъ крыломъ, и передъ ними вдругъ показалась небольшая комната, освѣщенная лучами солнца, и въ ней молодая женщина съ своими дѣтьми.

Видно было, что она съ большимъ нетерпѣнемъ кого-то ожидала, ходила взадъ и впередъ и вздрагивала при каждомъ звуки; — то смотрѣла въ оконшко, то на часы, и, казалось, съ большимъ усилиемъ надъ собою сносила шумъ и бѣготню играющихъ вокругъ дѣтей.

Наконецъ, зазвенѣль давно ожидаемый колокольчикъ, и она бросилась къ двери на встрѣчу своему мужу. Онъ казался человѣкомъ еще молодымъ, но тяжелая забота уже оставила свои глубокіе слѣды на открытомъ, широкомъ челѣ. Какое-то странное выраженіе видно было на его лицѣ въ эту минуту — какого-то грустнаго удовольствія, котораго, казалось, онъ самъ стыдился, — и

старался, но не могъ, подавить его. — А когда жена его спросила: какія вѣсти? онъ, словно, смѣшался, и не зналъ, чѣмъ отвѣтить ей.

«Дурныя или хорошія?» паконецъ сказала она.

— «Дурныя» отвѣчалъ онъ.

«Мы разорены?» и она взглянула на дѣтей.

«Нѣтъ, Саша, еще есть надежда.»

«Такъ онъ смягчился?» сказала она съ удивленіемъ. «Послѣ этого всего можно надѣяться... когда надѣнь совершилось такое чудо!»

«Смягчаться ему уже нечего.... Онъ умеръ!...»

Она была кроткое и любящее созданье у Бога, — если только вѣрить ея свѣтлымъ, милымъ чертамъ; — но при этомъ страшномъ словѣ: смерть, вместо другаго лучшаго чувства, невольная ра-

дость показалась на лицѣ ея, и эта грѣшная, дурная радость вырвалась невольнымъ, веселымъ восклицаніемъ. Но въ слѣдующее мгновеніе, другое, болѣе угодное Богу чувство уже накинуло тѣнь на ея просвѣтлѣвшее лицо.—Ей стало больно и стыдно самой себя, и она уже просила у Неба прощенія въ грѣшномъ движеньи души, котораго не умѣла удержать даже при дѣтяхъ, коихъ самое Небо вручаетъ матери въ охрану отъ всякаго грѣшнаго дуновенія земли.

— «То, что мнѣ сказала вчера пьяная женщина, когда я хотѣлъ добиться, чтобы онъ меня принялъ и далъ отсрочку хоть на недѣлю, оказалось сущая правда. Онъ не только былъ болѣнъ, но тогда уже при смерти.»

«Къ кому же перейдетъ нашъ долгъ?»

«Не знаю.»

«Но до тѣхъ поръ деньги будутъ, а если и нѣтъ?... не всѣ же такие бездушные заимодавцы, какъ онъ. Мы мо-

жемъ спать спокойно пока , а тамъ,
Богъ милостивъ. »

И вправду, съ этою смертью у нихъ
много отлегло съ сердца, и дѣти, какъ
ни мало понимали въ чемъ дѣло , видя
просвѣтлѣвшія лица отца и матери,
стали также веселѣе.

Съ смертью этого человѣка одной
счастливой семьей стало больше, и кро-
мѣ грѣшной радости въ чистомъ и люб-
ящемъ сердцѣ , она ничего по себѣ
не оставила.

«Покажи мнѣ другую, оплакиваемую
смерть,» сказалъ Скругъ , «чтобы мнѣ
лучше понять все благословеніе иной
жизни.» Съ этимъ словомъ они внезапно
очутились въ знакомомъ намъ жилищѣ
Кричева, гдѣ они нашли жену его и дѣ-
тей , сидящихъ вокругъ топившейся
пѣчки. Все было тихо, очень тихо; ма-
ленькия, обыкновенно столько шумѣвшія
дѣти сидѣли неподвижно въ одномъ уг-
лу и смотрѣли пристально на Петру-

шу, который держалъ въ рукахъ книгу. Мать и дочери были заняты шитьемъ.

«И приялъ отрока, и поставилъ его посреди ихъ...»

Откуда же послышались эти слова Скругу? не могли же онъ присниться ему; — должно быть, что Петруша прочелъ ихъ, когда они переступали порогъ; но отчего же онъ остановился и не продолжалъ дальше?

Мать положила свою работу на столъ и закрыла лице руками.

«У меня глаза начинаютъ болѣть отъ работы при свѣчкѣ,» сказала она, желая скрыть слезы отъ дѣтей.

Нѣтъ, не глаза болѣли у тебя, бѣдная мать, а эти слова напомнили тебѣ про твоего бѣднаго Степу, котораго Богу угодно было взять отъ васъ!

«И мъ лучше теперь,» продолжала она, отнимая отъ глазъ руку, «но я ни за что бы не хотѣла, чтобы вашъ отецъ это

замѣтилъ; а ему скоро придти домой; уже время. » И она принялась снова за работу.

« Да, уже время » отвѣчалъ Петруша, закрывая книгу. « Но мнѣ кажется, мачтушка, что въ эти послѣдніе дни онъ ходитъ тише обыкновеннаго. »

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; наконецъ, приободрившись, она сказала веселымъ, хотя не разъ вздрогнувшимъ голосомъ:

— « Однакожъ, я хорошо помню, что онъ еще недавно хаживалъ и очень скоро, — да еще съ Степой на рукахъ. »

« Какъ же не помнить, » закричалъ Петруша, а за нимъ и другія дѣти.

— « Но онъ былъ такой легонькій, » продолжала она, снова наклонившись къ своей работѣ, « и отецъ такъ любилъ его, что ему не тяжело было носить его. »

Она пошла на встречу ему; дѣти бросились тоже, а двое маленькихъ

взлезли къ нему на колѣни и обняли его рученками. — Онъ былъ очень веселъ съ дѣтьми и хвалилъ лежавшую на столѣ работу жены и дочерей. Но когда онъ ему сказали, что къ Воскресенью эта работа будетъ кончена, при словѣ: Воскресенье, лице его снова омрачилось.

«Да, въ Воскресенье,» продолжалъ онъ, «не забудемъ пойдти на его зеленую могилку; мы часто будемъходить къ нему, не правда ли? я ему обѣщалъ, что приду въ Воскресенье. — Мой бѣдный, маленький Степа!»

И онъ не выдержалъ дольше. Слезы ручьями покатились изъ глазъ; — онъ вышелъ въ другую комнату рядомъ, гдѣ еще стояла въ углу маленькая, пустая кроватка, и замѣтилъ было, что еще недавно покоилась въ ней, на этихъ подушкахъ, чья-то маленькая головка....

И долго, долго онъ стоялъ надъ нею, скрестивъ руки и въ тихой молитвѣ,

пока успокоилъ душевное волненіе и снова помирился съ Небомъ, которое отняло у него его любимаго, маленька-го Степу.

Онъ воротился къ своимъ, и они еще долго толковали между собой въ семейномъ кружку. — Отецъ разсказывалъ про необыкновенную благосклонность племянника г-на Скруга, котораго едва разъ только видѣлъ, и который, встрѣтивъ его на улицѣ и замѣтивъ, что онъ что-то невеселъ, спросилъ его: что случилось съ нимъ? «Тутъ я разсказалъ ему свое горе, а онъ сказалъ мнѣ: отъ души мнѣ жаль васть, г-нъ Кричевъ, и отъ души жаль вашей доброй жены; а какъ ужъ онъ про тебя узналъ, между прочимъ? — ужъ право не знаю.»

«Что я добрая жена?»

«Надѣюсь, что это всякий знаетъ,» замѣтилъ Петруша.

«Очень ловко замѣчено, мое дитя!» сказала Кричевъ. «Надѣюсь, что да. — И

вотъ онъ мнѣ далъ свой адресъ, говоря, что если только могу чѣмъ-нибудь быть вамъ полезенъ, вы меня вспомните, пожалуйста же заверните какъ-нибудь. И не то, чтобы онъ многое могъ сдѣлать для насъ; но все это было сказано отъ такого доброго сердца, что право нельзя было не порадоваться. Словно онъ звалъ бѣднаго Степу и вмѣстѣ съ нами жалѣлъ о немъ.”

— «Я увѣрена, что онъ добрая душа.”

— «Да, а если бы ты еще видѣла его и съ нимъ поговорила. — И совсѣмъ не мудрено, что найду черезъ него другое мѣсто по лучше для Петруши.”

«Слышишь, Петруша?»

«Петруша будетъ скоро уже самъ по себѣ у кого-нибудь въ подмастерьяхъ,» сказала одна изъ дѣвочекъ, «и важнымъ человѣкомъ?...”

«Будетъ ли это или не будетъ,» продолжалъ отецъ, «но я увѣренъ, что кому

бы изъ насть ни пришлось разставаться, ни одинъ изъ васъ никогда не забудеть бѣднаго Степу. Не такъ ли дѣти? — Это вѣдь было наше первое разставанье?»

«Нѣть, никогда!» кричали всѣ въ одинъ голосъ.

«Вѣрю вамъ,» продолжалъ отецъ, — «и увѣренъ, что пока мы будемъ помнить, какъ кротокъ и терпѣливъ онъ бывалъ всегда, не смотря на страданья, которыя ему посыпалъ Господь, и какъ ни малъ онъ былъ взятъ отъ насъ, — между нами не будетъ никогда вражды и ссоры, ибо это значило бы забыть бѣднаго Степу и измѣнить его памяти.»

«Нѣть, никогда,» кричали снова всѣ въ одинъ голосъ.

«Итакъ я снова счастливъ, дѣти, если вы мнѣ обѣщаете, что Степа, хотя и взятый отъ насъ, будетъ всегда жить съ вами памятью своей любви и крѣности.»

И съ этими словами всѣ бросились къ отцу, чтобы обнять его: мать и дочери и Петруша и маленькия дѣти. . . .

Бѣдный Степа, ты умеръ еще ребенкомъ и не могъ еще ничего сдѣлать ни дурнаго ни хорошаго, но ты былъ всегда любящъ и кротокъ, — и ты оставилъ за собой, въ твоемъ тѣспомъ кружку, благословеніе любви и кротости!... — И этого довольно.— Видно, что душа твоя была одна изъ избранныхъ у Господа Бога!

— «Духъ, сказалъ Скругъ, я чувствую, что намъ скоро разстаться; скажи же, кто тотъ покойникъ?» Но духъ продолжалъ пдти далъе.

«Это мой домъ,» сказалъ Скругъ, когда они проходили мимо. «Покажи же мнѣ, чѣмъ будетъ со мною.» Духъ остановился, и показалъ рукою въ другую сторону.

— «Домъ мой вонъ гдѣ,» вскрикнулъ Скругъ, «зачѣмъ же ты указываешь въ другую сторону?»

Но неумолимый указательный палец оставался недвижимъ, и вотъ они очутились за городомъ на кладбіщѣ. Духъ остановился между гробницъ и указывалъ на одну изъ нихъ. Скругъ слѣдовалъ за нимъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Призракъ, казалось, остался тотъ же, но его походка получила какую-то новую, страшную торжественность.

«Прежде чѣмъ я подойду ближе къ этому камню,» сказалъ Скругъ, «отвѣчай мнѣ на одно: всѣ эти тѣни тѣ ли, чему непреложно быть, или только тѣ, что быть можетъ? Дѣла человѣка приводятъ его неизбѣжно къ известному концу; но если онъ измѣнить свои дѣла? — Такъ ли?»

Но духъ оставался по прежнему недвижимъ и указывалъ пальцемъ на гробницу.

Скругъ подползъ къ ней, дрожа всѣмъ тѣломъ, и слѣдя за пальцемъ, прочелъ

на заброшенномъ камнѣ слѣдующую надпись: *Петръ Скругъ.*

«Такъ этотъ покойникъ, лежавшій на постелѣ, былъ я?...» . вскричалъ онъ и упалъ на колѣни.

Духъ тихо повелъ пальцемъ на него и потомъ отъ него къ гробницѣ.

«Нѣтъ, духъ, нѣтъ!» но духъ, по прежнему, недвижимо указывалъ на камень.

«Духъ,» вскричалъ онъ, цѣпляясь за его саванъ, «выслушай меня: я уже не тотъ человѣкъ, чтѣ былъ, и я не буду ужь тѣмъ, къ чему вела меня моя грѣшная жизнь!... И къ чему было давать мнѣ твой строгій урокъ, — если для меня нѣтъ больше спасенія?»

И въ первый разъ рука духа задрожала.

«Добрый духъ,» продолжалъ онъ, павъ ницъ передъ нимъ, «я знаю, что твое сердце говоритъ за меня; обѣщай же мнѣ, что я могу еще измѣнить эти тѣни, измѣнивъ свою жизнь».

Рука духа продолжала дрожать.

«Я буду, обѣщаю тебѣ, строго соблюдать всѣ праздники и отъ всей души воздавать всю должную честь Свѣтлому Христову Воскресеню; я отдамъ свою жизнь, чтобы сдѣлать, по мѣрѣ силъ моихъ, вѣчное Свѣтлое Воскресеніе для моихъ страждущихъ братій!... Я буду жить вами, настоящее прошедшее и будущее, ибо каждый изъ васъ, благодѣтельные духи, открыль мнѣ новое, невѣдомое мною дотолѣ, Божье благословеніе въ жизни; и уроки всѣхъ васъ, благодѣтельные духи, освѣтять и поведуть за собой остатокъ моихъ дней на искупленіе всего, что доселъ прожито мною въ слѣпотѣ души и разума. — О, скажи мнѣ, что я могу еще смыть съ человѣческаго будущаго тотъ срамный конецъ, къ которому вела меня моя грѣшная, слѣпая жизнь!»

И въ своемъ отчаяніи онъ схватилъ за руку призрака. Призракъ хотѣлъ

освободиться, но тотъ судорожно держалъ ее.... Между ними завязалась борьба....

И онъ проснулся, стоя на колѣняхъ, съ поникшей головой и съ теплой, еще не остывшей молитвой на устахъ, чтобы Небо сжалцлось надъ его грѣшной душою и благословило ее на подвигъ новой, возрожденной жизни....

ГЛАВА V

и последняя.

И дѣйствительно, онъ стоялъ на колѣньяхъ и на своей же постель. Кровать была та же и комната та же и... благодаря Бога, время еще его, и будущее въ его власти....

« Я начну новую жизнь, и искуплю прошлую,» кричалъ Скругъ, въ просонахъ и вскакивая. « Благодѣтельные духи, прошедшее и настоящее и ты грозная тѣнь будущаго,—ты осѣнишь и поведешь за собой мое живое будущее на исправленье моей грѣшной, заранѣ склонившей себя души. О Марлевъ, мнѣ никогда не забыть твоей услуги!

И Свѣтлое Воскресенье, надъ которымъ я еще недавно такъ издѣвался, какъ мнѣ не благодарить и не благословлять тебя! На колѣняхъ благодарю васъ, Марлевъ и Свѣтлое Воскресенье!..

Все это онъ говорилъ дрожащимъ голосомъ, всхлипывая и перерываясь на каждомъ словѣ... въ какомъ-то странномъ полуснѣ, въ какомъ-то нерѣщенномъ состояніи души, равно принадлежащемъ этому и тому міру.—Онъ, казалось, продолжалъ на яву и съ открытыми глазами свой прежній сонъ, — былъ не въ силахъ освободиться отъ его оглушающихъ впечатлѣній и очнуться на міръ дѣйствительный, хотя глаза его и были открыты....

Онъ тяжело дышалъ и грудь его высоко подымалась; слышно было мѣрное и глухое біеніе его сердца среди окружавшаго безмолвія... Казалось, всѣ жилы будто звенѣли въ немъ, и кровь словно отхлынула отъ сердца и взмѣ-

нила свое привычное теченіе въ сосудахъ и жилахъ.

Во время борьбы своей съ духомъ, онъ горько и долго рыдалъ, и лицо его было еще все въ слезахъ.... И какъ странно было видѣть эти слезы на этомъ огрубѣломъ лицѣ! Но съ каждой новой крупной слезою, тяжело и тихо катившейся изъ непривычныхъ глазъ, грудь его дышала вольнѣе; казалось, отлегала отъ нея хотя частица ее давившаго бремени, ... и словно небесная роса ниспадала въ его отягченную душу. — И каждая слеза эта оставляла за собой на очерствѣломъ лицѣ дотолѣ незамѣченную, свѣтлую черту, — привѣтливую и улыбающуюся всему дольнему Божьему миру, какъ будто смывая и унося съ собою грубую кору, въ которую одѣла эти черты привычка душевнаго холода.

Онъ обвелъ глазами постель и занавѣсь, и радостно вскрикнулъ: «Нѣть,

благодаря Бога, я еще не покойникъ; занавѣсь, одѣяло еще цѣлы....» и онъ судорожно схватился за нихъ.... «И я самъ еще живу и дышу! Тѣни будущаго! вы еще можете быть разсѣяны, какъ грозныя тучи уходятъ съ нашего съвернаго неба, разсѣянныя другимъ подувшимъ вѣтромъ, изъ другаго, болѣе счастливаго, благословеннаго края. — Да, сердце не обманеть;—не обманеть и вѣра въ благость Провидѣнья, которое спасаетъ человѣка съ краю пропасти, когда есть еще для души его хотя одна свѣтлая, чистая минута, которая дасть ей крылья....»

Онъ дотого былъ взволнованъ, дотого былъ полонъ всякихъ боровшихся въ немъ добрыхъ чувствъ и намѣреній, и горѣлъ нетерпѣніемъ исполнить ихъ и обновить себя, что насилиу находилъ голосъ для своихъ словъ и мыслей.

И онъ долго еще оставался недвижимъ, и на колѣняхъ, склонивъ голо-

ву и скрестивъ руки, казалось, въ ти-
хой, душевной молитвѣ... и слезы
продолжали, одна за одной, тихо ка-
титься и падать. — Наконецъ онъ под-
нялъ голову; солнце полными, празд-
ничными лучами ударяло въ окно...
и возвратило его въ міръ дѣйствитель-
ный. —

— «Прочь, тяжелыя думы!» наконецъ
сказалъ онъ, и отряхнуль волосами на
головѣ; — «благодаря Небу, я теперь уже
другой человѣкъ. »... но на этомъ словѣ
онъ остановился... «Другой человѣкъ...
но гдѣжь твое оправданье? и развѣ не
при тебѣ еще тяжелая вереница той
цѣпи, которую ты ковалъ себѣ годъ за
годомъ?.. Но будущее еще въ моихъ ру-
кахъ!.. О!.. какъ долженъ же я дорожить
его каждымъ мгновеніемъ, чтобы смыть
съ себя свое прошлое!» И съ этими
словами онъ судорожно вскочилъ...

«Право, не знаю, что съ собой дѣлать,»
наконецъ вскрикнулъ онъ и засмѣялся

въ то же время;— и выдѣлывалъ изъ се-
бя настоящаго Лаокоона, когда принял-
ся въ торопяхъ натягивать на ноги
длинные чулки и завязывалъ на спинѣ
свою фуфайку.

«Право, голова у меня такъ и кружит-
ся, какъ у пьяницы.— Я чувствую себя
легкимъ, какъ будто перушко, счастли-
вымъ, какъ будто въ раю, и весель,
словно школьный мальчишка. Христосъ
же Воскресъ всѣмъ и каждому, кто бы
ни былъ, Христосъ Воскресъ!»

И онъ подпрыгивалъ, сидя и вороча-
ясь на постель, такъ что доски подъ
нимъ трещали и крякали, и во все это
время, самъ не замѣчая того, продолж-
жалъ возиться съ своимъ платьемъ; то
вывернетъ его на изнанку, то надѣнетъ
задъ на передъ, то забросить въ уголъ
и потомъ ищетъ, самъ не зная, что
дѣлаетъ....

Наконецъ, онъ выскошилъ въ другую
комнату и остановился.

«А вотъ и дверь, въ которую вошелъ Марлевъ, вотъ уголъ, гдѣ стоялъ духъ настоящаго, а вотъ окошко, въ которое я смотрѣлъ на летавшія тѣни, и все это правда, все это было, ха, ха, ха!» и онъ захотѣлъ изо всей своей мочи, такъ что самыя губы, казалось, удивились такому сильному, непривычному движению. «Я не знаю, какое сегодня число въ мѣсяцѣ и какой день въ недѣлѣ?» наконецъ вскричалъ онъ. «Кто знаетъ, сколько я пробылъ въ мірѣ духовъ? я ничего не знаю, я совершенный младенецъ; впрочемъ и не бѣда! Не лучше ли же для меня стать вовсе ребенкомъ и начать жизнь съ изнова? ха, ха, ха! эй! го!»

Но вдругъ онъ былъ прерванъ въ своихъ восторгахъ звономъ во всѣ колокола, которые громко и радостно гудѣли надъ городомъ: бимъ, бомъ, бомъ! днѣ, днѣ! Чудо, право чудо!

И онъ побѣжалъ къ окошку, отвѣ-

риль его и высуналъ голову. Нѣту болѣе тумуна; все такъ свѣтло и солнечно; свѣтлый, праздничный день и здоровый, проникающій холодъ, такъ что кровь лучше обращается въ жилахъ. Солнце сыпало золотыми лучами; свѣтло голубое небо, прохладный вѣтерокъ и веселый гулъ колоколовъ! чудо! право, чудо!

«Какой сегодня день?» закричалъ Скругъ маленькому мальчику въ праздничномъ платьѣ, который бережно расхаживалъ внизу по улицѣ.

«Ге?» разинулъ ротъ мальчикъ отъ удивленья.

«Что сегодня, мой милый?» повторилъ Скругъ!

«Какъ сегодня?» отвѣчалъ мальчикъ, «чай Свѣтлое Воскресенье!»

«Какъ, еще Свѣтлое Воскресенье и я его еще не пропустилъ?» говорилъ самъ себѣ Скругъ; «духи все это успѣли въ одну ночь! впрочемъ, для нихъ все воз-

можно, разумѣется все возможно, да иначе и быть не можетъ. »

—« Эй ! мой любезный ! »

« Что ? » отвѣчалъ мальчикъ.

« Знаешь птичный рядъ, вонь что на другой улицѣ? »

« Какъ же не знать ! »

« Молодецъ же мальчикъ, славный мальчикъ! » отвѣчалъ Скругъ; « а замѣтилъ ты большаго индѣйскаго пѣтуха, чѣмъ вывѣсили тамъ на показъ для праздника, чѣмъ такой толстый ? »

« Чѣмъ будетъ съ меня? » отвѣчалъ мальчикъ.

« Что за славный мальчикъ ! весело и поговорить съ нимъ. Ну, да. »

« Онъ еще и теперь тамъ виситъ »

« А ! сказалъ Скругъ, такъ поди, и купи его. »

« Эй, шутишь, » закричалъ мальчикъ.

« Нѣтъ, не шучу. »

«Поди, и скажи чтобы мнѣ принесли его, и воротись самъ вмѣстѣ, дамъ тебѣ полтинникъ; а воротишься менѣше чѣмъ въ пять минутъ, такъ будетъ тебѣ цѣлковый.»

И мальчикъ пустился какъ стрѣла;— едва ли кто бы спустилъ курокъ скорѣе, чѣмъ нашъ мальчикъ бросился во всѣ ноги.—

«Я пошлю его къ Кричеву» бормоталъ про себя Скругъ, потирая руки и смеясь про себя. «И онъ не будетъ знать, кто послалъ ему. Ха, ха, ха! ха, ха, ха! А чай пѣтухъ будетъ съ его Степу, если не больше. И ужъ какъ онъ удивится!»

Онъ приготовилъ адресъ; правда, что рука нѣсколько дрожала противъ обыкновенія; но тѣмъ лучше, Кричевъ не узнастъ ее. «Впрочемъ..., все равно, онъ бы не принялъ ее за мою, если бы и узналъ,» сказалъ онъ про себя, подумавъ немножко и вздохнувши.

И онъ сошелъ внизъ, отворилъ дверь

и стала на крыльце дожидаться лавочника. Пока онъ тутъ стоялъ и дожидался, нечаянно ему бросился въ глаза старинный рѣзной замокъ у двери.

«Я буду любить и благословлять тебя во весь остатокъ моей жизни,» говорилъ себѣ Скругъ, поглаживая его рукою. «Право, чудный замокъ; замокъ, какихъ нѣтъ! и когда вглядусь въ него, точно плутъ мнѣ улыбается и съ такой честной улыбкой; а вотъ и пѣтухъ, ну ужъ пѣтухъ! Да, Христосъ Воскресъ, братцы!» и онъ весело похристосовался съ лавочникомъ и съ уличнымъ мальчишкой.

И вправду, пѣтухъ ужъ былъ на славу; хорошо, что его убили къ празднику; гдѣжъ ему было на ногахъ стоять? — одинъ зобъ перевѣсиль бы на сторону.

«Вотъ адресъ, но это далеко отсюда, на самомъ краю города. Надо будетъ извоевика.»

Надо было видѣть веселую улыбку, съ которой онъ сказалъ это , какъ онъ самодовольно улыбался , когда давалъ на извощика и расплачивался за пѣтуха , и когда положилъ въ руки мальчику цѣлковый . Но когда онъ взбѣжалъ на верхъ и усѣлся въ большое кресло, чтобы отдохнуть, его лицо, еще болѣе прежняго, разцвѣло разными самодовольными улыбками...

Пора ужь было бриться,—но бриться для него было теперь не легкой задачей , потому что рука продолжала дрожать у него , а бритье такая проклятая вещь, что часто насажаешь черныхъ мухъ на подбородокъ, когда рука и не думала дрожать. Я всегда очень завидовалъ благополучію тѣхъ , которые избавлены отъ этого пріятнаго занятія, и еще болѣе дамамъ, которыхъ даже лишены возможности его. Впрочемъ, па этотъ разъ, если бы Скругу даже случилось обрѣзать кончикъ своего носа,

онъ, вѣроятно, не обратилъ бы никакого особеннаго вниманія на такое обстоятельство, и спокойно залѣпивъ его пластыремъ, пошелъ бы себѣ, предовольный собою.

Наконецъ, его туалетъ былъ конченъ. Онъ нарядился въ свое лучшее платье и вышелъ на улицу. Отовсюду такъ и валили толпы народа, и Скругъ расхаживалъ между ними съ такой веселой, сладкой улыбкой, казался такъ счастливымъ, такъ привѣтливо смотрѣль, — только что не въ глаза каждому, что нѣсколько человѣкъ, совершенно незнакомыхъ ему, повстрѣчавшись съ пимъ, говорили ему: неправда ли, какое славное утро! Христосъ Воскресъ! — и онъ отвѣчалъ имъ: Воистину Воскресъ! — и весело христосовался. И много лѣть, спустя это время, Скругъ еще любилъ повторять, что изо всѣхъ радостныхъ звуковъ которые только онъ запомнилъ въ свою жизнь, не было для него ра-

достинѣе, какъ этотъ первый, певольный, казалось, ничѣмъ невызванный привѣтъ отъ людей, его братій, его просвѣтлѣвшей душѣ, — которая вправду, казалось, такъ и рвалась наружу, послѣ долгаго плѣна его прежнему, черствому, ее притуплявшему существованью.

Онъ недалеко отошелъ, когда ему повстрѣчался толстый господинъ, который наканунѣ заходилъ въ его контору съ разными благотворительными предложеніями и даже не зналъ, входя къ нему, Скругъ онъ или Марлевъ. Сердце въ немъ сжалось при одной мысли, какимъ взглядомъ его встрѣтить этотъ почтенный, благотворительный господинъ; но онъ зналъ теперь прямую дорогу, которая лежитъ передъ нимъ, — и онъ не свернулъ въ сторону.

Онъ ускорилъ шагъ, и взявъ толстаго господина за обѣ руки, сказалъ ему: «Что, какъ вы? надѣюсь, что вы вчера

успѣли ? Да , чѣдѣ же ! Христосъ Воскресъ ! »

« Г-нъ Скругъ ? »

« Да , Скругъ — мое имя , и я боюсь ,
что оно не совсѣмъ пріятно звучить
вамъ ; но позвольте извиниться и будьте
такъ добры . . . и съ этими словами онъ
шепнулъ ему что-то на ухо .

« Какъ ! » вскричалъ толстый госпо-
динъ отъ удивленья . « Да что вы шу-
тите , мой любезнѣйшій г-нъ Скругъ ? »

« Какъ вамъ угодно , » отвѣчалъ Скругъ ,
« но что до меня , то ни полушки мены-
ше , и не удивляйтесь этому : я тутъ
плачу заразъ свой старый долгъ за
много , много лѣтъ , и счелъ , разумѣется ,
и слѣдующіе проценты . Такъ чѣдѣ
надѣюсь , вы не отказываетесь . »

« Мой добрый г-нъ Скругъ , » отвѣ-
чалъ ему его новый пріятель и друже-
ски жалъ ему руку , « право , я не знаю ,

чѣмъ отвѣтить вамъ на ваше вели-
коду...»

«Пожалуйста перестаньте! — что до
этого» прервалъ Скругъ; «только за-
ходите ко мнѣ въ контору за векселя-
ми. Надѣюсь, что вы посѣтите меня
хоть завтра?»

«Непремѣнно, — ждите меня!»

«Очень, очень вамъ обязанъ, и благо-
дарю васъ,» и они снова пожали другъ
другу руку.

И долго онъ въ раздумье бродилъ
по улицамъ безъ цѣли и куда глаза
глядятъ; но странно — хотя онъ былъ
погруженъ въ себя можетъ быть боль-
ше, чѣмъ когда либо, — никогда и никакая
прогулка еще не доставляла ему
такого удовольствія; столько ему было
новаго въ томъ, что онъ видаль ежед-
невно и чего доселъ не умѣлъ ви-
дѣть. — Наткнувшись на маленькаго, спѣ-

шившаго куда-то мальчика , онъ останавливался , гладилъ его по головкѣ и христосовался съ нимъ краснымъ яичкомъ. Онъ не пропустилъ ни одного нищаго , чтобы не остановиться и съ вниманіемъ не распросить его , и не наградить щедрою рукою для праздника , смотря по нуждѣ каждого. Все , казалось , улыбалось ему : люди , улицы , дома... все , казалось , по прежнему и ничто не могло же такъ измѣниться съ вчерашняго дня , — хотя сегодня и было Свѣтлое Воскресенье.... И развѣ онъ не запомнить въ свою жизнь десятки такихъ же Свѣтлыхъ Воскресеній , — какъ самое , бывало , несносное для него , время ? — ибо оно прерывало ему , Богъ вѣсть изъ чего , привычный ходъ и плавное , ничѣмъ не нарушающее теченье его жизни и занятій.... Но это оттого , что его душа теперь несла въ себѣ свѣтлую , радушную улыбку и кроткое , любящее чувство ко

всему, что только дышетъ и движется на великому Божиемъ мірѣ.

Между тѣмъ, онъ, какъ-то невольно и почти самъ не зная того, все это время приближался къ улицѣ, на которой жилъ его племянникъ; и вотъ, наконецъ, онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его дома. Не разъ онъ повернулся назадъ и впередъ вокругъ двери, пока собрался съ духомъ, чтобы подойти и позвенѣть въ колокольчикъ.

«Дома баринъ?» спросилъ онъ, когда ему отворили дверь.

«Дома-съ, прикажете доложить?»

«Нѣтъ, не зачѣмъ, мы съ нимъ хорошие пріятели, я взойду и безъ доклада. — »

И съ этими словами, не дожидаясь долье, онъ взбѣжалъ на лѣстницу, и повернувъ замкомъ въ столовую, легонько растворилъ дверь и заглянулъ...

Хозяинъ и хозяйка стояли возлѣ накрытаго стола и распоряжались какими-

то новыми приготовлениями къ праздничному обѣду. Извѣстно, что молодые хозяева и хозяйки всегда очень заботятся, чтобы все у нихъ было хорошо и въ порядкѣ.

«Христосъ Воскресъ, Дмитрій!» закричалъ Скругъ, растворяя дверь и входя.

Надо представить себѣ все удивленіе его племянника и племянницы при такомъ неожиданномъ появленіи.

«Какъ, это вы, дядюшка?»

«Да, это я, вашъ старый дядюшка Скругъ, и пришелъ къ вамъ отобѣдать для праздника, если только вы меня примите... Но позвольте прежде всего съ вами похристосоваться, мои дѣти, какъ слѣдуетъ для праздника.»

И они дружески обнялись, дядя и племянникъ, и три раза чмокнулись, такъ что раздалось на всю комнату. И веселый племянникъ уже начиналъ хохо-

тать, по прежнему, на радостяхъ... и расхохотался еще больше, когда пришелъ чередъ христосоваться его моло-денькой женѣ, которая при этомъ вся покраснѣла и смѣшалась...

Да ужъ какъ имъ было весело! и Скругъ въ первыя пять минутъ уже чувствовалъ себя какъ бы дома и въ своей семье. Хозяинъ и хозяйка, казалось, были такъ веселы, такъ счастливы, какъ никогда еще въ жизни; открытое и свѣтлое радушіе Скруга дото-го увлекло ихъ, что они даже позабыли свое удивленіе. Но вотъ начали съѣз-жаться гости; вотъ и толстая кузина, ужъ въ лѣтахъ, которая столько хо-тала, и старая тетушка въ длинной шали. Скругъ узналъ всѣ лица и со всѣми тотчасъ же познакомился, а съ пными успѣлъ даже почти подружить-ся; такъ все было просто, весело, ра-дущно и ни въ комъ ни одной задней мысли на другаго... И вотъ послѣ обѣ-

да была та же музыка и фанты и жмурки, и онъ чувствовалъ, кажется, минуту, когда бы , казалось , начаться тѣмъ же разговорамъ про него и той же загадкѣ Скру-у-у-угъ... какъ дѣйствительно и было бы, если бы онъ заранѣе не оправдалъ себя , и не измѣнилъ своимъ неожиданнымъ присутствиемъ неизменное теченье рѣки времени.... И онъ невольно вздрагивалъ и едва переводилъ дыханіе въ такую минуту.—

На слѣдующее утро онъ былъ уже, какъ можно ранѣе , въ конторѣ . — И какъ ужъ онъ торопился , чтобы только прийти первому и поймать върасплохъ Кричева !

Вотъ бывать девять , а Кричева еще нѣтъ ; еще четверть , три четверти , а его все еще нѣтъ. Скругъ нарочно стала у двери, чтобы видѣть , какъ будетъ подходить Кричевъ.

Увидавъ своего грознаго хозяина, онъ уже заранѣе снялъ шапку и началъ заворачивать рукава, чтобы приготовиться къ письму; вынулъ перо и въ одну минуту уже сидѣлъ за столомъ, какъ—будто надѣялся нагнать потерянные три четверти часа и этимъ умилостивить Скруга. —

«А!» закричалъ Скругъ своимъ прежнимъ сердитымъ голосомъ, на сколько онъ только могъ подъ него поддѣлаться. «Что это значитъ, что вы такъ опоздали?»

«Да, я опоздалъ немного, извините.»

«Все извинять» проговорилъ суровымъ голосомъ Скругъ. «Извольте-ка подойти ко мнѣ, сударь, поближе.»

«Это только разъ случилось въ году и больше не повторится; вчера было Свѣтлое Воскресенье...»

«А я вотъ что скажу тебѣ, братецъ» продолжалъ Скругъ, «что я больше тер-

пѣть этого не намѣренъ, а потому...» и съ этими словами онъ вскочилъ со стула и ударилъ Кричева по плечу... «я намѣренъ прибавить вамъ жалованья, сударь.»

Кричевъ весь затрясся и началъ по немногу отодвигаться къ двери, думая, что ему скоро придется закричать караулъ.

«Ну, такъ Христосъ же Воскресъ, Оедя,» сказалъ Скругъ, ударивъ его снова по плечу и съ такимъ веселымъ, улыбающимся лицомъ, что нельзя было больше сомнѣваться въ истинѣ его добрыхъ намѣреній. «Христосъ же Воскресъ, мой добрый товарищъ,» и съ этими словами онъ обнялъ еще стоявшаго въ нѣкоторомъ недоумѣніи Кричева. «Я удвою тебѣ твое жалованье и съумѣю поддержать твою семью; — приходи сегодня же отобѣдать ко мнѣ, и мы вмѣстѣ перетолкуемъ о твоихъ дѣлахъ. Да

разведи-ка огонь побольше и вели привезти дровъ еще воза два. »

Скругъ сдержалъ свое слово: онъ исполнилъ все обѣщанное,—и еще больше, чѣмъ обѣщалъ. О маленькомъ Степѣ мы не знаемъ хорошенъко, остался ли онъ въ живыхъ или иѣть, но разсказываютъ иные, что Скругъ былъ для него вторымъ отцомъ. И онъ сталъ хорошимъ роднымъ, хорошимъ другомъ, добрымъ хозяиномъ, добрымъ знакомымъ и добрымъ человѣкомъ, какихъ только поискать на бѣломъ свѣтѣ.—Иные подсмѣивали его, видя въ немъ такую внезапную перемѣну; но онъ оставлялъ ихъ смѣяться и не обращалъ большаго вниманія.—Онъ зналъ, что иѣть той истины и того добра на свѣтѣ, надъ которыми не напились бы люди, чтобы посмѣяться; онъ зналъ, что такие люди и безъ того насмѣютъ себѣ морщины подъ глазами и у подбородка, и онъ не прибавить имъ ни

одной морщинкой больше. — Самъ же онъ выучился зато доброму , открытому смѣху, который никогда заранѣе не состарїеть ничьего лица и не оставитъ на немъ никакого недобраго слѣда , и сама душа въ немъ выучилась свѣтло и весело глядѣть и улыбаться всему великому Божьему міру , — а это все , что можно пожелать и каждому изъ насть. —

Онъ болыше не водилсѧ съ духами по Свѣтлымъ Воскресеньямъ. Но про него зато всѣ говорили , что никто не умѣлъ быть такъ весель и счастливъ въ Свѣтлое Воскресеніе , какъ онъ ; что никто не умѣлъ такъ хорошо праздновать его , съ такимъ любящимъ вниманіемъ , и такъ много дѣлать добра и помогать своему ближнему... съ тою любовью и кротостью Христіанина , которая требуетъ , чтобы не вѣдала наша лѣвая , что подаетъ правая...

Дай-то Богъ , чтобы и про каждого

изъ насть могъ всякий то же сказать : что съумѣемъ и мы сдѣлать изъ каждого Божьяго дня — Свѣтлое Воскресенье каждому послѣднему изъ нашихъ страждущихъ братій, — когда только насть ни призоветъ къ нему его строгая нужда. Помните, даль же когда то такое обѣщаніе , въ своеемъ добрѣтельномъ порывѣ, Скругъ своему духу будущаго, и, какъ слышно , по мѣрѣ силы и возможности сдержанъ слово.— Да обѣщаетъ то же и каждый изъ насть тому душевному ангелу хранителю , котораго онъ избралъ для своего будущаго !— «И да благословить насть ,» на такой подвигъ всей жизни « Господь нашъ , всѣхъ насть и каждого , большаго и малаго ,» какъ тѣ , помните , разъ сказалъ маленький Степа . —

ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ.

Со смертію перваго Римскаго императора, Августа, окончился цвѣтущій вѣкъ Римской Словесности, прозванный золотымъ вѣкомъ. За нимъ слѣдуетъ, до конца правленія Адріана, такъ называемый вѣкъ серебряный. Постепенное ослабленіе духовныхъ силъ, упадокъ нравственности и охлажденіе къ общественнымъ интересамъ, — таковъ характеръ этого времени. Попеченіе о благѣ общественномъ перестаетъ быть предметомъ соревнованія гражданъ, ораторъ, мужай государственныхъ. Мѣсто

его заступаютъ мелкія житейскія заботы о частномъ интересѣ. Эгоизмъ становится главною пружиною всей дѣятельности Римлянъ. Раболѣпною лестью замѣняется благородное чувство собственного достоинства.

Такое извращеніе Римской жизни съ прежняго пути скоро отразилось и въ Словесности. Чѣмъ менѣе доставляла жизнь достойныхъ предметовъ для оратора и писателя, тѣмъ болѣе стали обращать вниманія на внѣшнюю оболочку и отдѣлку ораторскихъ рѣчей и вообще сочиненій.

Пустоту содержанія стали часто скрывать подъ блестящими, звучными словами и выраженіями, и изысканными до напыщенности оборотами рѣчи. Ни одинъ періодъ въ Исторіи Римской Словесности не былъ такъ богатъ числомъ писателей и такъ бѣденъ замѣчательными литературными произведеніями. Тѣмъ болѣе писали, чѣмъ менѣе было

о чёмъ писать. Не рѣдко съ цѣлію вы-
казатъ свои риторскія дарованія выду-
мывали небывалыя судебнія дѣла , ко-
торыми съ такимъ же усердіемъ зани-
мались , какъ и дѣйствительными. Не
удивительно, что, при такомъ направле-
ніи , знаменитая Римская элоквенція
превратилась въ пустое *краснорѣчіе*.

Во главѣ серебрянаго вѣка стойть ,
между прочимъ , Плиній , прозванный
Младшимъ, въ отличіе отъ своего дяди,
также Плинія , но прозваннаго Стар-
шимъ. Помѣщаемъ здѣсь для образца
извлеченіе изъ двухъ писемъ (соединен-
ныхъ нами въ одно) Плинія Младшаго
къ его другу, знаменитому историку
Тациту , въ которыхъ онъ описываетъ
смерть своего дяди , знаменитаго поли-
гистора Плинія Старшаго , послѣдовав-
шую при томъ самомъ изверженіи Ве-
зувія (въ 79 г. по Р. Х.), которымъ
были разрушены три города , лежавшіе
у подошвы этой горы: Ромреї , Нер-

culanum и Stabiæ.—Вообще, мы не можемъ не сожалѣть, что Плиніевы письма мало читаются въ учебныхъ заведеніяхъ, хотя замѣтимъ, что читать ихъ надо съ осторожностію, подъ руководствомъ филологически-образованнаго наставника, который бы умѣлъ оцѣнить надлежащимъ образомъ и содержаніе и языкъ автора. Содержаніе Плиніевыхъ писемъ особенно занимательно потому, что въ нихъ отразилась современная частная жизнь Римлянъ, да и въ языкѣ Плинія еще не потухла искра классического генія. Кромѣ того, въ этихъ письмахъ найдете много поучительныхъ правилъ, которыми руководствовался Плиній въ своей жизни, какъ писатель и какъ гражданинъ. Наконецъ, эти письма служатъ почти единственнымъ источникомъ для составленія Плиніева жизнеописанія, котораго подробности очень любопытны и котораго очеркъ здѣсь помѣщаемъ какъ введеніе къ чте-

нію Плінієвихъ сочиненій вообще ; замѣтимъ, что, кромъ сборника писемъ, раздѣленного на десять книгъ, до настъ еще дошло Плінія похвальное слово императору Траяну.

Пліній Младшій родился въ 62 году по Р. Х., въ городѣ Соміи, что нынѣ Сомо, лежащемъ близъ Комскаго озера, которое въ древности называлось сперва Ларійскимъ, а потомъ Комуценскимъ. Берега этого озера весьма живописны, особенно западныя. Множество вилль и въ древности, такъ же какъ и въ наше время, красовались тамъ повсюду. Римскіе граждане любили здѣсь въ роскошныхъ дачахъ предаваться наслажденіямъ частной жизни, особенно съ тѣхъ поръ, какъ жизнь общественная начала отвергать ихъ прямое и самостоятельное въ ней участіе. У Плінія было также здѣсь нѣсколько своихъ дачъ, но особенно любилъ онъ двѣ изъ нихъ : Laurentinum и Tuscі. Обѣ онъ

описалъ въ своихъ письмахъ и съ та-
кою подробностію , что въ новое время
явилось нѣсколько сочиненій , которыя
старались возстановить въ рисункахъ ,
объясненныхъ комментаріями , эти Пли-
ніевы виллы , отъ которыхъ остались
теперь однѣ незначительныя развалины.
«Ты удивляешься — пишетъ Плиній къ од-
ному изъ своихъ пріятелей — отчего мнѣ
такъ нравится мой Laurentinum ? Ты
пересталъ бы удивляться , если бы
зналъ всю прелесть моей дачи , удоб-
ство ея положенія , обширность примы-
кающаго къ ней берега .» Тутъ онъ опи-
сываетъ , какъ эта дача близка отъ го-
рода Комы , какъ обширны и разнооб-
разны виды на окрестности , какой bla-
гословенный климатъ , касается всѣхъ
подробностей своего дома , расположен-
наго со всѣми возможными удобствами
и прихотями того времени и проч. (кн.
II , пис. 17). Въ другомъ письмѣ опи-
сываетъ онъ , съ подобными подробно-

стями, другую виллу, Tuscī (кн. V, пис. 6.). Особено Пліній захищаєть эту дачу противъ обвиненій, будто бы положеніе ея вредно для здоровья. Впрочемъ, и самъ онъ предпочиталъ Laurentinum.» У меня ничего нѣтъ въ Laurentinum, кроме дома и сада—пишеть Пліній—зато я тамъ наслаждаюсь полнымъ уединеніемъ, много пишу; тамъ не воздѣлываю полей, ибо ихъ нѣтъ при Laurentinum, а самъ воздѣлываю поле Словесности. Въ другихъ мѣстахъ могу похвалиться полною житницею, а здѣсь полнымъ ящикомъ рукописей (кн. VI, пис. 6).» Онъ написалъ и сравненіе между двумя своими любимыми дачами (кн. IX, пис. 7), которымъ дополняется ихъ описаніе.

Объ отцѣ Плінія Младшаго мы знаемъ только тѣ, что его звали Кай Цецилій (имя, перешедшее и къ сыну), что онъ былъ уроженецъ изъ города Комо, что онъ происходилъ отъ плебейскаго, но

благороднаго (*nobilis*), т. е. древняго рода, которому принадлежало сенаторское достоинство. Мать звалась Плинія и была родная сестра Плінію Старшему, который оставилъ намъ свою «Естественную Исторію» (*Historia Naturalis*). По смерти мужа, она жила въ домъ своего брата, который усыновилъ племянника, и съ этого времени Пліній Младшій, по Римскому обычаю, назывался уже не просто Кайемъ Цецилемъ, а полнымъ своимъ именемъ: *Caius Plinius Cecilius Secundus*.

Отца лишился Пліній еще въ дѣтствѣ; воспитанъ же былъ попеченіями матери, дяди и опекуна Вергинія Руфа, заслужившаго, какъ видно, своею жизнью тѣ похвалы, которыя такъ щедро разсыпаны Плініемъ по случаю торжественнаго, всенароднаго погребенія Руфа (кн. II, пис. 1.). Замѣчательны слова Руфа, когда онъ рекомендовалъ Плінія, еще юношу, къ занятію одной изъ важ-

нѣйшихъ государственныхъ должностей.
 « Если бы я имѣлъ и собственного сына, и то я предпочелъ бы тебя » — сказалъ Руфъ, мужъ всѣми уважаемый. Эти слова служатъ, впрочемъ, столько же къ чести Руфа, сколько и къ чести самого Плинія.

Наставникомъ Плинія въ Краснорѣчії былъ знаменитый Квинтиліанъ. Много упражнялся Плиній въ сочиненіи импровизаціи судебныхъ рѣчей. Уже на 21 году своего возраста, началъ онъ свое поприще въ качествѣ адвоката; причемъ отличался столько же своими успѣхами, сколько честностію и неустранимостію. За свое адвокатство онъ не только не бралъ денежнаго вознагражденія, но даже не принималъ и малѣйшихъ подарковъ, считая ихъ безчестными взятками. Одни правыя дѣла находили въ немъ защитника. Онъ не зналъ лицепріятія и не боялся сильныхъ. За такую защиту грозила ему

однажды казнь, отъ которой избавила его лишь смерть Домиціана.

Съ особеннымъ тщаніемъ и съ какою-то къ себѣ недовѣрчивостію онъ старался обѣ отдѣлкѣ своихъ сочиненій. « Я ничего — говоритъ Пліній — не опускаю изъ виду, что служитъ къ ихъ исправленію. Прежде нежелѣ чѣ-либо напишу, самъ съ собою долго обдумываю; потомъ, читаю предъ двумя или тремя слушателями; затѣмъ, передаю другимъ съ тѣмъ, чтобы они сдѣлали свои замѣчанія ; если эти замѣчанія представляютъ для меня чѣ-либо сомнительное, я долго ихъ взвѣшиваю то съ тѣмъ, то съ другимъ ; потомъ исправленное читаю уже въ большомъ кругу слушателей и , повѣришь ли мнѣ, тогда то собственно я исправлять начнаю » (кн. VII, лис. 17). Понятно, послѣ этого, почему онъ считался величайшимъ ораторомъ своего времени и почему во всѣхъ его сочиненіяхъ, до

нась дошедшихъ, особенно замѣтна виѣш-
ная отдѣлка слога, какая-то изыскан-
ность въ мысляхъ, выраженіяхъ и об-
ротахъ рѣчи и даже нерѣдко натяжки,
напыщенность и высокопарность. Впрочемъ, Плиній былъ вовсе не доволенъ состояніемъ Краснорѣчія того вре-
мени, какъ онъ самъ прямо это выска-
залъ, а потому постояннымъ для себя
образцомъ избралъ Цицерона. Онъ не
былъ чуждъ и поэтическихъ дарованій,
хотя самъ о себѣ говорить, что онъ
пишетъ не стихи, а только стишен-
ки. Уже на 14 году своего возраста
онъ сочинилъ въ стихахъ какую-то тра-
гедію. Онъ любилъ читать поэтовъ,
игралъ самъ въ комедіяхъ и охотно
смотрѣлъ мимиковъ.

Онъ образовалъ себя и Философіею;
ей онъ учился, между прочимъ, у
Евфраты Стоика, которому онъ рас-
точаетъ большія похвалы въ одномъ изъ
своихъ писемъ (кн. I, пис. 10). Онъ

такъ былъ ревностенъ къ занятію Философіей, что слушалъ чтенія Евфратовы еще юношесю, служа самъ въ войску въ Сиріи. Впрочемъ, онъ говоритъ о себѣ, что и теперь еще, т. е. въ зрѣломъ возрастѣ, онъ не совсѣмъ понимаетъ Философію. — «Какъ артистъ только можетъ судить о другомъ артистѣ, такъ и философа можетъ понять только тотъ, кто самъ философъ» — говоритъ Пліній.

Съ ранняго возраста онъ изучалъ Исторію, особенно Ливія, даже думалъ самъ писать Исторію; но не известно, исполнилъ ли свое намѣреніе. По крайней мѣрѣ изъ его историческихъ сочиненій ничего не дошло до насъ. Пліній и знаменитый историкъ Тацитъ часто пересыпались своими сочиненіями съ тѣмъ, чтобы дѣлать другъ другу замѣчанія. Это доказываетъ, какъ высоко историкъ Тацитъ уважалъ мнѣніями

Плінія какъ стилиста , а можетъ быть, и какъ историка.

Эти два друга , Пліній и Тацитъ, были вмѣстѣ и соперниками , достойными одинъ другаго. Современники признавали ихъ за даровитѣйшихъ, дѣятельнѣйшихъ и ученѣйшихъ мужей своего времени, хотя потомство и оставило вѣнецъ за Тацитомъ.

Пліній прошелъ почти всѣ государственные важнѣйшія должности, и сталъ, наконецъ, ближайшимъ совѣтникомъ и любимцемъ императора Траяна.

Частную свою жизнь онъ прекрасно описываетъ во многихъ своихъ письмахъ: какъ онъ въ своихъ виллахъ проводить время лѣтомъ (кн. IX, пис. 36) и зимою (кн. IX, пис. 40). Два раза онъ былъ женатъ, но отъ обоихъ браковъ онъ не имѣлъ дѣтей. О первой женитьбѣ почти ничего не известно. Но о второй его женѣ, Кальпурніи, мы знаемъ, что это была женщина кроткая,

умная , образованная , горячо любившая
своего мужа , который не можетъ ею
довольно нахвалиться (кн. IV , пис. 19).
Изъ любви къ своему мужу и чтобы
удержать себя въ уровнѣ съ его инте-
ресами , она занималась прилежно на-
уками и искусствами . Какъ часто она
играла при немъ на цитрѣ , напѣвая
стихи своего мужа , чтобы во всемъ по
возможности угодить ему !

Плиній былъ весьма воздерженъ , во-
обще умѣренъ , хороший хозяинъ , береж-
ливъ , но щедръ . На свой счетъ постро-
илъ онъ два храма ; взялъ на себя
третью часть расходовъ вновь имъ
учрежденного училища въ родномъ го-
родѣ своемъ ; въ пользу этого города ,
подарилъ библіотеку ; ежегодно жер-
твовалъ значительныя суммы на содер-
жаніе дѣтей бѣдныхъ гражданъ и т. п.
Щедрости его въ частной жизни мы
имѣемъ много примѣровъ : такъ онъ далъ
приданое дочери своего наставника , Квин-

тиліана ; а другому своему учителю, філософу Артемидору, изгнанному Доміціаномъ ізъ Римскихъ владѣній вмѣстъ съ прочими філософами, онъ простилъ весь долгъ . . .

Онъ бытъ кротокъ и попечителенъ, какъ отецъ, съ своими рабами, съ которыми онъ обращался какъ съ гражданами свободными. «Можетъ быть,— говоритъ Пліній— еъ самомъ дѣлѣ и велиkie мудрецы тѣ, которые себя считаютъ такими, и, не смотря на то (подобно Катону Старшему), иначе обращаются съ своими рабами, я этого не знаю ; знаю только, что они не люди (кн. VIII, пис. 16).

Онъ держался правила: «въ общественной и частной жизни, въ большомъ и маломъ, къ чужимъ и своимъ всегда быть справедливымъ » И не разъ оправдывалъ на дѣлѣ это правило, руководясь не мертвою буквою закона, но живымъ смысломъ и внутреннею спра-

ведливостію. Два раза не захотѣлъ онъ употребить въ собственную пользу несоблюденіе формъ въ одномъ завѣщаніи. « Я держусь собственного закона совѣсти — говоритъ Плиній — а потому намѣренъ хранить волю умершаго, ибо для меня честь (*honestas*) тѣ, что для другихъ принужденіе (*necessitas*) » (кн. II, пис. 16). Разъ добровольно согласился онъ сдѣлать значительную сбавку съ прежде — условленной цѣны винограда, когда покупщики, по случаю неурожайного года, могли потерпѣть значительные убытки (кн. VIII, пис. 2.). Такую же сбавку, въ неурожайный же годъ, сдѣлалъ онъ съ найма полей своихъ въ пользу новыхъ колонистовъ (кн. X, пис. 24.).

Друзьямъ своимъ онъ не измѣнялъ ни въ какомъ случаѣ. Открыто онъ действовалъ въ ихъ пользу даже тогда, когда самъ состоялъ въ императорской службѣ ; когда многихъ друзей его, то

ссылали въ ссылку, то казнили; когда самъ былъ окруженъ шпіонами, готовыми всякую минуту своими доносами повергнуть его въ ту же участь. Лучшій другъ его, какъ мы уже сказали, былъ Тацитъ, этотъ неумолимый бичъ всѣхъ отвратительныхъ пороковъ своего вѣка, гражданинъ въ древнемъ Римскомъ смыслѣ этого слова, строгій историкъ, заранѣе прозрѣвшій близкую кончину древняго, языческаго міра.

Пліній былъ очень веселаго нрава: любилъ смеяться, шутить, играть, пировать съ друзьями; любилъ, что называется, пожить; но жаль, что часто онъ устранился принимать дѣятельное участіе въ общественной жизни, заключаясь въ жизнь частную, или, можно сказать и на оборотъ, жаль, что жизнь общественная часто его устранила, вообще давала ему мало простора для энергической дѣятельности.

Многими прекрасными качествами лич-

наго своего характера и многими отличными поступками въ жизни частной и общественной онъ заслужилъ любовь и уваженіе всѣхъ добрыхъ, какъ онъ говоритъ, людей, и самаго Траяна, который ни въ чемъ ему не отказывалъ, зная конечно, что Пліній не попроситъ у него ничего несправедливаго.

Онъ былъ слабаго тѣлосложенія и часто хворалъ, всего чаще страдалъ воспаленіемъ глазъ отъ безпрерывныхъ занятій, особенно отъ частыхъ ночныхъ бдѣній.

О смерти Плінія Младшаго не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ; знаемъ только, что послѣднее, дошедшее до насъ письмо его относится къ 55 году его возраста. Вѣроятно, онъ прожилъ все правленіе Траяна, а можетъ быть иѣсколько лѣтъ и долѣе....

Вотъ краткій очеркъ Плініева жизнеописанія!

Но будемъ до конца безпристрастны; замѣтимъ въ дополненіе ко всему этому очерку, что Плинія многіе, преимущественно новые филологи обвиняли и продолжаютъ обвинять, какъ писателя, особенно въ изысканности и напыщенности слога, какъ гражданина въ пристрастіи даже лести къ Траяну — словомъ во всемъ томъ, за что, вмѣстѣ съ Плиніемъ, осуждаются и весь ему современный вѣкъ, котораго характеръ мы очертили въ самомъ началѣ. На чёмъ, спрашивается, основываются всѣ подобные обвиненія и оправданія характера и дѣйствій Плинія? На однихъ и тѣхъ же свидѣтельствахъ, почерпаемыхъ изъ однихъ и тѣхъ же памятниковъ: изъ дошедшихъ до насъ сочиненій, особенно писемъ Плиніевыхъ. Если въ обвиненіяхъ и есть много правды, то ихъ все-таки не должно допускать безусловно. Въ самомъ дѣлѣ, въ пользу Плинія громко говоритъ тѣсная дружба его съ

умиѣйшимъ , образованѣйшимъ и благороднѣйшимъ изъ Плиніевыхъ современниковъ, съ историкомъ Тацитомъ, и съ самимъ Траяномъ, однимъ изъ лучшихъ кесарей Римскихъ; Плиній оставилъ по себѣ такую память, что впослѣствіи выдумали баснь, и ей повѣрили, о обращеніи Плинія къ Христіанству; наконецъ, мы знаемъ, что и величайшіе мужи всегда платятъ дань своему вѣку, а вѣкъ Плинія не былъ уже золотымъ вѣкомъ.

П. Рѣдкинъ.

ПИСЬМА
МЛАДШАГО ПЛИНІЯ
КЪ
ІСТОРИКУ ТАЦІТУ,

(писаныя въ началѣ царствованія Тита,
послѣ первого изверженія Везувія).

(извлеченіе.)

Ты желаешь знать подробно обстоятельства, сопровождавшія смерть дяди моего, чтобы передать ихъ потомству. Благодарю тебя. Конечно, его имя останется на вѣки въ памяти людей, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ ужаснаго бѣдствія, погубившаго такое множество на-

рода; многочисленныя творенія его обѣщаютъ ему также бессмертіе; но строики Тацита упрочатъ славу вѣрнѣе. Счастливъ, кому даровали боги совершасть дѣла, достойныя описанія; счастливъ и тотъ, чьи писанія еще чтимы и въ далекомъ потомствѣ; счастливѣе вдвое соединяющій оба дара! Это былъ удѣль моего дяди. Повинуюсь охотно твоему требованію.

Для былъ въ Мизенѣ, гдѣ предводительствовалъ флотомъ.

Въ девятую Календу Сентября (23 Августа) около седьмаго часу дня (*), мать моя взошла къ дядѣ сказать, что на небѣ является чудное огромное облако.—Дядя, уснувши немного на солнцѣ и выпивъ, по своему обыкновенію, холлодной воды, читалъ, но всталъ тотъ

(*) Въ часъ послѣ полудня. Римляне, и до селѣ Италіанцы, считаютъ часы съ восхода солнца.

часъ и сталъ разсматривать чудное явленіе (не подозрѣвая, по отдаленію, что это облако выходитъ изъ Везувія).— Оно было подобно огромной ели, съ вѣтвями ея и верхушкой. Вѣроятно, подземный вѣтеръ поднималъ его и поддерживалъ. Оно мѣняло цвѣтъ и казалось то бѣлымъ, то чернымъ, то разноцвѣтнымъ, по количеству золы или земли, въ немъ содержащейся. Дядя удивился и рѣшился изслѣдовать вблизи это явленіе. Онъ спросилъ лодку и пригласилъ меня съ собою. Но я предпочелъ остаться, чтобы не прерывать своихъ занятій. Дядя взялъ записную книгу и отправился въ лодкѣ одинъ.

Я же продолжалъ учиться. Ввечеру послѣ купанья легъ, но спалъ мало и беспокойно. Землетрясеніе, нѣсколько дней уже колебавшее всѣ окрестные деревни и города, становилось безпрестанно сильнѣе. Я всталъ, чтобы разбудить

матушку ; мать моя входить ко мнѣ , чтобы меня разбудить .

Мы сошли на дворъ, сѣли . Я спросилъ Титъ-Ливія , и , чтобы не терять времени , стала читать , выписывать . Была ли тѣ твердость духа или беззаботность , не знаю : я тогда былъ еще молодъ , мнѣ былъ 18-тыій годъ . Въ эту минуту пришелъ къ намъ другъ лади , прїехавшій изъ Испаніи для свиданія съ нимъ . Онъ укорялъ мать мою въ излишней неустрашимости , меня — въ дерзости . Дома въ Мизенѣ такъ колебались , что мы рѣшились выйти изъ города . Встревоженный народъ побѣжалъ за нами : боязнь подражаетъ иногда разсудку .

Вышедъ изъ города , мы остановились . Новые явленія производили новый страхъ . Берегъ , покрытый рыбами , все болѣе и болѣе разширялся , колебался , дрожалъ и далеко отталкивалъ грозное море , котораго волны съ яростью разбивались о него . Впереди поднявшееся съ

горизонта черное облако, безпрестанно раздираемое мрачнымъ пламенемъ, подобнымъ молнии, быстро подвигалось къ намъ.

Другъ дяди опять къ намъ обратилъся; «бѣгите, спасайтесь—говорилъ онъ намъ—это воля дяди, если онъ живъ, завѣщаніе его, если умеръ.»—«Пока мы еще ничего не знаемъ объ его участіи» отвѣчали мы, «не будемъ заботиться о себѣ.»—Услыша нашъ отвѣтъ, Испанецъ убѣжалъ поспѣшно.

Внезапно облако какъ бы упало съ небесъ на море и покрыло его. Оно заслонило островъ Капрею и мысъ Мизены. «Спасайся, сынъ мой,» закричала матушка; «спасайся, тебѣ уйти можно, ты молодъ, а гдѣ мнѣ. При моей старости и толщинѣ, я не могу, а я умру съ радостью, только бы не быть причиной твоей погибели.» «Матушка», мое спасеніе неразлучно съ вами.»—Я схватилъ мать за руку и потащилъ съ

собою.—«Сынъ мой!» говорила она со слезами, «я мѣшаю тебѣ идти скоро.»

Но пепель начинай уже на насъ падать. Я обернулся: густой дымъ, какъ потокъ разливавшійся по землѣ, стремился за нами. «Матушка, сойдемъ съ большой дороги; толпа насъ задавить въ этомъ мракѣ, который насъ скоро настигнетъ.»—И едва успѣли мы сойти съ большой дороги, какъ самая черная ночь покрыла землю. Вездѣ раздавались стоны дѣтей, жалобы женщинъ, крики мужчинъ.—«Сынъ мой!—жена!—отецъ!» раздавалось повсюду, и это только можно было различить среди рыданій и воплей. Только по голосу узнавали другъ друга. Иные оплакивали свою участь, другіе участь родныхъ; здѣсь молились, призывали боговъ, тутъ переставали имъ вѣрить; другіе призывали къ себѣ смерть изъ страха смерти; говорили, что настала для міра послѣдняя ночь, ночь вѣчнага.

И къ тому еще сколько прибавилось
мнимыхъ ужасовъ къ ужасамъ дѣйстви-
тельнымъ!

Межу тѣмъ, слабое сіяніе озарило
мракъ, но то не былъ разсвѣтъ дня, а
приближеніе пожара. Но скоро пожаръ
потухъ и ночь сгустилась еще въ
большій мракъ; вмѣстѣ съ мракомъ,
дождь золы посыпалъ на насъ. Мы
поминутно должны были вставать, что-
бы стряхивать платья. Скажу, одно-
ко, что при всемъ этомъ ужасѣ, я не
позволилъ себѣ ни одной жалобы. Я
утѣшалъ себя въ гибели мыслью, что
вмѣстѣ со мною всѣ и все погибнетъ, и
вселенная гибнетъ!

Наконецъ, черной и густой дымъ на-
чалъ мало по малу разсѣваться и ис-
чезать. День появился, потомъ и солн-
це, тусклое, красноватое, какое бываетъ
при затѣмніяхъ. Взорамъ нашимъ пред-
ставилась земля, вся покрытая золою,
какъ зимою бываетъ покрыта снѣгомъ.

Долго искали Мизену, наконецъ нашли и возвратились въ покинутыя жилища. Скоро потомъ пришло извѣстіе о дядѣ ; не напрасно мы о немъ беспокоились !

Я сказалъ тебѣ, что, простившись съ нами въ Мизенѣ, онъ сѣмъ въ лодку. Путь свой направилъ онъ къ Ретинѣ и другимъ, находившимся въ опасности деревнямъ. Оттуда всѣ бѣжали, онъ туда входить. Посреди общаго смятенія внимательно разсматриваетъ облако, следить за его измѣненіями и диктуетъ писцу. Но густая, горячая зора покрыла уже его лодку ; камни сыплятся вокругъ него и весь берегъ покрытъ цѣлыми обломками скалъ. Дядя не знаетъ, на что рѣшился : пуститься ли въ открытое море , или возвратиться домой. « Счастіе не оставляетъ храбрыхъ, » сказалъ онъ « повороти къ Помпоніяну.—Помпоніянъ былъ въ Стабіи , и встрѣтилъ дядю, дрожа отъ страха ;

дядя обнялъ его , ободрялъ , и желая внушить мужество своему другу, потребовалъ ванну ; выкупавшись, сѣлъ за столъ и ужиналъ весело, или по крайней мѣрѣ со всѣми признаками веселости , чтò одинаково обнаруживаетъ великую твердость духа.

Между тѣмъ , въ глубинѣ мрака Везувій со всѣхъ сторонъ воспламенялся. «Это горятъ покинутыя деревни ,» говорилъ дядя устрашеннай толпѣ. — Потомъ легъ и уснулъ глубокимъ сномъ. Весь дворъ начиналъ наполняться золою ; трудно становилось выдти. Спѣшать къ дядѣ , будять его. Онъ встаетъ , приходитъ къ Помпоніяну и людямъ его, всѣ вмѣстѣ толкуютъ: на что рѣшились ? Оставаться ли дома ? бѣжать ли въ поле ? если остататься, земля , вездѣ разверзающаяся, грозить гибелью. Если бѣжать ,— какъ спастись отъ сыплющихся камней ? — Но рѣши-

лись на послѣднее, толпа, покоряясь страху, дядя, убѣдясь разсудкомъ.

Не теряя времени, всѣ выходятъ изъ города, покрывая голову подушками. Вездѣ разсвѣтало, но здѣсь царствовала еще ночь, ночь ужасная, освѣщенная пламеннымъ облакомъ. Дядя захотѣлъ сойти къ берегу, не смотря на бурное море. Сошедши, онъ выпилъ воды, велѣлъ разостлать простыню и легъ. Вдругъ струи пламени, сопровождаемыя сѣрнымъ запахомъ, приводятъ всѣхъ къ бѣгству. Дядя встаетъ, съ помощью двухъ невольниковъ, но удущенный горячимъ паромъ падаетъ снова, и Плинія не стало.

Наканунѣ этого изверженія натуралисты прогуливались на цвѣтущей вершинѣ Везувія и съ сомнѣніемъ спрашивали: волканъ ли это, или нѣтъ?

О
ВЛІЯНИІ НАРУЖНЫХЪ УСЛОВІЙ
на
ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.

Подъ наружными условіями мы разумѣемъ все тѣ, что дѣйствуетъ на животное снаружи, т. е. воздухъ, теплоту, воду, почву, растущія на землѣ растенія, живущія на ней животныя и самаго человѣка, когда они дѣйствуютъ на какое-либо животное.

Животное, конечно, находится не престанно подъ вліяніемъ многихъ изъ этихъ условій, потому что оно не можетъ не дышать, не принимать пищи, не ходить по землѣ, не летать по воздуху или не плавать въ водѣ, не можетъ жить совершенно отдельно отъ растеній и другихъ животныхъ; и потому,

говоря строго, каждое явленіе, каждое измѣненіе въ животныхъ совершается непремѣнно подъ участіемъ наружныхъ условій: представить себѣ животное, живущее отдельно отъ нихъ, не возможно.

Но мы намѣрены обратить вниманіе нашихъ читателей и читательницъ на явленія рѣзкія, многозначительныя, которые, конечно, замѣтитъ каждый, кто не равнодушенъ къ живымъ существамъ Божіимъ, кто смотрѣть на нихъ не какъ на машины, подобныя произведеніямъ рукъ человѣческихъ, но какъ на живыя, непрестанно измѣняющіяся и часто сознательно дѣйствующія существа, близкія къ человѣку.

Въ различныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются различные физическія условія; въ одной и той же мѣстности онъ по временамъ позмѣняются; а потому весьма естественно, что зависящая отъ нихъ жизнь животныхъ также измѣняется.

Такъ, когда у насъ зимою замерзаютъ воды, на водѣ живущія птицы должны, конечно, отъ насъ отлетать въ такія страны, гдѣ воды во время нашей зимы открыты ; если же животное , какъ напримѣръ летучая мышь , медвѣдь , лишается зимою пищи , а перейти въ теплѣйшую страну не можетъ, то и тогда дано ему природою средство не умереть зимою и воскреснуть ближайшою весною къ новой роскошной жизни : оно засыпаетъ спячкою , въ продолженіи которой лежитъ почти замертво, и мало или совершенно не нуждается въ пищѣ. Если дикое животное перенесутъ въ домашній бытъ человѣка , или если животное изъ одной страны перенесутъ въ другую, то, конечно, оно измѣнить какъ вънѣшніе признаки свои , такъ и образъ своей жизни, оно или поработится человѣку, или по крайней мѣрѣ переродится; наконецъ, если физическія условія измѣняются внезапно и существенно , то часто

животное не можетъ продолжать жизнь своей: оно умираетъ, иногда весь родъ умираетъ, выраждается.

Вотъ тѣ явленія, которыя мы избрали предметомъ настоящей бесѣды. Поста-
раемся изложить главные законы ихъ,
заимствуя примѣры преимущественно
изъ нашего отечества, и, по возможности,
изъ Московской губерніи (*).

Начнемъ съ тяги или вообще съ (**)
I. Теченія (***) животныхъ. Нельзя
не замѣтить, при самомъ поверхностномъ

(*) Всѣхъ животныхъ, упомянутыхъ въ нашей статьѣ, можно видѣть въ Музѣи Московскаго Уни-
верситета, открытаго въ первое Воскресенье каж-
даго мѣсяца, кромѣ времени ваканціоннаго.

(**) Птица тянетъ — по выраженію охотниковъ.

(***) Периодическое переходженіе животныхъ изъ
одной страны въ другую и таковое же возвраще-
ніе ихъ въ первую издавна называются у настѣ
книжнымъ терминомъ путешествія, переводя его
съ языковъ западныхъ: voyage, Wanderung; но
наши звѣроловы и птицеловы, которые по небо-

наблюдениі , что у насъ зимою животныхъ и особенно птицъ гораздо менѣе, нежели лѣтомъ , и это временное исчезаніе животныхъ можно объяснить только двоякимъ образомъ : или животные оставляютъ насъ и переходятъ въ другія страны, или онъ скрываются въ нашихъ странахъ , засыпая спячкою : дикия утки отлетаютъ , а медвѣдь засыпаетъ.

Такъ сѣверные олени , на которыхъ ъздятъ Лапландцы и другіе Сибирскіе народы , совершаютъ , въ теченій одного года, двѣ тяги : лѣтомъ, когда въ сѣверной полосѣ Сибири , покрытой тундрами , размножаются до невѣроят-

ходимости болѣе другихъ обращаютъ вниманіе на сie явленіе, имѣющее существенное вліяніе на ихъ промыслъ, говорять , въ такомъ случаѣ , что звѣрь или птица течетъ, напр. на Югъ и т. д.; мы рѣшились употребить это выраженіе тѣмъ охотниче , что оно удачно передаетъ соединенное съ нимъ явленіе.

ности мелкія насѣкомыя , известныя подъ общимъ именемъ мошкарь, и тревожатъ оленей , они подымаются выше, въ болѣе сѣверныя полосы ; когда же здѣсь наступающій сильный холодъ лишаетъ ихъ нужной пищи , состоящей преимущественно изъ разныхъ мховъ, они спускаются опять въ тундровыя полосы , покрытыя мелкими растеніями, и эта тяга оленей составляетъ важный періодъ въ жизни туземцевъ , которые проводятъ большую часть года посреди снѣговъ и имѣютъ только два средства пропитанія , чтобы влачить жалкую жизнь свою: или они разсчитываютъ на уловъ рыбы, когда она весною изъ морей стадами заходитъ въ устья рѣкъ для метанія икры, или же стерегутъ стада текущихъ оленей; и кто не успѣлъ запастись рыбою въ количествѣ достаточномъ до времени тяги оленей, или кто не набыть оленей, во время ихъ теченія, столько, чтобы прожить до будущаго при-

плыва рыбы весною въ рѣки, тотъ обреченъ на неминуемую смерть. Путешественники рассказываютъ съ ужасомъ, какъ цѣлыя поселенія, изнемогая на снѣгу, умираютъ среди мученій голодной смерти оттого только, что уловъ ихъ рыбы или оленей былъ несчастливъ.

Бѣлка въ Европейской Россіи передъ зимою изъ сѣверной ея части *тѣчетъ* въ болѣе умѣренныя полосы, изъ Архангельской въ Олонецкую и Новгородскую, чтѣ, конечно, твердо помнятъ звѣроловы.

Пеструшка, особый родъ пестрыхъ полевыхъ мышей, водящаяся въ Лапландіи, размножившись въ иные годы до изумительного количества и поѣдая корю весь хлѣбъ, оставляетъ эту страну и отправляется отыскивать другую, гдѣ встрѣтить достаточную пищу.

Всѣ на водѣ живущія птицы, каковы дикие лебеди, гуси, утки, гагары; всѣ птицы, питающіяся насѣкомыми —

соловьи, пѣночки, малиновки, травнички, оставляютъ нась на зиму и отлетаютъ въ болѣе южныя страны, на острова Средиземнаго моря, въ Сѣверную Африку, а возвращаются къ намъ весною, когда и воды открыты, и пищу они могутъ найти въ достаточноемъ количествѣ:

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что два обстоятельства, преимущественно предъ прочими, заставляютъ животныхъ менять періодически одну мѣстность на другую: годичное или періодическое измѣненіе температуры и вообще климата, и уменьшеніе пищи. Оба эти условія дѣлаютъ жизнь животнаго невозможнаю долѣе, въ известной мѣстности, и заставляютъ его предпринимать теченія нерѣдко въ далекія страны. Имѣя въ виду эти обстоятельства, мы легко поймемъ и главныя явленія, которые сопутствуютъ *течению животныхъ*.

Очевидно, что главное течениe животныхъ совершается по направлению отъ Сѣвера къ Югу и обратно. Передъ зимою животныя приближаются къ экватору, а весною онъ же возвращаются ближе къ полюсамъ; и такъ какъ, по различному положенію солнца относительно земли, на съверномъ полушаріи бываетъ зима въ то время, когда на южномъ бываетъ лѣто, и обратно, то и понятно, почему на первомъ полушаріи животныя текутъ къ экватору въ то время, когда на второмъ онъ отъ него удаляются, и на оборотъ, когда на южномъ полушаріи животныя приближаются къ экватору, тогда къ Сѣверу отъ него животныя возвращаются къ полюсу. Почти ни одно изъ нихъ не переходитъ экватора. Такимъ образомъ на земной поверхности совершается непрерывное теченіе животныхъ отъ одного полюса къ другому, и тѣмъ самыемъ съ одной стороны поддерживается жизнь

отдѣльныхъ особей (*), а съ другой въ разныхъ мѣстностяхъ одиѣ животные смѣняются другими, или, какъ выражаются ученые, одна *фауна* смѣняется другою, и человѣкъ встрѣчаетъ непрестанное разнообразіе въ тваряхъ. Такъ осенью, когда отъ насъ отлетѣли наши пернатые пѣвучи, къ намъ на зиму прилетаютъ зимніе гости, которыхъ напрасно вы стали бы искать въ Московской губерніи лѣтомъ. Лишь только земля покроется ледянымъ чепромъ и выпадетъ порядочный снѣгъ, что случается обыкновенно около половины Ноября, къ намъ прилетаютъ стадами *чечѣтки*, пестрые *подорожники*, и красивѣйшія изъ Московскихъ птицъ — *свиристель*, и отлетаютъ отъ насъ весною, когда къ намъ вереницею возвращаются различные пташки.

(*) Особью называютъ каждое животное въ частности, въ отличіе отъ *особы*, *лица*, которыя относятъ только къ человѣку.

Животныя умъртвленыхъ странъ не текутъ. Соловей въ Московской губерніи птица отлетная и прилетная ; напротивъ онъ же въ Греціи, Южной Италии и Южной Испаніи принадлежить къ осьдлымъ птицамъ. Однакожь въ каждой мѣстности , не исключая и самой съверной, есть животныя , которыхъ никогда ея не оставляютъ. Не говоря уже о китахъ , тюленахъ и моржахъ , которые все болѣе уходятъ къ Съверу отъ преслѣдований промышленниковъ , въ съверныхъ полосахъ всегда живетъ бѣлый медведь. Въ губерніи Московской постоянно живутъ, кроме домашнихъ птицъ, по городамъ и деревнямъ , сѣрыя куропатки и бѣлыя куропатки , большие и малые тетерева и другія.

Кромѣ упомянутаго , болѣе общаго направлениія пути, есть и другія теченія, которымъ слѣдуютъ животныя и которыхъ столь же строго опредѣлены, какъ и первое.

На высокихъ горахъ замѣчаются два теченія животныхъ, подобныя тече-ніямъ между полюсами и экваторомъ. Передъ наступленіемъ зимы, когда вершины горъ начинаются покрываться снѣгомъ, или когда, по крайней мѣрѣ, холодъ на нихъ начинаетъ усиливаться, всѣ нагорные животные приближаются къ подошвѣ горъ, а весною опять восходятъ на горы. Замѣчено также, что сельди и другія рыбы уходятъ иногда въ глубину морскую и возвращаются въ болѣе холодное время.

Многіе морскіе раки и черепахи изъ открытаго моря приближаются къ островамъ и выходятъ на берега, отыскивая болѣе мелкія мѣста для метанія своихъ яицъ. Въ устья всѣхъ рѣкъ Сѣверной Сибири и Камчатки входятъ вереницы морскихъ рыбъ и ме-чуть тамъ икру. Такъ два раза въ годъ, лѣтомъ и зимою, осетры, бѣлуга, шипы и вообще вся цѣпная рыба, которую

называють красною , и которая употребляется въ такомъ большомъ количествѣ во всей Россіи , уходитъ изъ Каспійскаго моря въ Волгу , Каму и другія , изливающіяся въ него рѣки , и промышленники при ловлѣ рыбъ пользуются преимущественно этими двумя теченіями.

Теченіе животныхъ, совершающееся всегда на значительномъ пространствѣ , требуетъ отъ нихъ напряженія всѣхъ силъ ; чтобы преодолѣть на пути предстоящія трудности , животное принимаетъ всѣ , зависящія отъ него предосторожности , и не взирая на то , часто погибаетъ . Оставляя нась осенью , всѣ животныя уже перелиняли , оправились отъ этого труднаго для нихъ времени , и возвращаются въ новой весенней одеждѣ . Передъ началомъ самаго теченія онъ собираются въ стада , часто весьма многочисленныя , какъ будто зная , что имъ въ такомъ случаѣ легче пре-

одолѣть трудности, нежели каждому отдельно; потомъ, взвѣшивая свои силы, онѣ пускаются нѣсколько разъ въ путь и опять возвращаются, какъ будто не довѣряя имъ. Особенно любопытно было наблюдать это явленіе въ текущемъ году около 23 Августа: собравшіяся на поляхъ ласточки изъявляли волненіе свое громкимъ щебетаніемъ, подымались нѣсколько разъ и тревожно возвращались, пока, наконецъ, рѣшились пуститься вдаль. Самцы и старшія особи уходятъ прежде самокъ, п вообще слабыхъ животныхъ, и текущій караванъ принимаетъ именно ту форму, которая всего удобнѣе разсекаетъ воздухъ: гуси летаютъ нитью, журавли треугольникомъ, обращеннымъ вершиною впередъ и т. д., при чемъ сильнѣйшая особи помѣщаются во главѣ караvana, такъ, однако же, что передовой, послѣ некотораго пути, уходитъ назадъ, а на мѣсто его выдвигается второй, и

такимъ образомъ всѣ равно раздѣляютъ трудности теченія.

То мѣсто, гдѣ птица вьеть гнѣздо, называютъ ея отечествомъ. Мы называемъ соловья, жаворонка, Московскими птицами, но не можемъ назвать таковыми свистеля, подорожника и др.

Путь такого теченія есть возможно кратчайшій, слѣдовательно прямолинейный, и многія животныя скорѣе погибнутъ, нежели сорватять съ него. Такъ единственное средство избавиться отъ разрушительного дѣйствія текущихъ пеструшекъ состоитъ въ вырытіи канавъ, въ раскладываніи огня на пути ихъ, отчего большая часть ихъ погибаетъ, и т. д.

При всѣхъ сихъ условіяхъ, облегчающихъ *теченіе*, птицы къ намъ являются совершенно истощенными, худыми. Но зато для нихъ настала лучшая пора жизни, время витія гнѣздъ, кладки яицъ и ухода за птенцами, и мелкія

пташки, веселыя Божія созданія, переливаютъ и въ окружающую ихъ природу радость свою гармоническимъ, разнообразнымъ пѣніемъ. Забыты понесенные труды и лишенія, забыто все до будущаго линянія и новаго теченія.

Сколько теченіе животныхъ ни кажется на первый взглядъ дѣйствіемъ разсудительнымъ, но оно совершается однакожь по инстинкту. Заприте какую-либо птицу отлетную, напримѣръ — журавля въ клѣтку, кормите его въ волю, содержите въ тепломъ мѣстѣ, и не смотря на то, что птица не будетъ имѣть ни въ чемъ недостатка, что она въ продолженіи года вывела уже птенцовъ, она будетъ сильно беспокоиться во время отлета подругъ своихъ. Почему же птица такъ хорошо знаетъ время отлета, и слѣдуетъ неизменно извѣстному направлению, даже въ томъ случаѣ, когда течеть въ первый разъ? Чтобы объяснить себѣ это обстоятельство, стонгъ только обратить вниманіе

на то, что такъ часто происходит передъ нашими глазами. Каждому известно, что піявка или угорь, сохраняемыя въ водѣ, вслываніемъ на поверхность ея или погруженіемъ въ нее, лягушка кваканьемъ, ласточка летаніемъ надъ водою или въ верхнихъ слояхъ воздуха и т. д. указываютъ человѣку будущія перемѣны атмосферы — наступающую дождливую или ясную погоду, и слѣдомъ могутъ служить ему живымъ барометромъ; конечно, должно согласиться, что сіи животныя предсказываютъ ее не въ слѣдствіе какихъ-либо соображеній, основанныхъ на знаніи метеорологіи и астрономіи, а безсознательно указываютъ потому, что онѣ одарены большою чувствительностью или восприимчивостію, нужною для сохраненія своей жизни, и чувствуютъ малѣйшія перемѣны въ атмосферахъ, пріятныя для нихъ или непріятныя, которые человѣкъ замѣчаетъ только тогда, когда уже опѣ достиgli

значительной степени. Здесь, какъ и везде, видна премудрость Творца, давшаго каждому произведению своему нужные средства для охраненія себя: животные, надѣленныя слабымъ разсудкомъ, чувствуютъ малѣйшія враждебныя для нихъ вліянія, и удаляются отъ нихъ часто безсознательно, подобно младенцу, отнимающему руку свою отъ пламени свѣчи, о которое обжегся; напротивъ человѣкъ, пользующійся всѣми преимуществами разума, легче оградить себя отъ тѣхъ же условій, оставаясь посреди ихъ. Птица, почувствовавъ какую-либо для нея непріятную перемѣну въ атмосферѣ, убѣгаеть ее, направляетъ путь свой въ ту сторону, въ которой эта непріязненная перемѣна уменьшается, и останавливается только тогда, когда встрѣтить совершенно пріятную для нея атмосферу. Этимъ только можно объяснить удовлетворительно, почему птицы начинаютъ свои теченія

въ разныя времена года, то ранѣе, то позднѣе, почему онъ зимою текутъ именно къ экватору, а лѣтомъ на Сѣверъ, а не обратно, почему, наконецъ, онъ въ разные годы отлетаютъ то ближе, то далѣе. И по этому не то удивительно, что птица знаетъ время отлета и направленіе теченія, а было бы напротивъ удивительно, если бы она не сознавала ихъ.

Отъ правильнаго теченія птицъ должно отличать залетаніе ихъ: часто застигаетъ ихъ на пути сильный вѣтеръ, даже буря, и заноситъ въ мѣста, гдѣ обыкновенно онъ не извѣстны даже въ пролетѣ. Такъ въ послѣдніе годы были поймавы подъ Москвою пеликанъ и бурый грифъ, которымъ путь совсѣмъ не лежитъ на нашу губернію, но эти птицы были занесены къ намъ сильною бурею во время пролета своего осенюю изъ нижнихъ Волжскихъ губерній въ Южную Россію. Случалось даже, что въ

Европѣ излавливали птицъ, водящихся въ Африкѣ и Америкѣ.

Однакоже значеніе съ этимъ послѣднимъ явленіемъ имѣютъ и другія насильственныея перемѣщенія животныхъ, причинами коихъ бываютъ иногда физическіе дѣятели — воздухъ, вода, иногда самъ человѣкъ. Часто облака летающей саранчи заносятся изъ колыбели ихъ — Египта и Малой Азіи въ Крымъ и Турцию; часто вѣтеръ относить далеко въ открытое море стада мелкихъ, на сушѣ живущихъ птишекъ, которыя по необходимости садятся изнеможенными на плавающіе корабли; наконецъ, только движеніемъ воздуха можно пояснить явленіе падающихъ изъ атмосферы лягушекъ, рыбъ, червей и другихъ животныхъ: безъ сомнѣнія, во время бури эти животныя, движимыя воздухомъ, поднимаются, вмѣстѣ съ водою или и безъ нея, съ поверхности земли, и относятся на болѣе или менѣе отдаленное

разстояніе, куда иногда не простиравась самая буря. Замѣчали постоянно, что эти падающія животныя (*) принадлежать тѣмъ самымъ породамъ, которыя живутъ на землѣ, и притомъ встречаются чаще прочихъ. Въ 1842 году замѣтили такое явленіе въ Оренбургской и Курской губерніяхъ, и въ текущемъ году — въ Англіи. Вода также перемѣщаетъ животныхъ. Несколько разъ уже замѣчали мореплаватели, какъ малые острова, съ находящимися на нихъ растеніями и небольшими животными, оторванные отъ материка Сѣверной Америки, плыли въ море по направлению къ Камчаткѣ; только теченіемъ воды и особенно большихъ ледяныхъ глыбъ можно объяснить себѣ, почему Америка, имѣющая вообще животныхъ, совершенно отличныхъ отъ Азіи и Европы, въ

(*) По общенародному выраженію — дождь животныхъ.

съверной части своей имѣть нѣсколько общихъ животныхъ съ сими частями свѣта: вѣроятно, медвѣдь, ракунъ, бобръ, бѣлка, куница и нѣкоторыя птицы были переносимы посредствомъ льда, или переходили по немъ изъ одного материка въ другой; въ южныхъ же частяхъ тѣхъ же материковъ, между которыми нѣть сообщенія посредствомъ льдовъ, нѣть и общихъ животныхъ.

Наконецъ, самъ человѣкъ, иногда волею, иногда противъ воли, заносить животныхъ изъ одной мѣстности въ другую. Удовлетворяя разсчетамъ своимъ, онъ привезъ въ Европу шелковаго червя изъ Китая и Японіи, Мексиканскаго червеца, доставляющаго цѣнную краску (кошениль, кармазинную краску, канцелярское сѣмя) изъ Мексики; съ тою же цѣллю перевезли въ Америку изъ Европы домашній рогатый скотъ, лошадь, свинью, кролика, собаку, гдѣ на всѣхъ замѣняла, до пришествія

Европейцевъ, одна лама, которую въ послѣдніе годы стараются переселить въ Шотландію. Но человѣкъ дорого бы далъ, если бы не перевезъ, вмѣстѣ съ кораблями и товарами, мурашку, изъ мѣстъ, гдѣ разводятъ сахарный тростникъ, и малаго таракана въ Европу; если бы не перевезъ мыши изъ Европы въ Африку, Америку и Новую Голландію.

Оканчивая нашъ обзоръ явлений, относящихся къ перемѣщенію животныхъ, упомянемъ о тѣхъ изъ нихъ, которые постоянно бродятъ или блуждаютъ по нѣкоторому пространству, и тѣхъ, которые изъ одного мѣста постепенно расходятся въ сосѣднія, и, нерѣдко значительно удаляются отъ первоначального мѣста своего обитанія. Къ первымъ принадлежать всѣ животныя хищныя, которые, питаясь мясомъ, нерѣдко должны рыскать на значительныхъ пространствахъ для отысканія себѣ

пищи; имъ прямо противоположны травоядныя животныя, которые находять ее повсюду, и особенно тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ норахъ: это животные *осьдыя*. Ко вторымъ, къ животнымъ *расходящимся*, должно отнести въ Европѣ большаго, чернаго таракана и черную крысу. Во время царя Иоанна Васильевича, первый изъ нихъ былъ еще неизвѣстенъ въ Западной Россіи, и тѣмъ менѣе въ Западной Европѣ. Впрочемъ, въ самой Россіи (Великой) онъ былъ нерѣдокъ, такъ что Таннеръ, находившійся при Польскомъ посольствѣ, разсказываетъ съ ужасомъ, что въ Россіи есть ужасное животное, *кираканъ*, водящееся въ домахъ, не беспокоющее хозяевъ ихъ, по зато съ жадностю нападающее на гостей, и что онъ самъ съ товарищами былъ почти заѣденъ этимъ чудовищемъ во время почлега въ деревенской избѣ. До конца прошедшаго столѣтія, во всей Европѣ звали только одну *спѣрую крысу*.

су; въ это же время, начала заходить изъ Южной Азіи, вмѣстѣ съ тараканомъ, и большая черная крыса, распространялась постепенно къ Западу Европы, размножилась уже въ большомъ количествѣ въ Москвѣ, но весьма еще рѣдка въ Западной Россіи и прочей части Европы; на пути своемъ она изгоняетъ сѣрую крысу, которая, уступая ей жилища свои, удаляется болѣе на Западъ и въ Москвѣ даже сдѣлалась нынѣ рѣдкостію.

II. Засыпаніе животныхъ спячкою.

Каждому известно, что многія животныя на зиму засыпаютъ спячкою, погружаются въ глубокій (летаргический) сонъ, отъ которого пробуждаются только съ приближеніемъ весны; таковы медведь, бѣлка, хомякъ, барсукъ, сурокъ, летучая мышь, змѣя, лягушка, и вообще всѣ гады и всѣ насѣкомыя.

Не подлежитъ сомнѣнію, что одна

изъ главныхъ наружныхъ причинъ погруженія въ это близкое къ смерти состояніе, есть холодъ, потому что достаточно зимою внести въ теплую комнату заснувшую (или, какъ говорятъ неправильно, замерзшую) лягушку, ужа, летучую мышь, и они оживаются; нужно только не забывать главной предосторожности — отогрѣвать животное постепенно, подобно тому, какъ и замерзшаго человѣка возвращаютъ къ жизни, согрѣвая его постепенно все болѣе и болѣе. Въ послѣднее время, путешественники, находившіеся въ Гренландіи, нарочно замораживали лягушекъ, и обливая водою, окружали ихъ отвсюду толстымъ слоемъ льда; возвратившись же во Францію, они удачно оживили сихъ животныхъ. Наконецъ, животные, которые засыпаютъ въ полосахъ болѣе теплыхъ — медведь, летучая мышь, бодры въ теченіи всего года въ Италіи и въ Гречіи.

Но холодъ не единственная причина спячки; это видно изъ того, что не всѣ наши животныя подвергаются этому состоянію; требуются, слѣдовательно, со стороны животнаго иѣкоторыя условія въ устройствѣ его, которыхъ доселѣ не удалось намъ подмѣтить. Полагаютъ обыкновенно, что только тѣ животныя засыпаютъ, которыхъ имѣютъ мало собственной теплоты — хладнокровныя, каковы: гады, насѣкомыя, у которыхъ теплота тѣла не превышаетъ теплоты окружающаго воздуха; но это очевидно несправедливо: не всѣ хладнокровныя животныя засыпаютъ спячкою — рыбы, раки не подлежатъ ей, и притомъ многія животныя тепло-кровныя погружаются въ нее, каковы упомянутые звѣри; даже животныя, у которыхъ кровь теплѣе, нежели у всѣхъ другихъ животныхъ и самаго человѣка, — птицы,

и тѣ засыпаютъ: нынѣ не сомнѣваются уже болѣе, что народное повѣрье, будто бы иѣкоторыя ласточки у насъ остаются на зиму, погружаясь въ воду или скрываясь въ дупла, справедливо.

Наконецъ, есть и другое наружное условіе, которое погружаетъ животныхъ въ это состояніе: это сильный жаръ, соединенный съ такою же сухостью въ атмосфѣрѣ, слѣдовательно условіе совершенно противоположное сильному холоду. Только въ наше время замѣтили путешественники, что гады жаркой полосы Африки и Америки засыпаютъ спячкою на самое жаркое и сухое время лѣта. Слѣд. очевидно, что спячку животныхъ употребляетъ природа какъ средство для охраненія ихъ отъ губительного дѣйствія сильного холода или сильного жара.

Привезенные къ намъ изъ жаркихъ странъ змѣи, крокодилы, черепахи засыпаютъ также спячкою или по край-

ней мѣрѣ погружаются въ весьма близкое къ тому состояніе. Этимъ вполнѣ объясняется, почему упомянутыя животныя такъ смирны, спокойны, почему содержатели звѣринца обходятся съ ними такъ смѣло, почему ихъ кормятъ, наконецъ, такъ рѣдко; въ самомъ дѣлѣ, спящая змѣя, даже давно ничего неѣвшая, почти не чувствуетъ голода, а если и чувствуетъ, то не имѣетъ достаточной силы напасть на представляемую ей жертву. Если умираетъ у насъ змѣя изъ жаркихъ странъ, то умираетъ или оттого, что не хочетъ принимать пищи, или оттого, что, принявъ, не можетъ переварить ее.

Передъ погруженіемъ въ спячку всѣ животныя принимаютъ особыя предосторожности; всѣ они скрываются въ такія мѣста, где трудно найти ихъ хищному звѣрю: гады углубляются въ иль, въ тину; летучія мыши скрываются въ трещинахъ строеній,

въ дупло старого дерева ; хомякъ въ норы и т. д.

Многія животныя, изъ числа засыпающихъ спячкою, пробуждаются зимою на короткое время ; въ такомъ случаѣ эти животныя запасаютъ себѣ, до начала спячки, нужное на зиму количество пищи. У бурундуковъ находять большиe запасы кедровыхъ орѣховъ, и звѣроловы не столько отыскиваютъ его ради шкурки, которая не цѣнна и употребляется на легкіе мѣха, а иногда идетъ даже за границу подъ именемъ *l'escureuil de Moscou*, сколько ради собранныхъ имъ орѣховъ. Сурокъ отаскиваетъ въ норы свои растительные вещества, бѣлка — орѣхи, корки и проч.; въ восточной части Сибири водится небольшая мышь (*mus economus*), которая заготовляетъ на зиму огромное количество зеренъ.

Наконецъ, всѣ спячкою засыпающія

животныя охраняются отъ непріязненаго дѣйствія холода теплѣйшимъ покровомъ, который онъ получаютъ при осеннемъ линяніи.

K. Рулье.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

Прим. Зная, что естественные науки еще вовсе не вошли у насъ въ общую систему воспитанія, и что потому нельзя предполагать въ молодыхъ читателяхъ даже первыхъ общихъ понятій и съданій, редакція будетъ впредь по возможности держаться, въ помѣщаемыхъ ею статьяхъ по естествознанію, порядка самой науки, начиная съ первыхъ ея основаній.

ЖИЗНЬ РАФАЭЛЯ.

(ЧАСТЬ ВТОРАЯ.)

Двадцать одинъ годъ минуло Рафаэлю, какъ онъ прибылъ во Флоренцію. Послѣ скромной мастерской его учителя, Перуджино, новый міръ открылся ему здѣсь: тутъ все кипѣло и дышало жизнью; вездѣ неутомимая дѣятельность; множество художниковъ, и между ними первѣйшіе мастера, какихъ только имѣла въ то время Италия. Съ чего же началъ Рафаэль? Пошелъ ли онъ мимо всѣхъ впередъ, увлеченный сплою и гордостью своего гenія? Нѣтъ. Вѣрный урокамъ отца, смиренный и скромный,

онъ началъ прежде всего изучать картины всѣхъ великихъ мастеровъ , какіе тогда были во Флоренціи . Прежде всего занимался онъ у Масаччіо , живописца еще не столько славнаго , но который однако двигалъ впередъ свое искусство , отказавшись отъ сухой манеры Джотто . Скоро увидѣлъ Рафаэль произведенія славнаго Леонардо да Винчи : пораженный ими , онъ стоялъ въ изумленіи . Кисть Леонардо внезапно побѣдила его : онъ признался , что лучшей не видаль еще до сихъ поръ ; началъ изучать его,—но , изъ преданности и любви къ своему первому учителю , долго не могъ отказаться отъ его завѣтныхъ преданій . Первый плодъ своихъ новыхъ успѣховъ онъ посвятилъ также Божіей Матери . Вновь изобразилъ онъ Ее въ такой неподражаемо-чистой , цѣломудренной красотѣ , въ какой до сихъ поръ не было написано ни одного Ея образа : опускается взоръ Ея , погруженный въ однѣ

небесныя мысли и въ любвеобильныя заботы о божественномъ Младенцѣ, а Онъ, нѣжно покоясь на рукахъ Ея, дѣтски жмется къ Ней и Самъ глядить съ картины на всѣхъ предстоящихъ. Эту Мадонну называютъ во Флоренціи Мадонною великаго герцога (*Madonna del Gran Duca*), потому что герцогиня передъ нею приносила теплые молитвы Божіей Матери о томъ, чтобы Богъ послалъ ей сына, наслѣдника престола, безъ чего Тосканы подпадала, по смерти теперешняго герцога, Австрійскому вла-
дывству: Богъ услышалъ ея молитвы — и съ тѣхъ поръ тотъ образъ Божіей Матери, передъ которымъ герцогиня молилась, не покидаетъ ея внутреннихъ комнатъ.

Художники во Флоренціи сходились для бесѣды и споровъ объ искусствѣ. Такія сходки бывали очень часто у ар-хитектора и рѣзного мастера Баччіо д'Аньоло: тутъ встречались между со-

бою всѣ лучшіе живописцы, ваятели, зодчіе, и знатнѣйшіе граждане города; тутъ по временамъ, хотя весьма рѣдко, показывался суровый и строгій Микель Анджело; но всѣхъ болѣе отличался и своей живой, теплою рѣчью, и своею кроткой любезностью, нашъ красавецъ Рафаэль. Въ этомъ обществѣ пріобрѣлъ онъ многихъ друзей, какъ пріобрѣталъ ихъ вездѣ. Для нихъ не щадилъ онъ даровъ своей кисти: такъ для одного, Таддео Таддеи, написалъ онъ еще двухъ прекрасныхъ Мадоннъ. Изъ Флоренціи Рафаэль выѣзжалъ и въ другіе города Италіи, которые славились художниками. Онъ побывалъ въ Болоньѣ, гдѣ жилъ тогда Франческо Франчіа: оба живописца подружились скоро. Изъ Болоньи проѣхалъ на свою родину, въ Урбино: дворъ герцога соединялъ множество великихъ писателей и художниковъ. Тутъ блистали въ особенности Юліанъ Медичи, братъ

того, который послѣ былъ напою Львомъ X, графъ Балдассаръ Кастиліоне, человѣкъ придворный и остроумный авторъ, Петръ Бембо, известный своею ученостью, и многіе другіе. Скромный Рафаэль явился также посреди этого общества, которое отличалось не столько наружнымъ великолѣпіемъ, сколько талантами, умомъ, словомъ. Тутъ жарко разсуждали о красотѣ искусства, особенно Петръ Бембо и графъ Кастиліоне. Въ это время Рафаэль написалъ для герцога маленький образъ побѣдителя Георгія, который на бѣломъ конѣ убиваетъ копьемъ дракона, между тѣмъ какъ царская дочь на утесѣ молится за него и возводить взоры къ Небу. Эта картинка украшаетъ эрмитажный дворецъ въ Петербургѣ.

Къ этому же времени относится портретъ 23-хъ лѣтняго Рафаэля, имъ самимъ писанный. Онъ изобразилъ себя въ черномъ платьѣ, съ беретомъ на головѣ; глаза и волосы темные; лице нѣ-

сколько блѣдно; но вся наружность его облечена въ необыкновенную доброту и прелесть; во взорѣ выражается тихая, грустная задумчивость; все просто и скромно, какъ положеніе, такъ и одежда. Вы видите живаго Рафаѣля, какимъ онъ былъ для всѣхъ, его знавшихъ.

Славный папа Юлій II посѣтилъ Урбино: хотя исторически неизвѣстно, но можно предполагать, что Рафаѣль былъ ему представленъ, потому что не прошло двухъ лѣтъ, какъ онъ получилъ приглашеніе отъ папы явиться въ Римъ.

Изъ Урбино онъ опять перѣхалъ во Флоренцію. Тогда въ этомъ городѣ всѣ только и говорили о новомъ картонѣ Микель Анджело. Онъ нарисовалъ битву между двумя войсками, Флоренціи и Пизы, изъ которыхъ одно нападаетъ на другое во время его купанья. Микель Анджело любилъ рисовать людей въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ: тутъ

представлялось, на примѣръ, какъ одинъ воинъ натягиваетъ сапогъ на мокрую ногу, другой напяливаетъ платье на влажное тѣло; гибкость, страхъ, досада на лицахъ воиновъ, застигнутыхъ въ расплохъ.

Весь народъ стекался въ мастерскую живописца; всѣ изумлялись дивному картону. Рисунокъ такъ полюбился художникамъ, что они послѣ раздѣлили его на части. Каждый желалъ имѣть у себя хотя клочокъ славнаго картона. До часъ дошелъ одинъ небольшой отрывокъ, а картину мы знаемъ пѣзъ описания Вазари.

Рафаэль, конечно, видѣлъ ее, и лучше, чѣмъ другіе, могъ цѣнить великаго мастера. Но онъ не покидалъ своей любимой мысли: еще написалъ онъ нѣсколько изображеній Божіей Матери. Одно изъ нихъ носитъ название Прекрасной Садовницы. Все, что только человѣкъ можетъ вообразить чистаго и

цѣломудренаго, все тѣ облекаетъ Небесную Дѣву, которая опустила взоры на Младенца Іисуса и, кажется, ими принимаетъ въ себя Его божественный образъ. Прекрасенъ овалъ лица; слегка округленъ лобъ; длинныя рѣсницы осѣняютъ глаза; уста полуоткрыты. Младенецъ Іисусъ, стоя на ножкѣ Матери, прислонился къ Ея лону и глазами стремится къ Ней со всей любовью сына. Маленький Іоаннъ Креститель стоитъ на колѣнкахъ и выражаетъ, какъ будто за всѣхъ, умилительное благоговѣніе каждого, кто взглянетъ на эту картину.

На другомъ образѣ онъ представилъ, какъ Марія поднимаетъ покровъ съ уснувшаго Іисуса, чтобы показать Его маленькому Іоанну, который стоитъ пе-редъ нимъ на колѣняхъ. Этотъ образъ называютъ Сномъ Іисуса. Еще написалъ онъ Божію Матерь, какъ она прижи-маетъ къ груди Своей Божественнаго

Младенца: но вотъ что надоно замѣтить. Никогда не осмѣливался Рафаэль, ни на одномъ образѣ Мадонны, изобразить материнскій поцѣлуй: такъ понималъ онъ небесную возвышенность чистой любви Ея къ Сыну, Ея Спасителю.

Между тѣмъ, художникъ продолжалъ идти впередъ, стараясь перениматъ у старшихъ товарищѣй по искусству все, что видѣлъ хорошаго. Такъ подружилъ съ славнымъ живописцемъ Фра Бартоломео ди Сан-Марко, и перенялъ у него величавыя складки одеждъ, широкую накидку красокъ, живой тѣлесный цвѣтъ фигуръ, а его научилъ правиламъ перспективы, которыя самъ перенялъ отъ своего Перуджинскаго мастера, Петра. Къ этому времени относится его Мадонна подъ балдахиномъ, которая написана до того похожею на кисть Фра Бартоломео, что можно было приписать ее этому живописцу, а не Рафаэлю. Такъ великий гений не

боялся подражать другимъ: чѣмъ болѣе смирялся онъ своимъ дарованіемъ передъ всѣми, ему современными живописцами, тѣмъ выше восходилъ.

Друзьямъ и ученикамъ продолжалъ онъ помогать съ прежнимъ рвениемъ, не смотря на то, что слава отнимала у него время. Ободрить молодое дарование считалъ онъ своею обязанностію. Разъ пришелъ въ мастерскую къ Маріотто Албертинелли, и этотъ съ радостью показалъ ему маленькую, первую картинку четырнадцатилѣтняго ученика своего Іакова да Пунтормо. Рафаэль не только расхвалилъ Іакова, но обѣщалъ ему, что будетъ онъ славнымъ мастеромъ: слово такого художника конечно ободрило юношу, пзъ которого послѣ вышелъ замѣчательный живописецъ. Скажемъ здѣсь кстати: таковъ былъ точно нашъ славный поэтъ Пушкинъ. Какъ любилъ онъ ободрить дарование! какъ готово было у него всегда привѣтливое

слово каждому молодому писателю, который повърялъ ему трудъ свой !

Между тѣмъ, слава Рафаэля, распространяясь болѣе и болѣе по всей Италии, достигла и до Рима. Папа Юлій II собиралъ около себя всѣхъ великихъ художниковъ Италии. Браманте, первый архитекторъ своего вѣка, и Микель Анджело, который соединялъ въ себѣ зодчаго, ваятеля и живописца, работали въ Римѣ, и съ ними вмѣстѣ множество учениковъ. Первый храмъ во всемъ Христіянскомъ мірѣ, храмъ Св. Петра возвышался ихъ трудами и мыслию ; Ватиканъ, папскій дворецъ, какъ цѣлый городъ, строился подлѣ . . . Мраморныя колонны изъ всѣхъ языческихъ зданій переносились въ церковь Христіянскую и во дворецъ папы. Статуи древности стряхивали пыль свою и входили туда. Сотни мастеровъ, тысячи работниковъ трудились съ утра до ночи. Циркуль, рѣзецъ, кисть соревно-

вали другъ другу. Любо тогда было въ Римъ для художника. Папы искали по-всюду даровитыхъ людей. Не мудрено, что умный Юлій II нашелъ и Рафаэля. Въ 1508 году, онъ пригласилъ его въ свою столицу и поручилъ ему расписывать залы своего Ватиканского дворца.

Прежде всего папа заказалъ ему написать четыре картины, изображающія Богословіе, Філософію, Поэзію и Правовѣдѣніе. Мы не будемъ описывать подробно ни первой, ни последней изъ этъхъ картинъ. Скажемъ только, что, для изображенія Богословія, Рафаэль соединилъ въ картинѣ своей всѣхъ великихъ богослововъ Христіянскаго міра; Юриспруденцію изобразилъ онъ въ видѣ Римскаго императора Юстиніана, который издаетъ гражданскіе законы, и въ видѣ папы, предлагающаго законы церковные, или свои декреталы. Подробнѣе намъренъ я описать другія двѣ картины: Поэзію и Філософію.

Первую Рафаэль изобразилъ въ видѣ прекрасной женщины: крылатая сидѣтъ она въ облакахъ, на мраморномъ тронѣ, и держитъ въ рукахъ лиру и свитокъ. На головѣ ея лавровый вѣнокъ; лицо исполнено вдохновенія.

Внизу, подъ этими изображеніемъ Поэзіи, написанъ въ полукругѣ Парнасъ. Посреди на вершинѣ горы, подъ сѣнью лавровыхъ деревьевъ, сидѣтъ Аполлонъ и звуками инструмента сопровождаетъ свою пѣснь. У ногъ его выбѣгааетъ Ипокрена. Лицо упоено вдохновеніемъ. Вокругъ Аполлона соединились хоромъ девять музъ: всѣ онѣ слушаютъ его со вниманіемъ; одна обнимаетъ другую; всѣ исполнены любви и прелести; всѣ заняты однимъ изъ высшихъ наслажденій въ жизни человѣческой — изящнымъ искусствомъ. Около этого языческаго хора сошлись, по обѣимъ сторонамъ, поэты древняго мира и новой Италіи. Прекрасенъ

слѣпецъ Гомеръ: онъ выдается надъ другими, какъ начальникъ Европейской Поэзіи. Глубоко и важно выводить онъ свою пѣсню, а вблизи, свѣтлый, внимательный юноша, съ веселымъ лицемъ, записываетъ ее въ книгу. По обѣимъ сторонамъ Гомера Виргилій и Данть разговариваютъ другъ съ другомъ, и первый указываетъ путь второму, чтобы выразить тѣмъ, какъ въ самомъ дѣлѣ Виргилій былъ вождемъ и учителемъ Данта. Внизу происходитъ пріятная, сладкая бесѣда между лирическими поэтами Гречіи и Италіи. Тутъ Петрарка, Анакреонъ и Лезбосская пѣвица Сафо. По другую сторону сидѣтъ согбенный, многодумный старецъ, Пиндаръ, и къ нему съ изумленіемъ и пріятною улыбкой подходитъ Римскій поэтъ, Гораций. Выше бесѣдуютъ другие пѣвцы Рима древняго и новой Италіи.

Вообще вся эта картина весела, свѣтла, спокойна, игрива, какъ поэзія прекраснаго юга.

Познакомимся теперь въ другой картинѣ съ именами и съ значительными лицами философовъ древней Греціи. Ее называютъ Аѳинскою школою (*) — и не даромъ, потому что Аѳіны въ древности были дѣйствительно разсадникомъ всѣхъ наукъ и Философіи. Въ великолѣпныхъ чертогахъ происходитъ это собраніе: думаютъ, что Рафаэль изобразилъ здѣсь тотъ планъ, по которому другъ его, Браманте, хотѣлъ построить храмъ Св. Петра. Статуи Аполлона, бoga свѣта, и Минервы, богини мудрости, украшаютъ это зданіе и указываютъ на его назначеніе.

(*) Авторъ совсѣмъ бы оба эти описанія прощель передъ Волпатовскими эстампами съ картинъ Рафаэля, которая достать въ Москвѣ очень легко. Хорошо бы было сдѣлать это, разумѣется, съ какимъ-нибудь опытнымъ руководителемъ. Тогда, мы ручаемся въ томъ, картины Рафаэля будутъ для воспитанника совершенно ясны.

Пройдемъ же теперь, по порядку, славнейшихъ философовъ древности, которые здѣсь собраны. Начнемъ съ лѣвой стороны отъ зрителя. Этотъ величавый старецъ, съ важной думою на лицѣ, пишущій въ книгѣ, передъ которымъ юноша держитъ доску съ таинственными знаками, этотъ старецъ-Пиѳагоръ, постигшій согласіе между числами и музыкой. Онъ окружено группою своихъ учениковъ. Немного правѣе отъ зрителя отсторонился отъ этой группы и сидѣть въ прискорбной думѣ, поникнувъ глазами въ землю и облокотясь на табуретъ, Гераклитъ, который печально смотрѣлъ на міръ и человѣка, и вездѣ видѣлъ одно страданіе. Между имъ и Пиѳагоромъ стоитъ величавый Анаксагоръ. За Пиѳагоромъ, у подножія колонны, вы видите человѣка, совершенно противоположнаго Гераклиту; голова его увенчана плющемъ; онъ съ веселой улыбкою смотритъ въ книгу. Эта книга —

жизнь, а Философъ — Демокритъ, который весело смотрѣлъ на нее. Онъ окруженъ также своими учениками.

Надъ этою группой, въ презрѣнномъ углу, стоятъ ложные мудрецы, которые во зло употребляли свой разумъ и позволенную Богомъ науку. Это Диагоръ и Горгій, двое извѣстныхъ софистовъ. Они какъ-будто насильно хотятъ вторгнуться въ храмъ мудрости; въ ихъ премахъ видна дерзость и нахальство, какъ бываетъ всегда съ ложными учеными; но ихъ гонить издали ученикъ, стоящій у слѣдующей группы, которая собралась около великаго учителя.

Видите ли вы этого курносаго старика, съ умнымъ лицемъ, проницательнымъ взоромъ, который доказываетъ что-то по пальцамъ? Онъ очень похожъ съ виду на смышленнаго Русскаго мужичка, который тоже любить считать по пальцамъ и также часто подъ курносымъ лицомъ скрываетъ ясную глупость.

бину здраваго смысла. Это Сократъ, первый мудрецъ древней Греціи: объ немъ говорили, что онъ свель мудрость съ неба и поселилъ ее въ городахъ, между людьми. Это значитъ, что онъ не любилъ тумановъ облачныхъ; что онъ понималъ истину здраво и ясно, и такъ передавалъ ее людямъ. Онъ и пострадалъ за нее, потому что его отравили ядомъ. Всъ величайшіе философы Греціи пошли отъ Сократа — и тѣ два великие, чтò стоятъ по серединѣ картины, отъ него же приняли человѣческую мудрость: одинъ изъ нихъ сынъ его по наукѣ, а другой внукъ.

Передъ Сократомъ, въ одѣждѣ Греческаго воина, стоитъ Алкивиадъ, красавецъ и баловень Аѳинскій. Тотъ юноша, чтò слушаетъ Сократа съ такимъ свѣтлымъ и полнымъ вдохновеніемъ, долженъ быть Ксенофонтъ, любимый ученикъ его, описавшій намъ жизнь Сократову.

Перенесемся на середину самой картины: передъ нами два величавые мужа стоять въ глубинѣ, подъ куполомъ чертога, съ вышиниы котораго падаетъ на нихъ свѣтъ. Это два славаѣшіе философа Греціи, отъ которыхъ дошли къ намъ сочиненія. Тотъ, что лѣвою рукою держитъ огромную книгу, а правою указываетъ въ небо, Платонъ, ученикъ Сократа. Его наморщенное чено, содвинутые брови и глубокіе глаза — все показываетъ, что въ немъ родилась великая мысль. Палецъ правой руки, поднятый къ небу, говоритъ, что отъ неба выводилось онъ происхожденіе мысли, что начало всей истинѣ тамъ. Не даромъ самое Христіанство назвало Платона божественнымъ философомъ: въ его учении много такихъ истинныхъ мыслей, которымъ и мы, Христіане, можемъ чувствовать.

Рядомъ съ нимъ стоитъ другой великий умъ Греціи, ученикъ Платона, Ари-

стотель, въ началахъ своихъ отошедшій отъ своего учителя. Лицо его гораздо спокойнѣе и яснѣе ; глаза болѣе выдаются наружу и вглядываются въ предметы. Лѣвой рукою онъ также держитъ книгу , а правою указываетъ на землю, какъ-будто въ противность Платону. Это значитъ , что Аристотель устремлялъ вниманіе свое болѣе на опытное познаніе предметовъ — и совѣтовалъ на землѣ , въ изслѣдованіи вещей , искать истины.

Съ обѣихъ сторонъ, оба философа окружены своими учениками. У ногъ ихъ, къ сторонѣ Аристотеля, внизу, на ступеняхъ развалился старикъ полунаагой, въ рубищѣ , довольно неприличнымъ образомъ: это Диогенъ , известный циникъ, про которого есть преданіе , что жилъ онъ въ бочкѣ , а ходя по улицамъ съ фонаремъ, искалъ человѣка. Онъ нашелъ его въ самомъ себѣ — и тутъ какъ-будто смотрится въ зеркало, любуясь сво-

ею наготою. Ученіе его состояло въ томъ, чтобы въ жизни отказываться отъ всего. Онъ говорилъ: « чѣмъ менѣе у человѣка нуждъ, тѣмъ онъ ближе къ богамъ, которые ни въ чемъ не нуждаются.» Единственнымъ сосудомъ была у него чашечка, изъ которой онъ пиль воду: но разъ увидѣвши, что мальчикъ пить изъ руки, Діогенъ бросилъ и чашечку. Рафаэль изобразилъ ее, чтобы напомнить про этотъ древній анекдотъ. Діогенъ откинула на ступени и большую часть своей одежды, показывая тѣмъ, что и безъ нея обойтись ему можно.

Иные толкователи картины думаютъ, что Діогенъ смотритъ въ книгу; но эта доска скорѣе похожа на древнее зеркало, чѣмъ на книгу — и мнѣ кажется, что Рафаэль хотѣлъ такимъ образомъ выразить гордость Діогенову. Въ самомъ дѣлѣ, цинизмъ его проистекалъ въ немъ отъ гордости человѣческой: онъ хотѣлъ

походить на Бога въ томъ, въ чёмъ походить на него мы не въ состояніи, потому что безпрерывно зависимъ отъ природы — и зачѣмъ же намъ совершенно пренебрегать ею , если Богъ намъ далъ ее за тѣмъ, чтобы мы ею пользовались, разумѣется, не употребляя во зло Его прекраснаго дара ! Счастливая была мысль у Рафаэля , посреди картины , представляющей все величіе древняго разума человѣческаго, бросить на ступеняхъ эту свою равную фигуру Діогена, чтобы показать, до чего можетъ дойти нашъ разумъ въ своихъ странныхъ заблужденіяхъ.

По лѣвой сторону отъ Діогена (здѣсь берется лѣвая отъ картины , а не отъ зрителя) всходитъ по ступенямъ щегольски одѣтый и причесанный мушкун . Онъ руками указываетъ на Діогена другому — и такимъ тѣлодвиженiemъ какъ-будто хочетъ сказать: взгляните на чудака ! Это молодой Аристиппъ : онъ обращается съ этого рѣчью къ учителю

своему, Эпикуру, который совсѣмъ иначе смотрѣлъ на міръ, чѣмъ Діогенъ, и полагалъ счастіе только въ полномъ наслажденіи всѣми благами міра. Вотъ другая крайность, къ которой пришелъ языческій разумъ древнихъ Грековъ!

Прислонившись къ стѣнѣ и изъ правой ноги, положенной на лѣвую, сдѣлавъ себѣ столъ, молодой человѣкъ записываетъ въ книгу ученія разныхъ философъ. Думаютъ, что онъ изображаетъ школу такъ называемыхъ эклектиковъ, которые сами собою уже ни о чёмъ не размышляли, а выбирали только мысли пзъ разныхъ системъ и учений. Надѣ этѣмъ молодымъ человѣкомъ вы видите другаго, уже пожилаго, который облокотился на выпускъ колонны, и, съ выражениемъ насмѣшилія сомнѣнія, смотритъ въ книгу пишущаго. Это известный скептикъ Пирронъ, который во всемъ сомнѣвался: имъ кончилась древняя философія, какъ копчаетъ всякий

человѣческій разумъ, который въ самомъ себѣ силится утвердить истину, и, не будучи въ состояніи, сомнѣвается, наконецъ, въ самомъ себѣ.

Но вотъ древняя философія еще не хочетъ окончиться и упирается въ лицъ старика, Аркезилая, который хотѣлъ основать новую академію, школу въ родѣ Платоновой; но ужъ нѣть у него учениковъ: онъ остановился какъ-будто въ грустномъ одиночествѣ. Къ нему идетъ одинъ старикъ, съ костылемъ въ рукахъ, можетъ быть тотъ Гермотимъ, который дожилъ до старости, учился у всѣхъ философовъ, и если бы прожилъ еще долѣе, все бы продолжалъ учиться—этотъ вѣчный ученикъ, на котораго учителю плоха надежда.

Но вотъ, рядомъ съ нимъ, однако спиною къ нему, прекрасный юноша, вдохновенный, еще полныи силъ свѣжихъ: онъ бѣжитъ изъ чертога древней мудрости; онъ указываетъ въ иную сто-

рону, невѣдомую для древняго міра; онъ какъ-будто говоритъ: не здѣсь, а тамъ узнаютъ истину. Этъмъ лицомъ, какъ думаютъ нѣкоторые, Рафаэль хотѣлъ изобразить переходъ отъ древняго языческаго исканія земной истины къ Христіянству, открывшему истину вѣчную, небесную.

Я позволю себѣ еще одну догадку: этотъ юноша простираетъ взоръ свой далеко, и мнѣ кажется, что онъ остановилъ его на одномъ лицѣ, о которомъ мы еще ничего не сказали, но вы конечно давно замѣтили его на картинѣ. Оно возвышается надъ группою, которая соединилась около Пиѳагора. Окиньте теперь взглядомъ всѣхъ философовъ: всѣ заняты своимъ дѣломъ; около нихъ заняты ученики ихъ; но его никто не замѣтилъ, никто не обратилъ на него вниманія. Небесная кротость, смиреніе и любовь сіяютъ на прекрасномъ лицѣ его: свѣтлыя, бѣлыя одежды облекаютъ

его тѣло. Не тотъ ли это Невѣдомый древнему міру, который явился на землѣ тогда, когда Эллины, по слѣдамъ своихъ прежнихъ учителей, не переставали искать премудрости? Онъ представленъ еще юношой, безъ лучай Своей божественной славы, которая внезапно уничтожила бы всю эту мудрость земную... Онъ никѣмъ здѣсь не занятъ; никакого ученья не слушаетъ; Онъ кротко и смиренно, безъ гордости человѣческой, указываетъ на Себя, потому что въ Себѣ принесъ людямъ полную и живую истину. Но премудрые міра Его не видятъ: Его увидалъ только вдохновенный юноша, и смотрить на Него издали, и указываетъ на страну новую, которая, какъ новый мѣхъ, приметь ви-но, Имъ принесенное на изцѣленіе болѣзненному, одряхлѣвшему міру человѣческому: этотъ юноша не любимый ли ученикъ Его?

Внизу, справа отъ зрителя, глубоко-

мысленный старикъ нагнулся на землю и циркулемъ чертить на доскѣ геометрическую фигуру. По инымъ это Архимедъ, величайшій механикъ древности; по другимъ – Эвклидъ, славѣйший геометръ. Говорять, что Рафаэль изобразилъ въ немъ портретъ Браманте, своего учителя въ архитектурѣ. Четверо молодыхъ учениковъ его окружаютъ: въ нихъ живописецъ хотѣлъ выразить какъ-будто разныя степени пониманія науки. Тотъ, что наклонился всѣхъ ниже, смотрить на фигуру безъ смысла и туда понимаетъ, въ чемъ дѣло; второй одной рукою оперся на спину товарища, а движеніемъ другой руки показываетъ, что уже смекнулъ, въ чемъ дѣло; третій понялъ еще больше, потому что толкуетъ фигуру четвертому, который смотритъ на нее съ живою мыслью, и лицомъ и руками выражаетъ тотъ восторгъ, какого бываетъ исполненъ ученикъ, понявшій глубокую мысль своего наставника.

Надъ этою группою стоять два величавые мужа и держать въ рукахъ по глобусу. Это два астронома, которые примѣняютъ математику къ наукѣ свѣтилъ небесныхъ. Одинъ изъ нихъ въ царскомъ вѣнцѣ: это, какъ думаютъ, Птоломей Египетскій. Къ нимъ, этъмъ положительнымъ людямъ той науки, которую можно примѣнять и къ изящнымъ художествамъ, выходятъ двое, стоящіе у самаго края картины. Одинъ, постарше, болѣе видѣнъ, чѣмъ второй, и выдается почти всею своею фигурую: это Перуджино, учитель Рафаэля, кото-раго и здѣсь не забылъ благодарный художникъ, и, вѣроятно, потому поста-вилъ къ геометрамъ, что учился самъ у него перспективѣ, невозможной безъ знанія Геометріи. У другаго же видно одно лицо, а голова не вся, потому что заслонена головою Перуджино: это самъ скромный Рафаэль, творецъ этой чуд-ной картины.

С. Шевыревъ.

РЫЦАРЬ БАЯРДЪ.

Петръ дю Тераль, впослѣдствіи рыцарь Баярдъ , родился въ 1476 году, недалеко отъ Гренобля, въ Баярдъ, замкѣ отца своего , старого израненного воина. Фамилія Тераль принадлежала къ числу самыхъ славныхъ и благородныхъ въ провинціи Дофине , которой дворянство издавна отличалось воинственнымъ духомъ и гордо называло себя « l'écarlate des gentilshommes de France. »

Въ отцовскомъ замкѣ съ братьями и сестрами росъ молодой Баярдъ. Согласно съ дворянскими понятіями того времени, при воспитаніи его болѣе обращали вниманія на развитіе тѣлесной

силы и ловкости, чѣмъ на умственное образованіе , которое считалось необходимостью только для духовенства. Мальчики , которые не готовили себя къ этому званію, читали мало , развѣ одни рыцарскіе романы , зато въ тѣлесныхъ упражненіяхъ они далеко превосходили изнѣженіиныхъ дѣтей нашего времени. Они съ раннихъ лѣтъ привыкали носить тяжелое вооруженіе, которое однако не стѣсняло свободы ихъ движеній, потому что они могли въ немъ танцевать, прыгать черезъ глубокіе рвы , вскакивать безъ помощи стремянъ на коня , взлезать безъ лѣстницы на гладкія , каменные стѣны и т. д. Такая сила и гибкость членовъ были необходимы для людей , которыхъ главнымъ занятіемъ должна была быть война, и война не такая, какъ въ наше время, когда общее употребленіе огнестрѣльного оружія уничтожило почти всякое различіе между крѣпкимъ и безсильнымъ. Пушки и

ружья конечно употреблялись уже въ концѣ XV столѣтія , но гораздо менѣе, чѣмъ теперь, и, по плохому тогдашнему ихъ устройству, онъ не могли имѣть такой важности. Баярду было тринадцать лѣтъ , когда старый рыцарь дю Тераль созвалъ сыновей своихъ и спросилъ у каждого изъ нихъ : какой родъ жизни онъ намѣренъ для себя избрать? Старшій хотѣлъ остаться въ родовомъ замкѣ помощникомъ отца въ его хозяйственныхъ заботахъ; два меньшихъ прошли, чтобы ихъ учили наукамъ , нужнымъ для достиженія высшихъ духовныхъ должностей; одинъ только Петръ объявилъ желаніе служить Франціи, какъ служили его працрадѣдъ, прадѣдъ и дѣдъ , всѣ убитые въ сраженіяхъ. Отецъ благословилъ его выборъ и просилъ близкаго родственника своего, епископа Гренобльскаго , на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, помѣстить Петра при особѣ какого-нибудь знатнаго

господина, у котораго молодому человѣку можно было бы научиться хорошему обращенію и насмотрѣться на благородные примѣры. Таковъ былъ тогдашній обычай. Вѣрный слуга рыцаря Баярда, который оставилъ намъ прекрасную и простодушную повѣсть о подвигахъ своего господина (*), рассказалъ подробнѣ о его прощаніи съ родителями. Мать молодаго Петра дала ему предъ разлukoю небольшой кошелекъ съ деньгами и четыре совѣта: жить съ твердою вѣрою въ Бога, говорить правду, оказывать уваженіе и вѣжливость къ равнымъ себѣ и быть крѣпкимъ защитникомъ и другомъ бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ. Деньги онъ истратилъ скоро, совѣты сберегъ на всю жизнь.

(*) Подъ заглавiemъ: *Très joyeuse, plaisante et récréative histoire, composée par le loyal serviteur des faicts, gestes, triomphes et prouesses du beau chevalier sans paour et sans reproches, gentil seigneur de Bayard.*

Епископъ Гренобльскій помѣстилъ
своего племянника пажемъ ко двору
герцога Карла Савойскаго, гдѣ онъ про-
вѣль нѣсколько мѣсяцовъ. Потомъ, гер-
цогъ собрался посѣтить молодаго ко-
роля Французскаго, Карла VIII, жив-
шаго тогда въ Ліонѣ, и взялъ съ собою,
въ числѣ прочихъ служителей, пажа
дю Терала. Общее вниманіе останови-
лось на тринадцатилѣтнемъ мальчикѣ,
который съ необыкновенною смѣлостію
и ловкостію правилъ конемъ своимъ и
въ то же время былъ кротокъ и за-
стѣнчивъ, какъ дѣвушка. Король Фран-
цузскій выпросилъ Баярда у прежняго
господина и передалъ его для оконча-
тельнаго воспитанія другу и родствен-
нику своему, графу Люксембургскому.
Черезъ три года Баярдъ былъ уже на-
стоящимъ воиномъ. По примѣру боль-
шей части тогдашнихъ Французскихъ
дворянъ, онъ началъ службу въ конницѣ.
Пѣхота, кроме главныхъ начальниковъ

состояла изъ людей низшаго класса и Нѣмецкихъ или Швейцарскихъ наемниковъ, которые за деньги служили кому угодно, даже противъ соотечественниковъ. Не смотря на мирное время, Баярдъ умѣлъ заслужить извѣстность своими побѣдами на турнирахъ, въ которыхъ воинственное дворянство, скучая празднотю, выказывало передъ дамами силу и смѣлость, часто съ опасностю самой жизни. Товарищи и бѣдные любили его за простоту нрава и безграничную щедрость. Съ другомъ и недругомъ дѣлился онъ послѣднимъ добромъ своимъ и не думалъ о собственной нуждѣ. Онъ едва выходилъ изъ дѣтства, но будущій «рыцарь безъ страха и упрека» уже былъ видѣнъ.

Въ 1494 году, Карль VIII выступилъ съ большимъ войскомъ въ Италию. Это было начало такъ называемыхъ Италіанскихъ войнъ, которыми открывается новая исторія Европы. Съ этого вре-

мени до самой смерти , Баярдъ почти не сходилъ съ поприща войны. Походъ Карла былъ сначала очень удаченъ. Онъ прошелъ вдоль всю Италію и безъ труда занялъ королевство Неаполитанское, на которое у него были наследственные права. Французы дивились слабости Итальянцевъ , такъ легко уступавшихъ иноземцамъ самыя дорогія достоянія человѣка — независимость и родную землю. Въ простотѣ и невѣжествѣ своемъ, они приписывали эту слабость духа той блестящей образованности, которою дѣйствительно тогдашніе Итальянцы отличались предъ всѣми другими народами. Но настоящая образованность не ослабляетъ мужества , напротивъ того, она его укрѣпляетъ и направляетъ къ цѣлямъ разумнымъ и достойнымъ. Есть другая образованность, ложная и вредная , которая иѣжитъ и балуетъ умъ, отучая его отъ строгихъ, общеполезныхъ помысловъ. Такая об-

разованность, конечно, можетъ развить въ человѣкѣ прекрасную способность наслаждаться картинами, музыкою, стихами, но наслажденіе будетъ безплодно; оно будетъ похоже на наслажденіе лакомки. Человѣкъ, который, ради картинъ или книгъ, въ состояніи забыть о другихъ людяхъ и не думать объ ихъ участіи, немногимъ лучше безнравственнаго ребенка, который есть тайкомъ сладкій кусокъ, когда мать и отецъ его умираютъ съ голоду. Итальянцы XV вѣка съ жаромъ изучали великихъ писателей Греческой и Римской древности, но они болѣе обращали вниманія на изящную форму изучаемыхъ произведеній, чѣмъ на ихъ глубокій, нравственный смыслъ. Упиваясь сладкозвучною рѣчью, они не думали объ усвоеніи себѣ той доблести, той нравственной красоты, того человѣческаго достоинства, которыми такъ ярко сіяютъ великие люди Греческой и Римской по-

торіи. Зато тѣ Итальянцы , которые поняли древность съ настоящей стороны , не уступали ни Французамъ ни другимъ народамъ въ мужествѣ военномъ , и далеко превосходили ихъ во всемъ другомъ. Къ несчастію , такихъ было немного.

Главная причина , почему Италія такъ легко поддавалась инонлеменникамъ , заключалась въ ея раздробленіи на множество княжествъ и республикъ , которые безпрерывно воевали другъ съ другомъ и не могли соединиться въ прочный союзъ , даже при общей всѣмъ опасности. Впрочемъ , Карлъ VIII не долго удержалъ за собою такъ скоро завоеванное имъ Неаполитанское королевство. Въ то самое время , когда , среди пирровъ и рыцарскихъ забавъ , онъ собирался въ новый походъ , котораго цѣлью были изгнаніе Турокъ изъ Европы и освобожденіе изъ подъ власти Магометанъ гроба Господня , до него дошла вѣсть ,

что тотъ самыи Лудовикъ Моро, правитель Миланскій, который призвалъ его себѣ на помощь въ Италію, теперь соединился противъ него съ папою и могущественною Венецианской республикой. Такимъ образомъ Французамъ былъ отрѣзанъ возвратный путь на родину. Карль, встревоженный этими известіями, отказался на время отъ своихъ прежнихъ намѣреній, оставилъ значительный отрядъ для защиты Неаполя, а самъ съ прочимъ войскомъ пошелъ къ Сѣверу. На берегахъ рѣки Таро, близъ Форновы, ожидали его соединенные Итальянцы. Смѣлымъ нападеніемъ Французы смяли многочисленныхъ противниковъ и прочистили себѣ дорогу. Девятнадцатилѣтній Баярдъ совершилъ здѣсь свой первый, блестательный подвигъ. Онъ поднесъ королю отнятое имъ лично непріятельское знамя. Въ жаркой схваткѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади.

Черезъ три года умеръ Карлъ VIII. Преемникъ его, Лудовикъ XII, прозванный отцемъ народа, предпринялъ новый походъ въ Италию, откуда Французы уже были совершенно вытѣснены. Онъ считалъ себя законнымъ наследникомъ герцогства Миланскаго. Баярдъ отличился въ самомъ началѣ войны. Преслѣдуя разбитый отрядъ Миланскихъ войскъ, онъ ускакалъ отъ болѣе осторожныхъ товарищѣй, и одинъ, вмѣстѣ съ бѣглецами, ворвался въ городъ Миланъ. Его, разумѣется, немедленно окружили и принудили сдаться. Лудовикъ Моро почтилъ его отвагу и возвратилъ ему безъ выкупа свободу и оружіе. Но Баярдъ самъ осудилъ свою запальчивость. Ему также незнакомо было тщеславіе, какъ и чувство страха. Впослѣдствіи, онъ никогда не искалъ не нужныхъ опасностей и пренебрегалъ суетною славою удальства. Французы вскорѣ завоевали Миланское герцогство

и вторично проинкли въ Неаполь, но на этотъ разъ они должны были уступить часть прекрасной добычи Фердинанду Католику, королю Испанскому. Согласіе между Фердинандомъ и Лудовикомъ XII было непродолжительно. Въ 1502 году , въ южной Италии завязалась новая война , въ которой съ обѣихъ сторонъ стояли самые знаменитые воины того времени. Со стороны Испанцевъ : блестящій побѣдитель Мавровъ, Гонзальвъ Кордуанскій, заслужившій отъ современниковъ, по преимуществу, имя « великаго полководца.» Донъ Педро Наварри , который началъ службу простымъ солдатомъ въ пѣхотѣ и сдѣлался графомъ. Для него не было недоступной крѣпости. Онъ умѣлъ всюду подвести подкопъ и взрывалъ на воздухъ цѣлые горы. Педро де Пацъ, горбатый карликъ съ косыми глазами ; когда онъ сидѣлъ на конѣ, его почти нельзя было видѣть, до малому росту , но въ цѣломъ мірѣ

едва ли было сердце болѣе смѣлое. Онъ не боялся ни живыхъ враговъ, ни при-видѣній, въ которыхъ крѣпко вѣрили тогдашніе люди. Съ такимъ же без-страшиемъ ходилъ онъ въ битву, съ какимъ спускался въ ославленныя су-вѣріемъ пещеры, гдѣ, по народному повѣрю, злые духи берегли богатые клады. Со стороны Французовъ были: Добини, изъ царственного дома Шот-ландскихъ Стuardовъ; Лапалисъ, на полѣ битвы провозглашенный Француз-скимъ маршаломъ изумленными Испан-цами. Король утвердилъ его въ санѣ, признаномъ благородными противни-ками. Монтуазонъ, дряхлый и больной старикъ, который становился бодрымъ юношею, «соколомъ сраженія,» при-видѣ непріятеля; Имберкуръ, Фонтраль и Баярдъ. Имя молодаго рыцаря уже было славно. Въ частыхъ, почти еже-дневныхъ сшибкахъ ему было можно обнаружить великія военные качества,

которыми одарила его природа. Однажды онъ взялъ въ плѣнъ знатнаго Испанца, Алонзо де Сото Майоръ. Въ ожиданіи условленнаго выкупа, побѣдитель, полагаясь на честное слово плѣнника, освободилъ его отъ всякаго надзора. Испанцу скоро наскучила праздная жизнь въ плѣну; онъ нарушилъ рыцарское обѣщаніе и бѣжалъ. Побѣгъ не удался. Взятый въ другой разъ, Донъ Алонзо былъ заключенъ въ башню, откуда его освободили только по уплатѣ имъ тысячи червоцевъ выкупа. Эти деньги Баярдъ немедленно роздалъ подчиненнымъ своимъ. Ему достаточно было одной чести. Но самолюбіе Испанского рыцаря было глубоко тронуто: онъ жаловался въ оскорбительныхъ выраженіяхъ на строгость надзора, на неприличное обхожденіе съ нимъ Баярда. Въ то время, подобныя ссоры обыкновенно окончивались поединкомъ. Другихъ средствъ къ отвращенію обидъ или

клеветы не знали. Не смотря на тяжкую болѣзнь Баярда, поединокъ между нимъ и Донъ Алонзо былъ непрѣбѣженъ. Они бились на смерть, въ присутствіи значительного числа свидѣтелей изъ обѣихъ армій. Предъ началомъ боя, Баярдъ преклонилъ колѣна, произнесъ молитву и приложился къ землѣ. Сото Майоръ былъ убитъ. Впрочемъ, такого рода подвиговъ въ жизни Баярда не много, хотя поединки принадлежали къ числу самыхъ обыкновенныхъ случаевъ. Высокое, всѣми признанное безстрашіе соединялось въ немъ съ такою чистою скромностію, такою простотою души и уваженіемъ къ чести другихъ, что онъ не могъ ни наносить, ни получать тѣхъ мелкихъ оскорблений, которыя въ то время неминуемо влекли за собою кровавую расправу. Ему случилось отбить у Испанцевъ 15.000 червоцныхъ, сумму огромную, которая превышала все его родовое имѣніе и по праву принадле-

жала ему одному. Не смотря на то, одинъ изъ его товарищѣй незаконно потребовалъ участка въ этой добычѣ. Ба-ярдъ отказалъ наглому требованію и предоставилъ дѣло на разборъ начальниковъ. Рѣшеніе было въ его пользу. Тогда онъ раздѣлилъ деньги на двѣ половины и добровольно отдалъ одну опечаленному противнику, другую солдатамъ. Великодушіе его обогатило многихъ, самъ онъ остался бѣденъ до конца жизни.

Межу тѣмъ, война приняла дурной для Франузовъ оборотъ. Они были слишкомъ опрометчивы, а вели дѣло съ врагомъ осторожнымъ и осмотрительнымъ. Проигравъ нѣсколько сраженій, въ 1504 году, имъ наконецъ пришлось совсѣмъ оставить Неаполитанское королевство. Ба-ярду обязана была Французская армія спасеніемъ отъ совершенной погибели, которая ей однажды грозила. Оба непріятельскія войска стояли въ

виду одно-другаго, на противоположныхъ берегахъ рѣчки Гарильяно. Узкій и плохой мостъ представлялъ опасную переправу. Въ этой увѣренности, Французы безпечно расположились въ лагерѣ своеемъ и не ждали никакого нападенія. Испанцы замѣтили ихъ оплошность. Донъ Педро де Пацъ пошелъ съ довольно сильнымъ отрядомъ внизъ по рѣкѣ, какъ-бы отыскивая броду, и обратилъ на себя все вниманіе Французскихъ начальниковъ. Между тѣмъ, двѣsti человѣкъ конніцы понеслись къ мосту, оставленному безъ охраны. Одинъ Баярдъ замѣтилъ это движеніе и бросился имъ на встрѣчу. Узость моста не позволяла Испанцамъ развернуться: они должны были идти по три въ рядъ. Этимъ воспользовался рыцарь безъ страха и упрѣка. Онъ сбросилъ передовыхъ противниковъ въ рѣку и устоялъ противъ остальныхъ, пока къ нему не подоспѣла помощь. Суевѣрные Ис-

панцы были убѣждены, что съ ними
бился демонъ. Они не вѣрили, чтобы
человѣкъ могъ выдержать такую нерав-
ную борьбу. Наградою за это дѣло былъ
данный королемъ Баярду девизъ: *unus
vires agminis habet.* (*)

Праздность Баярда, по выступленіи
Французовъ изъ Неаполя, продолжалась
недолго. Онъ оказалъ Лудовику XII ва-
жныя услуги при взятіи Генуи. По за-
ключеніи Камбрейскаго договора, со-
единившаго противъ одной Венециіи силы
Нѣмецкаго императора, папы и королей
Французскаго и Испанскаго, сверхъ Ита-
лійскихъ князей, давнихъ завистниковъ
республикки, Баярдъ явился опять на по-
прищъ своихъ первыхъ подвиговъ. Этотъ
разъ Венеция вела войну благородную.
Она созвала подъ свои знамена лучшихъ
юношей Италии и указала на святую
для нихъ цѣль войны, на освобожденіе

(*) У него одного сила цѣлаго войска.

родины отъ иностранцевъ, которые на-
гло дѣлили ее между собою. Но счастіе
измѣнило республикѣ, дотолѣ почти
незнавшей неудачь. 14 Мая 1509 года,
при Аньяделло, Венеціянская армія бы-
ла на голову разбита Французами. Цвѣть
Италіянскихъ юношей, самые благород-
ные, самые образованные легли въ бит-
вѣ. Побѣдители должны были признать
высокое мужество побѣжденныхъ и
поняли, что есть образованность, кото-
рая не дѣлаетъ человѣка малодушнымъ.
Венеціяне съ гордостію рассказывали,
что убитые имъ ратники почти всѣ
были ранены въ грудь. Это было един-
ственное, но прекрасное утѣшеніе Ита-
ліи, навсегда утратившей свою незави-
симость. Баярдъ былъ одинъ изъ глав-
ныхъ виновниковъ Аньядельской побѣ-
ды. При осадѣ Павіи, онъ заставилъ
императора Максимилиана сказать, что
онъ завидуетъ королю Французскому, у
котораго есть такой слуга. Потомъ, онъ

былъ отправленъ на помощь герцогу Ферарскому противъ папы Юлія II. Баярдъ едва не захватилъ въ плѣнъ не по сану воинственного папу и вслѣдъ за тѣмъ спасъ ему жизнь, которой грозила опасность со стороны измѣнника. Въ началѣ 1512 года, у Французовъ почти не оставалось союзниковъ. Они должны были вести войну съ тѣми же государствами, которыхъ въ Камбре соединились съ цими противъ Венеции. Тогда начальство надъ войсками Лудовика XII принялъ двадцати-четырехъ-лѣтній Гастонъ де Фуа, герцогъ Немурскій. Его военное поприще было коротко и славно. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ завоевалъ почти всю съверную Италію и грозилъ выгнать Испанцевъ изъ южной. Самый близкій совѣтникъ его былъ Баярдъ. На кровавомъ приступѣ къ Бресчину, Баярдъ вель передовой отрядъ и рѣшилъ успѣхъ предпріятія, но былъ тяжело раненъ.

Его перепесли въ одинъ изъ лучшихъ домовъ завоеванного города. Не смотря на свои страданія, добрый рыцарь прежде всего позаботился о томъ, чтобы хозяева его не потерпѣли оскорблений отъ раздраженныхъ побѣдителей, грабившихъ Бресчію. По выздоровленіи, онъ не хотѣлъ принять никакого выкупа отъ богатой хозяйки дома, которая, по тогдашнимъ законамъ войны, была его плѣнницею. Часть денегъ, ею принесенныхъ, онъ подарилъ ея дочерямъ въ приданое, остальныя велѣль раздать въ женскихъ монастыряхъ наиболѣе пострадавшимъ во время приступа. Онъ прибылъ въ станъ герцога Немурскаго за нѣсколько дней до славной битвы Равенской.

Въ самый праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, день радости и примиренія для Христіанъ, сошлись не для мирнаго дѣла Испанская и Французская арміи. Многіе, глядя на кровавый цвѣтъ восхо-

дившаго солнца, предсказывали страшную съчу, смерть какого-нибудь великаго вождя. Съ ранняго утра, Гастонъ былъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ. Съ Балярдомъ и еще нѣсколькими спутниками подъѣхалъ онъ къ небольшому ручью, по ту сторону котораго стоялъ непріятель. Гастону хотѣлось взглянуть на его положеніе. За ручьемъ было человѣкъ двадцать или тридцать Испанцевъ. Они въ свою очередь обозрѣвали Французскій станъ. Балярдъ обратился къ нимъ съ рыцарскимъ привѣтомъ и словами: «Вы, государи мои, кажется, гуляете, подобно намъ, въ ожиданіи болѣе веселой забавы. Запретите пока стрѣлять съ вашей стороны, я отдалъ такое же приказаніе своимъ.» Донъ Педро де Пацъ спросилъ сбъ его имени и когда узналъ, что съ нимъ говорить рыцарь безъ страха и упрека, котораго онъ полагалъ еще въ Бресчин, то поздравилъ его съ прибытіемъ: «Я

радъ васъ видѣть, благородный господинъ, хотя присутствіе ваше для насъ не прибыль. Французская армія усилилась двумя тысячами человѣкъ въ вашемъ лицѣ. Дай Богъ, чтобы между нашими государями когда-нибудь состоялся прочный миръ и чтобы намъ, наконецъ, можно было сойтись не для битвы, а для дружеской бесѣды.» Потомъ, Донъ-Педро спросилъ: «Кто этотъ статный, молодой господинъ, которому всѣ вы оказываете такое почтеніе?»

Баярдъ отвѣчалъ: «это герцогъ Немурскій, братъ вашей королевы.» Тогда Испанцы сошли съ коней и, преклонивъ колѣни, привѣтствовали Гастона: «мы преданные вамъ слуги, герцогъ, во всемъ, что не противорѣчитъ вѣрности обѣщанной нами королю Фердинанду.» Гастонъ поблагодарилъ ихъ и они разъѣхались. Немного спустя началось дѣло. Соединенное войско Фердинанда и папы стояло за глубокими рвами. Доступъ къ

нему былъ труденъ, почти невозможенъ. Но когда Французскія пушки открыли огонь, Испанская конница не выдержала. Она перескочила черезъ рвы и понеслась въ чистое поле на встречу Гастону, Баярду и Лопалису, которые того только и ждали. Они опрокинули запальчивыхъ враговъ и погнали ихъ передъ собою. Потомъ, Французская пѣхота овладѣла окопами. Сраженіе было проиграно Испанцами. Главные начальники ихъ арміи были убиты или ранены. Въ числѣ пленныхъ были Донъ Педро Навара и молодой маркизъ Пескара, впослѣдствіи одинъ изъ великихъ генераловъ Карла V. Военное поприще его только начиналось. На щитѣ его было написано: «съ нимъ или на немъ.» Но онъ забылъ гордый девизъ и отдалъ побѣдителю щитъ и мечъ. Две тысячи человѣкъ Испанской пѣхоты сохранили строй въ общемъ безпорядкѣ. Тихо и гордо отступали они къ Равеннѣ. Гас-

тонъ отрѣзаль имъ дорогу къ городу. Но въ упоеніи выигранной побѣды, онъ не замѣтилъ, что при немъ было не болѣе тридцати всадниковъ. Бой былъ не продолжителенъ. Четырнадцать ранъ получилъ Гастонъ и палъ мертвый. Жаль было не его , а Французской арміи, потерявшей такого начальника. Его смерть была прекрасна. Ей можно завидовать, но не жалѣть обѣ ней. Онъ умеръ молодъ, въ торжественную минуту жизни, исполненный гордой радости и высокихъ надеждъ. Совершились ли бы его надежды , кто знаетъ? Онъ унесъ ихъ съ собою.

Онъ унесъ съ собою и счастіе Франціи. Равенская побѣда не привела тѣхъ послѣствій , которыхъ отъ нея можно было ожидать. Враги Лудовика XII удвоили усилия: его армія должна была снова оставить Италию. При отступлѣніи , Баярдъ , по обыкновенію своему , занялъ самое опасное мѣсто : онъ вель-

задній отрядъ и отбивалъ напирающаго непріятеля. Больной ; тяжело раненый, онъ прибылъ въ Гренобль. Жизнь его , по видимому, угасала. Народъ съ горячимъ участіемъ толпился около дома , гдѣ онъ лежалъ. Въ церквахъ молились о его выздоровленіи. Баярдъ жалѣль объ одномъ : о томъ, что Богъ не далъ ему умереть смертью воина, вмѣстѣ съ Гастономъ, еъ битвѣ Равенской. Но ему не суждено было умереть такъ рано. Передъ нимъ было еще нѣсколько годовъ славной и благородной жизни.

Вскорѣ, по выздоровленіи, Баярдъ отправился въ Испанию, гдѣ шла война за Наварру , котрою незаконно овладѣлъ Фердинандъ Католикъ. Оттуда его призвалъ Лудовикъ XII для защиты границъ собственного государства. Императоръ Нѣмецкій Максимилианъ и Генрихъ VIII, король Англійскій соединились въ Французской провинціи Пикардіи и обложили городъ Теруанъ.

Надобно было подать помощь осажденнымъ. Но Французская конница, объятая страннымъ страхомъ, ускакала съ поля, не дожидаясь нападенія. Впослѣдствіи это дѣло было названо битвото шпоръ (*la bataille des éperons*). Баярдъ, Лапалисъ и еще немногіе остались назади, не рѣшаясь бѣжать. Лапалису удалось потомъ отбиться; Баярдъ, со всѣхъ сторонъ окруженный, бросился на непріятельского офицера, который вовсе не ждалъ нападенія со стороны разсѣянныхъ Французовъ, приставилъ ему мечь къ горлу и принудилъ сдаться. Тогда Баярдъ отдалъ ему въ свою очередь мечь и сказалъ: «вы мой пленникъ, а я вашъ. Ведите меня къ императору.» Максимилианъ и Георгъ приняли его съ высокимъ уваженіемъ и рѣшили, что онъ не обязанъ платить выкупа, потому что былъ взятъ не какъ другіе. Англійскій король предложилъ ему вступить къ нему въ службу, на самыхъ блестя-

щихъ условіяхъ. Баярдъ отвѣчалъ, что у него одинъ Богъ на небѣ и одно отечество на землѣ и что онъ не можетъ измѣнить ни тому, ни другому. Подобный отвѣтъ далъ онъ еще прежде папѣ Юлію II. Предложенія Генриха и папы были основаны на неблагодарности Французскаго правительства, которое, пользуясь службою благороднаго рыцаря, не умѣло цѣнить его по достоинству и не хотѣло его поставить на приличное ему мѣсто. Изъ всѣхъ Французскихъ генераловъ того времени, онъ былъ самый знаменитый; не смотря на то, до самой смерти своей, онъ долженъ былъ повиноваться начальникамъ, которые были моложе его и лѣтами и службою. Но Баярду не нужно было никакихъ наградъ. Онъ никому не завидовалъ, никогда не искалъ повышенія. Въ высокой скромности и чистотѣ сердца, онъ былъ доволенъ сознаніемъ совершеннаго долга и отвращеніемъ опасностей, которыя

грозили его родинѣ. Другихъ цѣлей жизни у него не было.

Лудовикъ XII умеръ. Его мѣсто заступилъ Францискъ I. Новый король былъ молодъ, смѣлъ, исполненъ жаркой любви къ славѣ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ задумалъ о завоеваніи отнятаго у его предшественника Миланскаго герцогства. Баярдъ былъ назначенъ королевскимъ намѣстникомъ въ родную провинцію Дофине и получилъ приказаніе наблюдать за Швейцарцами и папскими войсками, которые сторожили проходы въ Италію. Онъ началъ военные дѣйствія взятіемъ въ плѣнъ папскаго генерала, Проспера Колоны и значительнаго отряда коннicy. Первая удача имѣла большое вліяніе на остальной ходъ предпріятія. Недалеко отъ Миланскихъ воротъ, у Мариньяно Швейцарцы остановили Французскую армію. Это случилось 13 Сентября 1515 года. Швейцарская пѣхота смыла

неодолимою. Въ то время ей не было равной, за исключениемъ развѣ Турецкихъ янычаровъ, на другомъ концѣ Европы пользовавшихся такою же славою. Густыми рядами, уставивъ впередъ длинные копья, ходили Швейцарцы въ битву и ломили все, что попадалось имъ на встрѣчу. Ни какая конница не могла удержать ихъ. Частыя побѣды убѣдили ихъ въ собственной непобѣдимости и исполнили презрѣнія къ другимъ. Французскихъ латниковъ они называли вооруженными зайцами. Два дня бились они при Мариньяно; нѣсколько разъ они были близки къ побѣдѣ, наконецъ, сдѣлавъ послѣднее отчаянное усилие, потерявъ двѣ трети своихъ убитыми и ранеными, они отступили. Подобной сѣчи не могли запомнить самые старые воины. Бѣшеная лошадь унесла Баярда въ средину непріятелей, смерть его казалась неизбѣжною, но онъ не потерялъ присутствія духа, свалился въ глубокій

ровъ и кое-какъ пробрался къ своимъ. Послѣ побѣды, король Францискъ просилъ Баярда возвести его въ достоинство рыцаря. Рыцарю безъ страха и упрека принадлежала по праву такая честь.

Вскорѣ потомъ, у Франциска явился соперникъ, столько же молодой, столь же честолюбивый и болѣе могущественный. То былъ Карлъ, король Испанскій, по смерти Максимилиана избранный императоръ Нѣмецкій. Прочный міръ между ними былъ невозможенъ. Въ 1521 году, императорскія войска вошли во Францію, заняли часть Шампаніи и подступили къ Мезьеру. Взятие этого города открыло бы имъ путь во внутренность королевства. Испуганные придворные совѣтовали Франциску сжечь скорѣе Мезьеръ, чтобы онъ не достался непріятелю, отдать на разореніе Шампанію и собрать всѣ силы государства около Парижа. Баярдъ возсталъ противъ малодушныхъ и безчеловѣчныхъ

мнѣній. «Мезьеръ плохая крѣпость, сказа-
лъ онъ, но храбрые люди стоятъ
крѣпкихъ стѣнъ.» Онъ вызвался защи-
щать городъ. Дѣло было трудное; онъ
доказалъ, что оно не превышало его силъ.
Несколько недѣль простояли Карловы
генералы передъ городомъ почти безъ
укрѣпленій, который они надѣялись
взять безъ сопротивленія, наконецъ имъ
должно было снять осаду и удалиться
въ Германію. За эту великую услугу
Францискъ наградилъ Баярда орденомъ
Св. Михаила; народъ считалъ его спа-
сителемъ Франціи. Баярдъ не долго
пробылъ при дворѣ, гдѣ его осыпали
почестями. Его призывали опасности
новаго рода. Въ провинціи Дофине от-
крылась моровая язва. Онъ поспѣшилъ
туда, успокоилъ народъ и дѣятельными
мѣрами умѣлъ остановить распростране-
ніе страшной болѣзни. Потомъ, онъ
усмирилъ Генуезцевъ, которые снова
отложились отъ Франціи, и взялъ го-

родъ Лодп. Начальникомъ Французской арміи былъ тогда адмиралъ Бониве, любимецъ короля, человѣкъ лично храбрый, но самонадѣянный и неопытный въ военномъ дѣлѣ. Не смотря на возраженія Баярда, онъ заставилъ его занять, въ деревнѣ Ребекъ, близь Милана, невыгодное положеніе, которое предавало его въ руки врагамъ. Испанцы воспользовались ошибкою и дѣйствительно окружили Ребекъ. Съ страшными усилиями удалось Баярду пробиться назадъ къ арміи, но онъ былъ глубоко опечаленъ потерями, которые отрядъ его понесъ въ неравной борьбѣ. Онъ былъ щедръ только на свою кровь, кровь и жизнь другихъ онъ берегъ свято. Легкомысліе Бониве казалось ему преступнымъ и онъ не скрылъ своего мнѣнія. Поправить испорченное дѣло было невозможно: Французы отошли отъ Милана; тѣснимые Испанцами, которые надѣялись на совершенную победу. Раненый Бони-

ве понялъ, что одинъ Баярдъ въ состояніи принять начальство надъ арміею и спасти ее. Онъ обратился къ нему. «Теперь поздно, отвѣчалъ Баярдъ, я могу вамъ обѣщать одно: пока я живъ, мы не сдадимся.» Въ виду многочисленнаго непріятеля надобно было переправитьсь черезъ рѣчку Сезію, между Романьяно и Гатинарою. 30 Апрѣля 1524 года, въ десять часовъ утра, Баярдъ былъ раненъ на вылетѣ каменною пулею которая перебила ему спинную кость. Онъ дважды призвалъ имя Божіе и тихо свалился съ лошади. Его положили подъ дерево лицемъ къ приближавшимся Испанцамъ. «Я всегда смотрѣлъ имъ въ лицо, сказалъ онъ; умирая, не хочу обратиться спиной.» Потомъ, онъ отдалъ нѣсколько приказаний на счетъ поспѣшнаго отступленія, исповѣдалъ грѣхи свои одному изъ бывшихъ при немъ служителей и приложилъ къ губамъ крестъ, бывшій на рукояткѣ его меча. Въ та-

комъ положеніи нашли его непріятели. Они оступили его съ знаками глубокаго участія. Помочь ему было невозможно: онъ отходилъ отъ жизни. Не одни Французы скорбѣли о великой утратѣ. Адріанъ де Круа, Испанскій генералъ, слѣдующими словами увѣдомилъ императора Карла о кончинѣ рыцаря безъ страха и упрека: «Государь, хотя Балярдъ служилъ врагу Вашему, смерть его достойна сожалѣнія. Онъ былъ благородный рыцарь и всѣ любили его. Едва ли кто могъ поравняться съ нимъ чистотою жизни, а кончина его была такъ хороша, что я никогда не слыхалъ о подобной.» Слѣдствія его смерти не замедлили обнаружиться. Менѣе чѣмъ черезъ годъ, Французская армія была совершенно разбита и разсѣяна при Павіи. Король Францискъ былъ взятъ въ пленъ. Тогда оцѣнилъ онъ Балярда. «О рыцарь Балярдъ! рыцарь Балярдъ! воскликнулъ онъ въ горѣ своемъ; если

бы ты былъ живъ, я бы не былъ въ
плѣну.”

Баярду было сорокъ восемь лѣтъ, ко-
гда онъ былъ убитъ. По словамъ совре-
менниковъ, онъ былъ высокъ ростомъ и
худъ. У него были черные глаза, тем-
ные волосы и орлиный посъ. Лице было
блѣдное съ выраженіемъ безконечной
доброты. Съ перваго взгляда, его никакъ
нельзя было принять за стараго воина,
привыкшаго къ битвамъ и кровопроли-
тию. Онъ болѣе походилъ на человѣка,
посвятившаго себя молитвѣ и мирному
служенію больнымъ и скорбнымъ братъ-
ямъ. Здоровье у него было не крѣпкое.
Кромѣ ранъ, онъ етрадалъ семь лѣтъ
ряду лихорадкою, но болѣзни не мѣ-
шиали ему служить Франціи и дѣлать
свое дѣло. Онъ побѣждалъ ихъ силою
души. Онъ отличался высокимъ благо-
честіемъ, хотя не любилъ молиться въ
присутствіи свидѣтелей; служители его
рассказывали, что онъ вставалъ по по-

чамъ, когда думалъ, что другіе уже спятъ, и тогда совершалъ долгую и горячую молитву. Милосердіе его къ бѣднымъ не имѣло предѣловъ. Il estoit grant aumosnier et faisait ses aulmosnes secr tement, говорить его простодушный биографъ. Когда нужно было подать помощь, онъ не отличалъ враговъ отъ своихъ. Болѣе ста бѣдныхъ дѣвицъ надѣлилъ онъ приданымъ во Франціи и завоеванныхъ ею краяхъ. Зато онъ умеръ бѣденъ, при огромныхъ средствахъ къ обогащенію себя. Среди ужасовъ войны, продолжительной и свирѣпой, онъ сохранилъ всю свѣжесть юношескаго сердца и до конца не могъ равнодушно смотрѣть на пожары и грабежи, которыми сопровождались движенія воевавшихъ армій. Чуждый тщеславія, онъ бережно хранилъ честь свою, потому что понималъ ее не такъ, какъ понимала ее большая часть его современниковъ и какъ понимаютъ много

людей настоящаго времени. Его чувство чести было основано на глубокомъ уваженіи къ личности человѣческой. Всякую обиду, неправо нанесенную человѣку, онъ считалъ грѣхомъ и преступленіемъ, и потому равно отвращалъ ее отъ себя и отъ другихъ. Однимъ словомъ, онъ законно носить название рыцаря безъ страха и упрека, и *le loyal serviteur* не напраснѣ сказалъ объ немъ: «ne s'est trouvé, en cronicque ou hystoire, prince, gentil-homme, ne autre condition qu'il ait été, qui plus furieusement entre les cruels, plus doulement entre les humbles, ne plus humainement entre les petis ait vescu que le bau chevalier dont la présente hystoire est commencée.»

Т. ГРАНОВСКІЙ.

Въ предыдущей книжкѣ Б. для В. ошибкою поставлено мое имя подъ доставленною мною редакціи статьею «первобытный міръ скандинавіи.» Статья эта передѣлана съ Нѣмецкаго и передѣлана не мною.

Т. ГРАНОВСКІЙ.

ДѢТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

и ли

СОБРАНИЕ

ПОВѢСТЬЕЙ, РАСКАЗОВЪ, АНЕКДОТОВЪ,
ИСТОРИЙ, СТИХОТВОРЕНІЙ И СКАЗОКЪ

ЛУЧШИХЪ АВТОРОВЪ

А И М Е Н І О:

1. А. Зонтагъ.	9. П. Г. Рѣдкниа.
2. Лермонтова.	10. К. Рулье.
3. Баратынскаго.	11. Т. Н. Грановскаго.
4. Языкова.	12. И. М. Снегирева.
5. Дельвига	13. А. П. Ефремова.
6. Хомякова.	14. С. М. Соловьева.
7. С. П. Шевырева.	15. В. А. Панова.
8. Волуса.	

ЧАСТЬ 2.

МОСКВА.

1851.

PROT
MK

✓

